П 9152

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БИБЛИОТЕКА МАРКСИСТА

Выпуск IV.

КАРЛ МАРКС

МЫСЛИТЕЛЬ, ЧЕЛОВЕК, РЕВОЛЮЦИОНЕР

2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО - 1920

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА

под общей редакцией Д. Б. Рязанова.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Под редакц. и с примечаниями Д. Рязанова.

Т. I. **К. Маркс.** Статьи и письма 1837—1844 гг. С иллюстрац. Стр. XXXII+564. Ц. 1 р. 80 к. в папке.

Т. II. **Ф. Энгельс.** Статьи и корреспонденции 1839—1844 гг. С иллюстрац. Стр. 624. Ц. 4 р. 50 к. в папке.

Т. X. **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Статьи и корреспон. 1852—1854 гг. Письма об Англии. Восточный вопрос. Пальмерстон. Стр. 600. Ц. 3 р. 25 к.

Т. XI. **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Статьи и корреспонденции 1854—1855 гг. Крымская война. Министерство Пальмерстона. Джон Россель. Испанская революция. Стр. 654. Ц. 3 р. 50 к.

К. Каутский. Собрание сочинений. Под ред. Д. Рязанова.

Т. X. Происхождение христианства. Изд. 2-е, доп. Стр. 454. Ц. 2 р. 25 к.

Т. XII. Размножение и развитие в природе и обществе. Стр. XVI+284. Ц. 1 р. 50 к.

Г. В. Плеханов. Сочинения. Под. ред. Д. Рязанова.

Т. I. Статьи до 1883 г. Период народнический. Изд. 3-е. Страниц 364. Ц. 2 р. 25 к., в папке 2 р. 60 к.

Т. II. Статьи 1883—1888 гг. От основания группы „Освобождение Труда" до организации „Русского Социал-Демократического Союза". Стр. 406. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к. в папке.

Т. III. На русские темы. 1888—1892 гг. Изд. 2-е. Стр. 430. Ц. 2 р. 50 к. в п.

Т. IV. На международные темы. 1888—1894 гг. Изд. 2-е. Стр. 333. Ц. 2 р. 60 к. в папке.

Т. V. Н. Г. Чернышевский. Кн. I. Изд. 2-е. Стр. XVI+363. Ц. 2 р. 25 к., в папке 2 р. 50 к.

Т. VI. Н. Г. Чернышевский. Кн. II. Изд. 2-е. Стр. VIII+413. Ц. 2 р. 50 к. в п.

Т. VII. Обоснование и защита марксизма. Часть первая. Издание 2-е. Стр. 331. Ц. 2 р. в папке.

Т. VIII. Обоснование и защита марксизма. Часть вторая. Издание 2-е. Стр. 411. Ц. 2 р. 60 к. в папке.

Т. IX. Против народничества. Изд. 2-е. Стр. IV+367. Ц. 2 р. 25 к., в п. 2 р. 60 к.

Т. X. Литературно-критические ст. (1888—1903). Изд. 2-е. Стр. IV+462. Ц. 2 р. 60 к. в папке.

Т. XI. Критика наших критиков. (1889—1902). Изд. 2-е. Стр. IV+398. Ц. 2 р. 25 к., в папке 2 р. 60 к.

Т. XII. Вопросы программы и тактики. (1900—1903). Изд. 2-е. Стр. VIII+536. Ц. 3 р.

Т. XIV. Искусство и литература. Стр. VIII+350. Ц. 2 р. 25 к., в папке 2 р. 60 к.

Т. XVI. Вопросы социализма и рабоч. движен. Стр. VIII+383. Ц. 2 р. 25 к.

Т. XVII. Против эмпириомонизма и богоискательства. Страниц VIII+347. Ц. 2 р. 25 к., в папке 2 р. 60 к.

Т. XVIII. От утопии к науке. Стр. VIII+335.

Т. XX. История русской обществен. мысли. Кн. I. Стр. XXVIII+366. Ц. 2 р.

Т. XXI. Кн. II. Стр. 296. Ц. 1 р. 50 к.

Т. XXII. Кн. III. Стр. 364. Ц. 1 р. 50 к.

Т. XXIII. Статьи по истории русской общественной мысли в XIX в. (Статьи о Чаадаеве, Белинском, Герцене др.). (Печ.).

П. Лафарг. Сочинения. Под редакцией Д. Рязанова.

Т. I. Предисловие Д. Рязанова. Содержание: Из истории социализма во Франции в последнюю четверть XIX ст. —Программные и тактические работы. — Воспоминания. — Указатель имен. С портретом Лафарга.

Т. II. 1. Экономические работ 2. Из истории социализма. (Печ.).

ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

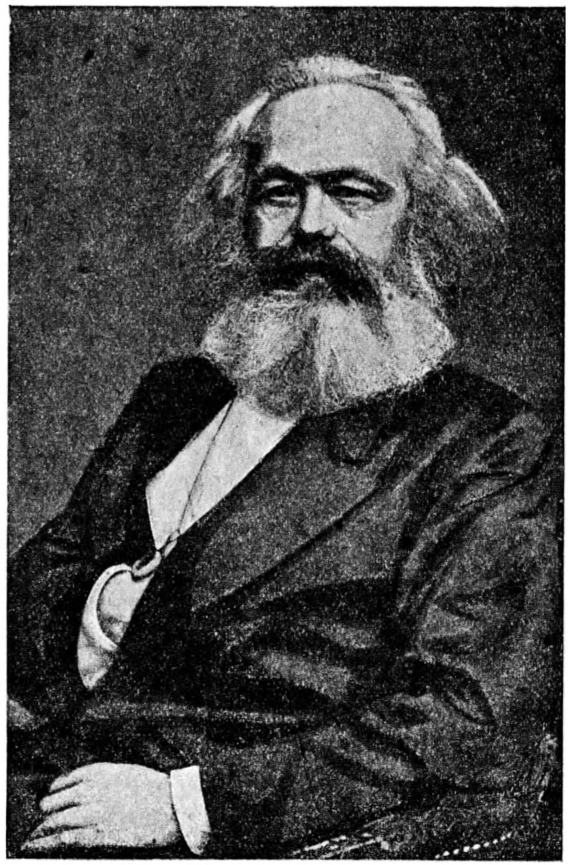
БИБЛИОТЕКА МАРКСИСТА
под редакцией Д. РЯЗАНОВА
ВЫПУСК IV

КАРЛ МАРКС
МЫСЛИТЕЛЬ, ЧЕЛОВЕК, РЕВОЛЮЦИОНЕР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1926 ☆ ЛЕНИНГРАД

Главлит № 49173. Гиз. № 14595 Тираж 10000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий". Москва, Пименовская ул., д. 16.



К. Маркс в 1880 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Предлагаемый сборник ставит себе целью дать товарищам образ Карла Маркса как мыслителя, человека и революционера. Трудно найти во всей всемирной истории другой образ, в котором так нераздельно сливались бы необычайная гениальность и сосредоточенность теоретической мысли, старающейся понять существующий буржуазный мир, и в то же время неугасимая ненависть к этой последней форме эксплоатации человека человеком и неустанное стремление разрушить этот мир эксплоатации, революционизировать его до самого его основания. И в то же время это был человек, которому не было чуждо ничто человеческое, который под своей иногда суровой внешностью скрывал безграничную любовь ко всем трудящимся и обремененным.

Самое живое представление о человеке можно составить себе, только когда имеешь возможность непосредственно наблюдать его. Чем больше число тех промежуточных звеньев, которые находятся между его живым образом и последней копией с него, тем слабее, тем отвлеченнее становится представление о нем. Так первый фотографический снимок всегда будет отчетливее, чем всякое последующее воспроизведение этого снимка.

Я поэтому решил попытаться в этом сборнике дать образ Маркса, сгруппировав по возможности наиболее непосредственные снимки с него, сделанные его ближайшими друзьями.

Сборник открывается двумя биографиями Маркса, написанными его ближайшим другом—Ф. Энгельсом—и дочерью его—Элеонорой Маркс. Первый очерк был написан

Энгельсом, еще при жизни Маркса, для немецких рабочих и помещен в календаре на 1878 г. Он дает краткий очерк жизни Маркса и в то же время прекрасную попытку определить его значение как мыслителя и революционера. Дополнением к этому очерку служат письмо Энгельса же к Зорге, написанное на другой день после смерти Маркса, и речь Энгельса, произнесенная над могилой Маркса 17 марта 1883 г. И письмо, и речь дают новые черточки для характеристики Маркса.

Биографический очерк, написанный дочерью через несколько дней после смерти отца, местами повторяет Энгельса. Но Элеонора Маркс писала его для английских рабочих и подчеркнула такие стороны, которые Энгельс оставил в тени. Кроме того, она, со слов матери, сообщает ряд интересных подробностей о молодом Марксе, которых мы не находим ни в каких других биографических очерках.

Прежде чем предоставить место другим авторам, я предпочел дать слово самому Марксу как теоретику пролетариата и неукротимому борцу за его интересы. Сначала идет статья его, посвященная памяти июньских бойцов, бесчисленных и безыменных героев пролетариата, погибших на баррикадах в Париже в июне 1848 г. По своей силе, по сосредоточенности энергии и страсти, с которой Маркс бичует буржуазию всех оттенков, статья эта,—к сожалению, до сих пор остававшаяся неизвестной русским рабочим,—принадлежит к числу лучших его работ. С ней могут сравниться только некоторые страницы в «Гражданской войне во Франции».

За этой статьей следует найденная мною речь Маркса, которую он произнес 14 апреля 1856 г. на празднестве, устроенном чартистами по поводу четырехлетия их нового центрального органа—«Народной Газеты». Маркс был одним из ее главных сотрудников. В поразительно сжатой форме он дает характеристику революций 1848 г. и исторической роли пролетариата. Эта речь, как и несколько других, которые еще нужно собрать, показывают, что Маркс, в отличие от Энгельса, был не только писателем, но и оратором, которому условия его жизни помешали развернуть этот талант.

Ряд статей, которые посвящены характеристике Маркса как

мыслителя и теоретика пролетариата, открывается статьей Г. Плеханова. Она принадлежит еще к лучшей поре его литературной деятельности (написана по поводу двадцатилетия со дня смерти Маркса и помещена в «Искре» от 1 марта 1903 г.). Она показывает международное значение Маркса и в особенности его значение для молодого русского рабочего движения.

Статьи Ф. Меринга и Розы Люксембург—обе они написаны в 1903 году и впервые появляются на русском языке—дополняют образ Маркса как революционера и мыслителя. Меринг изображает Маркса как теоретика революционной стратегии и тактики. Люксембург затрогивает в высшей степени интересный вопрос,—чем объясняется наблюдавшийся тогда застой в области дальнейшей теоретической разработки марксизма. Практика русской революции показала, что каждая новая высшая ступень в развитии классовой борьбы пролетариата открывает в неисчерпаемом арсенале марксовой теории новое оружие, необходимое для новой стадии этой борьбы. Так, постановка в очередь дня социализма, не как «конечной цели», маячащей где-то в бесконечной дали, а как текущей «злобы дня», выдвинула на первый план марксово учение о диктатуре пролетариата в государстве. Сжатое изложение всей системы марксизма, уже в свете опыта первой русской революции, дает прекрасный очерк Ленина, выясняющий значение Маркса, как философа, экономиста, политика и тактика пролетарской борьбы.

Статья покойного К. Тимирязева, который сам являлся, среди выхолощенных, засушенных русских академиков с их рабьими душами, научным революционером, развивает подробно проводившееся еще раньше сравнение между двумя величайшими революционерами в области научной мысли XIX века.

Остальные статьи нашего сборника посвящены главным образом Марксу, как человеку. Статья Лафарга, знавшего Маркса очень близко, рисует его не только в обычной домашней обстановке. Она, кроме того, показывает нам Маркса в его ученом кабинете, вводит нас в ту скромную лабо-

раторию, где работал великий ученый, знакомит нас с его приемами и навыками в той стадии научной работы, следы которой часто совершенно исчезают в окончательном ее продукте, хотя она представляет огромный интерес для всякого исследователя развития творческой мысли.

Простые и написанные безо всякой претензии воспоминания старого члена Союза Коммунистов Ф. Леснера изображают Маркса как старого подпольщика и члена рабочих организаций, действительного организатора немецкого коммунистического рабочего движения.

Большой отрывок из воспоминаний Вильгельма Либкнехта, которые не всегда отличаются точностью, особенно там, где они рисуют Маркса как теоретика, как раз в этой части дают очень живую картину и переносят нас в ту человеческую среду, где Маркс вращался в эпоху своего лондонского изгнания.

Краткий очерк Ленина, посвященный воспоминаниям недавно умершего Гайндмана о Марксе, показывает, как даже в таком кривом зеркале ярко отражается могучий образ великого старика, который органически не может понять, как это можно «с годами», становясь старше, т.-е. все более знакомясь со всеми гнусностями буржуазного строя, становиться «более терпимым» к нему.

Я позволил себе прибавить и свою статью, в которой я сообщаю и комментирую «признания», написанные Марксом в ответ на заданные ему его дочерями вопросов. В шутливой форме они содержат много правды, которая с каждым днем подтверждается рядом новых фактов.

Иллюстрации заимствованы из коллекций и изданий, имеющихся в Институте Маркса и Энгельса.

Д. Рязанов.

КАРЛ МАРКС — МЫСЛИТЕЛЬ, ЧЕЛОВЕК, РЕВОЛЮЦИОНЕР

КАРЛ МАРКС

Человек, давший впервые научное обоснование социализму, а вместе с ним и всему рабочему движению наших дней,—Карл Маркс—родился в 1818 г. в Трире. Сначала он изучал право в Бонне и Берлине, но вскоре обратился исключительно к занятиям историей и философией и готовился уже в 1842 г. стать доцентом философии, когда политическое движение, возникшее после смерти Фридриха Вильгельма III, направило его жизнь по другому руслу. Вожди рейнской либеральной буржуазии в Кёльне—Кампгаузен, Ганземач и др.—основали с его участием «Рейнскую Газету», и Маркс, чья критика протоколов рейнского ландтага возбудила всеобщее внимание, был приглашен осенью 1842 г. стать во главе газеты. Конечно, «Рейнская Газета» выходила под цензурой, но цензура не могла с ней справиться [1]).

«Рейнская Газета» почти всегда протаскивала статьи, какие она считала нужным печатать; цензору бросалась сначала какая-либо не имеющая значения пища для вычеркивания, пока он не уступал добровольно или не бывал вынужден уступить под угрозой, что газета не выйдет на следующий день. Десяток газет, обладающих мужеством «Рейнской Газеты», издатели которых не пожалели бы нескольких сотен лишних талеров на издержки набора,—и цензура в Германии стала бы невозможной уже в 1843 г. Но немецкие собственники газет были мелочные, трусливые обыватели, и «Рейнской Газете» пришлось вести борьбу одной. Один цензор сменял другого. Наконец, была установлена двойная цензура, так что после

---

[1]) Первым цензором «Рейнской Газеты» был полицейский советник Доллешалль, тот самый, который вычеркнул однажды из «Кёльнской Газеты» объявление о переводе Филалетом (будущим королем Иоганном Саксонским) «Божественной комедии» Данте, сделав следующее замечание: «нельзя шутить с божественными вещами».

первой цензуры ее должен был еще раз и окончательно цензуровать правительственный президент. Но и это не помогло. В начале 1843 г. правительство объявило, что с этой газетой ничего нельзя поделать, и прекратило ее совершенно.

Маркс, женившийся тем временем на сестре будущего реакционного министра фон-Вестфалена, переселился в Париж и издавал здесь вместе с А. Руге «Немецко-Французские Летописи», в которых начал серию своих социалистических работ с критики гегелевской философии права. Позже появилась общая работа его с Ф. Энгельсом: «Святое семейство, против Бруно Бауера и К⁰»,—сатирическая критика одной из последних форм, в которых отразились блуждания немецкого философского идеализма того времени.

Изучение политической экономии и Великой французской революции оставляло Марксу время для нападок при случае на прусское правительство; последнее ответило ему, настояв весной 1845 г., чтобы министерство Гизо—господин Александр фон-Гумбольдт сыграл при этом роль посредника—выслало его из Франции. Маркс перенес свое местожительство в Брюссель и издал там в 1847 г. на французском языке «Нищету философии»—критику «Философии нищеты» Прудона. В то же время ему представился случай основать в Брюсселе немецкий рабочий союз, и он приступил тем самым к практической агитации. Последняя приобрела для него еще большее значение с тех пор, как он и его политические друзья вступили в 1847 г. в существовавший уже много лет тайный «Союз Справедливых». Вся постановка дела была в корне изменена; более или менее заговорщическое объединение превратилось теперь в простую, лишь против воли тайную, организацию коммунистической пропаганды,—**в первую** организацию немецкой социал-демократической партии. Союз существовал всюду, где находились организации немецких рабочих; почти во всех организациях Англии, Бельгии и Швейцарии и в очень многих организациях Германии работой руководили члены Союза, и участие его в разраставшемся рабочем движении Германии было весьма значительно. Вместе с тем Союз выдвинул впервые международный характер всего рабочего движения и доказал его на деле, имея своими членами англичан, бельгийцев, венгров, поляков и др. и устраивая в Лондоне международные собрания рабочих.

Преобразование Союза произошло на двух конгрессах

1847 г., на втором из которых было постановлено выработать и обнародовать основы партийной программы в манифесте, составление которого было поручено Марксу и Энгельсу. Так возник «Манифест Коммунистической Партии», который появился в 1848 г., незадолго до Февральской революции, и был с этих пор переведен почти на все европейские языки.

«Немецкая Брюссельская Газета», в которой Маркс принимал участие, беспощадно разоблачая отечественное полицейское благополучие, заставила опять прусское правительство потребовать высылки Маркса, но напрасно. Однако, когда в результате Февральской революции начались народные волнения в Брюсселе и казалось, что Бельгия стоит накануне переворота, бельгийское правительство арестовало Маркса и без всяких околичностей выслало из Бельгии. Между тем временное правительство Франции пригласило его через посредство Флокона обратно в Париж, и он последовал этому зову.

В Париже он вступил прежде всего в борьбу с революционными авантюристами, пользовавшимися влиянием среди немцев. Они хотели сформировать во Франции из немецких рабочих вооруженные легионы с целью внести в пределы Германии революцию и учредить республику. С одной стороны, Германия должна была сделать свою революцию сама, с другой же стороны, формировавшийся во Франции иностранный революционный легион предавался Ламартинами временного правительства прямо в руки свергаемого правительства, как это произошло в Бельгии и Бадене.

После Мартовской революции Маркс отправился в Кёльн и основал там «Новую Рейнскую Газету», выходившую с июня 1848 г. по 19 мая 1849 г.,—единственную газету, которая в рядах тогдашнего демократического движения защищала точку зрения пролетариата. За высказанное ею безо всяких оговорок горячее сочувствие к парижским инсургентам июня 1848 г. она потеряла чуть ли не всех своих акционеров. Напрасно указывала «Крестовая Газета» на «чимборасовскую» наглость, с какой «Новая Рейнская Газета» нападает на все святое, от короля и регента до жандармов, и это в прусской крепости с восьмитысячным гарнизоном; напрасно горячились либеральные, ставшие вдруг реакционными, рейнские филистеры; напрасно кёльнское осадное положение осенью 1848 г. повлекло за собою запрещение газеты на продолжительный

срок, напрасно франкфуртское министерство юстиции требовало от кёльнского прокурора возбуждения судебного преследования за многие статьи,—газета, не боясь кары, спокойно составлялась и печаталась дальше, распространение и слава газеты росли вместе с резкостью ее нападок на правительство и буржуазию. Когда в ноябре 1848 г. в Пруссии произошел государственный переворот, «Новая Рейнская Газета» призывала народ в заголовке каждого номера не платить налогов и на насилие отвечать насилием. За это и за одну из статей весной 1849 г. она была предана суду присяжных, но оба раза оправдана. Наконец, когда майские восстания 1849 г. в Дрездене и Рейнской провинции были подавлены, концентрация и мобилизация значительных военных сил положили начало прусскому походу против баденско-пфальцского восстания,—правительство сочло себя достаточно сильным, чтобы уничтожить «Новую Рейнскую Газету». Последний—напечатанный красным шрифтом—номер вышел 19 мая.

Маркс снова отправился в Париж, но через несколько недель после демонстрации 13 июня 1849 г. французское правительство предложило ему одно из двух—перенести свое местожительство в Бретань или же покинуть Францию. Он предпочел последнее и переселился в Лондон, где и жил с тех пор без перерыва.

Попытка продолжать издание «Новой Рейнской Газеты» (1850 г.) в форме журнала (в Гамбурге) должна была быть через некоторое время оставлена ввиду все более усиливавшейся реакции. Сейчас же после государственного переворота во Франции Маркс издал в декабре 1851 г. «18 брюмера Луи Бонапарта». (Бостон 1852, второе издание—Гамбург 1869, незадолго до войны.)

В 1853 г. он написал «Разоблачения по поводу кёльнского процесса коммунистов» (напечатано сначала в Базеле, позже в Бостоне, недавно опять в Лейпциге).

После осуждения членов Союза Коммунистов в Кёльне, Маркс отошел от политической агитации и посвятил себя, с одной стороны, изучению в продолжение десяти лет богатых сокровищ, которые доставляла библиотека Британского музея в области политической экономии, с другой стороны, сотрудничеству в «Нью-Иоркской Трибуне», газете, которая до начала гражданской войны в Америке помещала не только подписанные им корреспонденции, но и многочисленные пере-

довые статьи о положении в Европе и Азии. Его критика деятельности лорда Пальмерстона, основанная на обстоятельном изучении английских официальных документов, была перепечатана в Лондоне в виде памфлетов.

Первым плодом его многолетних занятий экономическими вопросами было появившееся в 1859 г. «К критике политической экономии». Это произведение содержит в себе первое связное изложение теории стоимости Маркса, включая учение о деньгах. Во время итальянской войны Маркс в лондонской немецкой газете «Народ» подверг резкой критике бонапартизм, окрашенный в то время в либеральный цвет и игравший роль освободителя угнетенных национальностей, и прусскую политику, которая под плащом нейтралитета ловила рыбу в мутной воде. При этом был затронут и господин Карл Фогт, который, по поручению принца Наполеона и состоя на жалованьи у Луи-Наполеона, агитировал за нейтралитет и симпатии Германии. Осыпанный самой подлой, сознательно вымышленной клеветой, Маркс дал ответ в книге «Господин Фогт», где сорвал маску с Фогта и остальных господ из империалистической ложно-демократической шайки и доказал на основании прямых и косвенных улик, что Фогт подкуплен декабрьской империей. Ровно через десять лет обвинение это нашло себе подтверждение: в списке бонапартистских наемников, найденном в 1870 г. в Тюльери и обнародованном сентябрьским правительством, под буквой Ф. значится: «Фогт—в августе 1859 г. было передано ему 40.000 франков».

Наконец, в 1867 г. в Гамбурге появился «Капитал. Критика политической экономии, т. I», в котором изложены основы его экономически-социалистических воззрений, а также основные черты его критики существующего общества, капиталистического способа производства и его последствий. Второе издание этого составившего эпоху произведения вышло в 1872 г. В настоящее время автор работает над вторым томом.

Рабочее движение в различных странах Европы усилилось тем временем настолько, что у Маркса явилась возможность подумать об осуществлении своего заветного желания: основать рабочую ассоциацию, обнимающую наиболее передовые страны Европы и Америки, которая представила бы, так сказать, во плоти международный характер социалистического движения как самим рабочим, так и буржуазии и правительствам—на радость и укрепление пролетариата, на страх его

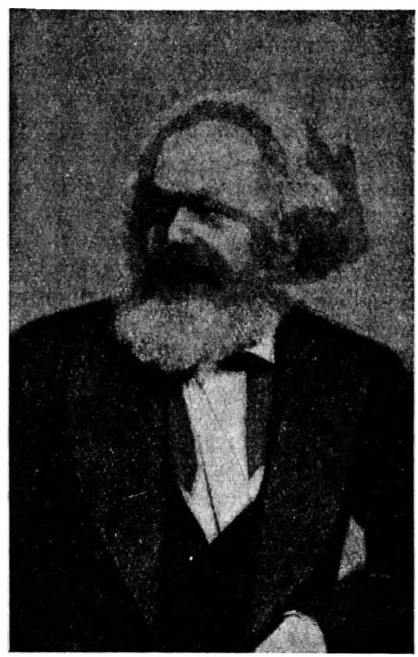
врагам. Народное собрание, созванное в знак сочувствия только что задушенной Россией Польше 28 сентября 1864 г. в зале св. Мартина в Лондоне, представило случай сделать это предложение, которое было принято с восторгом.

Международное Товарищество Рабочих было основано; на собрании был выбран временный Генеральный совет, местопребыванием которого сделался Лондон, при чем душой этого, так же, как и всех последующих генеральных советов до Гаагской конференции, был Маркс. Им были составлены почти все выпущенные Генеральным советом Интернационала манифесты, от учредительного адреса 1864 г. до адреса о гражданской войне во Франции 1870 г. Обрисовать деятельность Маркса в Интернационале значило бы написать историю этой ассоциации, которая жива еще в памяти европейских рабочих.

Падение Парижской Коммуны создало для Интернационала невыносимое положение. Он был выдвинут на авансцену европейской истории в момент, когда у него была отрезана всякая возможность успешной практической борьбы. События, поднявшие его до высоты седьмой великой державы, не позволяли ему в то же время мобилизовать и пустить в ход свои военные силы под страхом верного поражения и задержки рабочего движения на целые десятилетия. К тому же с разных сторон пробивались элементы, пытавшиеся использовать так внезапно выросшую славу ассоциации для своего личного тщеславия или личного честолюбия, не вдумываясь в действительное положение Интернационала или не обращая на него внимания. Надо было принять героическое решение, и опять-таки Маркс принял и провел его на Гаагском конгрессе. Интернационал снял с себя торжественным постановлением всякую ответственность за действия бакунистов, составлявших центр этих безрассудных, неопрятных элементов; затем ввиду невозможности при общей реакции отвечать поставленным себе высоким требованиям и поддерживать всю свою деятельность иначе как ценою ряда жертв, от которых рабочее движение истекло бы кровью,—ввиду такого положения дел Интернационал удалился на время со сцены, перенеся Генеральный совет в Америку. Последствия доказали, как правильно было это, в то время и с тех пор так часто осуждавшееся, решение. С одной стороны, был положен конец всяким попыткам бесполезных вспышек под знаменем Ин-

тернационала, с другой стороны, продолжающиеся внутренние сношения между социалистическими рабочими партиями различных стран доказали, что разбуженное Интернационалом сознание общности интересов и солидарности пролетариата всех стран может иметь силу и без уз формального международного товарищества, ставших в то время оковами.

После Гаагского конгресса Маркс нашел, наконец, спокойствие и досуг, давшие ему опять возможность приняться за теоретическую работу. Будем надеяться, что не в слишком продолжительном времени появится в печати второй том его «Капитала».



К. Маркс в 1872 г.

Карл Маркс занес свое имя в историю науки и многими замечательными открытиями, из которых мы здесь укажем на два главнейшие.

Он, во-первых, произвел переворот во взгляде на всемирную историю. В основе прежних воззрений лежало убеждение, что причину всех исторических перемен следует искать в изменяющихся идеях людей, а главнейшими, господствующими над всею историею переменами считались политические. Но откуда являются идеи у людей, и какие причины побуждают к политическим переменам,—эти вопросы не были даже поставлены. Лишь новейшая французская и отчасти английская исторические школы пришли к убеждению, что движущей силой европейской истории, по крайней мере со времени средних веков, была борьба за общественное и политическое господство между развивавшейся буржуазией и

феодальным дворянством. Маркс же доказал, что в с я история человечества есть история борьбы классов, что во всевозможных видах запутанной политической борьбы вопрос шел лишь об общественном и политическом господстве того или другого класса, т.-е. об утверждении власти отжившего класса или о приобретении ее—вновь выдвигающимся.

Что же, однако, создает и поддерживает различные классы общества? Всегда материальные, лишь грубо осязаемые условия, при которых данное историческое общество производит и обменивает продукты своего потребления. Так, господство средневековых феодалов опиралось на хозяйство небольших крестьянских общин, которое само производило почти все необходимые предметы своего потребления и почти не знало обмена. Воинственное дворянство защищало общины извне и связывало их национальным или, по крайней мере, политическим единством. Когда же, с возникновением городов и, вместе с ними, обособленной ремесленной промышленности, появилась сперва внутренняя, а затем и международная торговля, тогда развилось городское мещанство, которое в борьбе с дворянами еще в средние века приобрело себе место в феодальных учреждениях, в качестве сословия, также пользовавшегося особыми правами. Далее, с открытием новых стран, в середине XV века, буржуазия приобрела обширный торговый рынок и вместе с тем получила новый толчок для развития своей промышленности. Главнейшие отрасли ремесленного производства были вытеснены фабричной мануфактурой, которая, с изобретением, в прошлом столетии, паровой машины, была также вытеснена крупной промышленностью, теперь сделавшейся возможной; последняя повлияла на торговлю тем, что в отставших странах в свою очередь вытеснила старое ремесленное производство, а в странах с развитой промышленностью создала новые средства для сношений: пароходы, железные дороги, электрические телеграфы. Буржуазия, таким образом, все более и более стягивала в свои руки общественные богатства и могущество, хотя долго еще лишена была политической власти, оставшейся в руках дворян и на них опиравшихся королей. Но на известной ступени развития—во Франции, например, после Великой революции—буржуазия приобрела также и политическую власть и в свою очередь сделалась господствующим классом по отношению к пролетариату и мелкому крестьянству.

Исходя из этой точки зрения и при достаточном знакомстве с экономическим положением общества в каждом данном периоде,—на что не обращают внимания наши социалисты-историки,—становятся вполне понятными все происшедшие исторические перемены. Идеи и верования каждого данного исторического периода также самым простым образом объясняются хозяйственными, жизненными обстоятельствами и ими же обусловливаемыми общественными и политическими отношениями этого периода. Лишь благодаря этому взгляду история впервые была поставлена на свое действительное основание. Такой вполне очевидный, однако же до сих пор целиком пренебрегавшийся, факт, что людям прежде всего нужно есть, пить, одеваться, что, следовательно, они должны т р у д и т ь с я, раньше, чем могут бороться из-за власти, заниматься политикой, религией, философией,—этот легко осязаемый факт теперь лишь получил право гражданства в истории.

Для социалистических воззрений было в высшей степени важно это новое понимание истории. Теперь доказано, что вся предшествующая история человечества совершалась путем антагонизма и борьбы классов, что всегда были господствующие и подчиненные, эксплоатирующие и эксплоатируемые классы, и что огромное большинство человечества всегда было обречено на суровый труд и жалкое существование. Почему же это? Просто потому, что во всех предыдущих периодах развития производство было до того еще слабо, что дальнейший ход истории мог совершаться лишь при существовании этих противоположностей; всему историческому процессу в целом содействовало лишь очень небольшое привилегированное меньшинство, между тем как большинство человечества было осуждено на добывание себе скудных средств существования и на постоянное увеличение богатств привилегированного меньшинства.

Такое понимание истории, так естественно и просто объясняющее происхождение классового господства,—в отличие от предшествующих воззрений, видевших причину неравенства людей лишь в их злой воле,—приводит также к убеждению, что, вследствие колоссальных размеров, достигнутых в настоящее время производительными силами, исчезает и последний предлог, по крайней мере в передовых странах, для разделения людей на господствующих и подчиненных, эксплоатирующих и эксплоатируемых.

Теперь сделалось очевидным, что господствующая крупная буржуазия сыграла уже свою роль, что она не только не способна более к общественному руководству, но что она является уже тормозом для дальнейшего развития производства, как это доказывают торговые кризисы, особенно последний (1877 г.), и стесненное положение промышленности во всех странах. Дальнейшее историческое руководство перешло теперь к пролетариату, к классу, который может освободиться лишь потому, что он по самому общественному своему положению уничтожает всякое классовое господство, всякую подчиненность и эксплоатацию. Общественные производительные силы, переросшие способности буржуазии, дожидаются лишь момента для перехода в обладание объединившегося пролетариата, с тем, чтобы установить строй, который предоставит возможность всем членам общества участвовать не только в производстве, но также в распределении и распоряжении общественными богатствами. Этот строй, благодаря целесообразному заведыванию всем производством, сможет до таких размеров увеличить производительные силы общества и создаваемые ими продукты, что будет в состоянии обеспечить каждому удовлетворение его разумных потребностей в постоянно увеличивающихся размерах.

Второе открытие Маркса в науке состоит в том, что он вполне выяснил отношение, существующее между трудом и капиталом; другими словами, он окончательно показал, каким способом в современном обществе, при существующем капиталистическом производстве, совершается эксплоатация рабочего капиталистом. С тех пор, как политическая экономия установила положение, что лишь труд есть источник всякого богатства и всякой стоимости, неизбежным явился вопрос: как же в таком случае соединить это с тем, что наемный рабочий не получает всей произведенной его трудом стоимости, а должен часть ее отдать капиталисту? Тщетно старались буржуазные экономисты, как и социалисты, дать строго-научный ответ на этот вопрос, пока, наконец, не выступил Маркс со следующим своим решением. Современный капиталистический способ производства предполагает существование двух общественных классов: с одной стороны—капиталистов, обладающих средствами, необходимыми для производства и для существования, с другой стороны—пролетариев, совершенно лишенных этого обладания и принужденных для того, чтобы

приобрести необходимые средства существования, продавать свой товар—рабочую силу. Но стоимость какого-нибудь товара определяется общественно-необходимым количеством овеществленного труда, потребовавшимся для его приготовления, поэтому также нужным и для его восстановления; стоимость рабочей силы среднего человека в течение дня, месяца, года определяется, следовательно, количеством труда, нужным для производства средств существования рабочего в продолжение дня, месяца, года. Предположим теперь, что для производства средств существования рабочего в течение дня требуется шесть рабочих часов, или—что одно и то же—заключающийся в них труд представляет количество труда, равняющееся шести часам. В таком случае стоимость рабочей силы в продолжение одного дня будет выражаться количеством денег, также потребовавших шесть рабочих часов для их производства. Допустим далее, что капиталист, предоставивший занятие нашему рабочему, платит ему эту сумму, т.-е. что он дает ему полную стоимость его рабочей силы. Если бы рабочий трудился теперь по шесть часов ежедневно, то он целиком возвращал бы капиталисту понесенные им издержки; шесть часов труда—за плату, также заключающую в себе шесть часов труда. В этом случае ничто не перепадало бы капиталисту; но он рассуждает совсем иначе. Я,—говорит он,—купил силу этого рабочего не на шесть часов, а на целый день. Поэтому капиталист заставляет рабочего трудиться, смотря по обстоятельствам, 8, 10, 12, 14 и больше часов, следовательно, продукты седьмого, восьмого и т. д. часа суть продукты неоплаченного труда и прежде всего попадают в карман капиталиста. Трудясь у капиталиста, рабочий, значит, не только возвращает полученную им за его рабочую силу стоимость, но сверх того он производит еще прибавочную стоимость, которую капиталист сперва присваивает себе, а в дальнейшем ходе, вследствие определенных экономических законов, она распределяется во всем классе капиталистов и составляет тот главный источник, из которого уже вытекают поземельная рента, процент, капиталистическое накопление, короче—все те богатства, которые поглощаются и накопляются нетрудящимися классами.

Таким образом доказано было, что богатства, приобретаемые современными капиталистами, точно так же составляются из присвоения чужого, неоплаченного труда, как и богатства

рабовладельцев или феодалов, эксплоатировавших крепостной труд, и что все эти формы эксплоатации отличаются лишь разными способами присвоения неоплаченного труда. Вместе с тем у имущих классов отнята из-под ног последняя почва для лицемерных словоизвержений, будто в современном общественном порядке господствуют справедливость, закон, равенство прав и обязанностей и полная гармония интересов. Настоящее буржуазное общество, точно так же, как и предшествовавшие, представляет обширное здание, служащее для эксплоатации человеческой массы незначительным меньшинством, численность которого к тому же постоянно убывает.

На этих двух важных основаниях зиждится современный научный социализм. Во втором томе «Капитала» все эти и другие не менее важные научные открытия в области капиталистической общественной системы будут развиты дальше, и, таким образом, будут в свою очередь подвергнуты коренной переработке и те стороны политической экономии, которые не были еще затронуты в первом томе. Будем надеяться, что Марксу удастся в непродолжительном времени опубликовать этот том.

ПИСЬМО К ЗОРГЕ О СМЕРТИ МАРКСА

15 марта 1883 г., 11 ч. 45 м. веч. Лондон.

Дорогой Зорге!

Сегодня вечером была получена от тебя телеграмма.

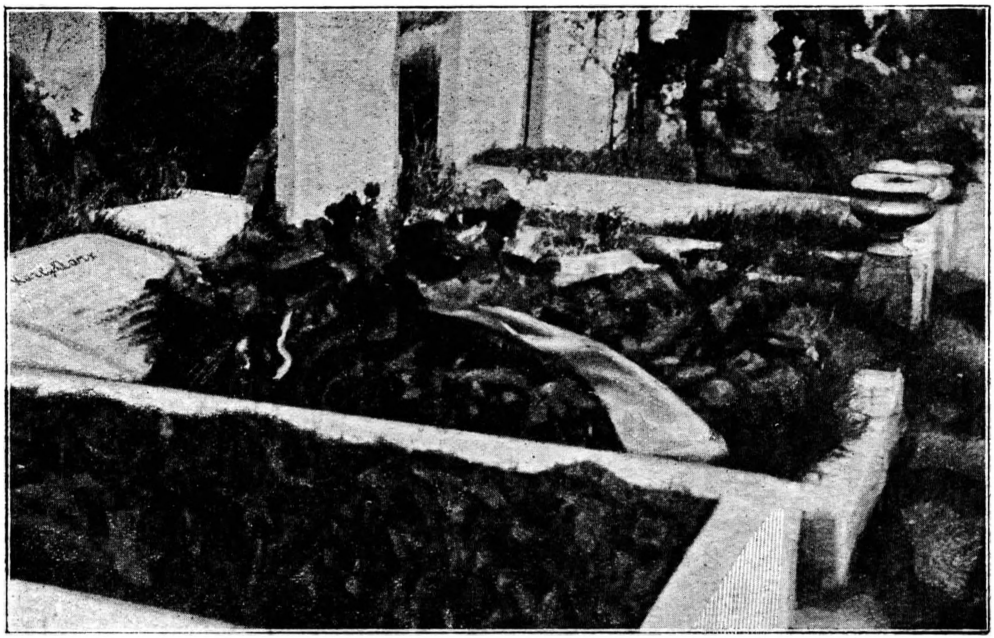
Сердечное спасибо.

Регулярно сообщать тебе о состоянии здоровья Маркса было невозможно, вследствие быстрых перемен в его здоровье. Вот в кратких словах главное.

Незадолго до смерти своей жены, Маркс в октябре 1881 г. заболел плевритом. После выздоровления он, в феврале 1882 г., был отправлен в Алжир, но по дороге, вследствие сырой и холодной погоды, простудился и приехал на место с новым плевритом. Там долго стояла подлая погода; оправившись, он, с наступлением летней жары, был послан в Монте-Карло (Монако), куда прибыл снова с плевритом, но в более легкой степени. Снова скверная погода. Наконец, он поправился и уехал в Аржантэйль, около Парижа, к своей дочери, г-же Лонге, где лечился от своего застарелого бронхита серными источниками по соседству расположенного Энгиена. Хотя здесь также была плохая погода, но курс лечения дал хорошие результаты. Затем он на шесть недель отправился в Вевэ, откуда в сентябре, казалось, совершенно здоровым вернулся сюда. Ему было позволено провести зиму на южном побережье Англии. Да и бездеятельное шатание до того ему надоело, что новое изгнание куда-нибудь на юг Европы, вероятно, настолько же повредило бы ему в нравственном отношении, насколько в физическом помогло. С наступлением лондонских туманов его отправили на остров Уайт. Там беспрестанно шел дождь, в результате—новая простуда. Около нового года я и Шорлеммер намеревались навестить его, как вдруг были получены известия, сделавшие необходимым немедленный отъезд туда Тусси. Вскоре после этого последо-

вала смерть Женни—и он вернулся с новым бронхитом. После всего им пережитого и принимая во внимание его лета, это представляло уже некоторую опасность. К болезни присоединилась масса осложнений, главным образом нарыв в легких, и быстрый упадок сил. Тем не менее, болезнь протекала благоприятно, и в прошлую пятницу главный из пользовавших его врачей, один из лучших молодых докторов Лондона, тепло отрекомендованный Марксу Рэ Ланкастером, подавал большую надежду. Но тот, кто хоть один раз исследовал под микроскопом ткань легких, тот знает, насколько велика опасность, когда при легочном гнойнике прободается кровеносный сосуд. Поэтому-то я в течение шести недель каждое утро, при повороте за угол, в смертельном страхе смотрел на окна, не опущены ли там шторы. Вчера в обед, в 2 ч. 30 м., в самое удобное для него время посещения, я пришел туда—все в доме в слезах, всем кажется, что дело близится уже к концу. Я расспрашиваю, добиваюсь причины тревоги, утешаю. Произошло небольшое кровоизлияние, и наступил быстрый упадок сил. Наша старая милая Ленхен, ухаживавшая за ним лучше всякой родной матери, поднимается наверх и сейчас же возвращается с известием: он в полузабытье. Она зовет меня туда с собой. Входим, он спит, но чтоб уже больше не просыпаться. Пульса и дыхания уже нет. В течение этих двух минут он тихо и без боли почил.

Все явления, даже самые ужасные из них, совершающиеся по законам природы, чреваты утешением. Так и в данном случае. Искусство врачевания могло бы, может быть, продлить ему на два-три года растительное существование, т.-е. жизнь беспомощного, лишь во славу искусства докторов, не сразу, а медленно умирающего существа; но такой жизни наш Маркс не перенес бы. Жить, имея перед собою целый ряд незаконченных работ, и испытывать муки Тантала при мысли о невозможности довести их до конца—было бы для него в тысячу раз тяжелее спокойной смерти. «Смерть страшна не умирающему, а остающемуся в живых»,—имел он обыкновение повторять вместе с Эпикуром. И этого мощного гениального человека видеть развалиной, влачащей свое существование для вящшей славы медицины и для насмешек над собою филистеров, которых он во цвете своих сил так часто беспощадно уничтожал—нет, в тысячу раз лучше то, что совершилось; нет, в тысячу раз лучше будет, когда мы его



Могила Маркса.

послезавтра снесем в могилу, в которой также спит и его жена.

По моему мнению, после всего пережитого другого исхода не было; это я знаю лучше всех врачей.

Пусть будет так. Человечество сделалось ниже на целую голову, при чем на самую гениальную из всех тех, какими оно располагало в последнее время.

Движение пролетариата пойдет своим путем, но не будет уже центра, к которому в критические минуты спешили за помощью французы, русские, американцы и немцы, получавшие от него всегда ясные и верные советы, такие советы, которые мог дать только гений и человек, в совершенстве владеющий предметом.

Местным знаменитостям и маленьким талантам, если не шарлатанам, развязаны руки. Конечная победа несомненна, но отклонения в сторону, временные и местные замешательства—и без того неизбежные—теперь разовьются еще в большей степени.

Пусть! Мы должны и это пережить, иначе зачем мы существуем? И нас это не пугает.

Твой Ф. Энгельс.

РЕЧЬ НАД МОГИЛОЙ КАРЛА МАРКСА

В Гайгете 17 марта 1883 г.

14 марта без четверти три после полудня величайший из живущих мыслителей перестал мыслить. Мы оставили его одного только на две минуты, когда же мы вернулись, мы застали его в кресле спокойно спящим—спящим вечным сном.

Нет возможности определить размеры того, что потерял, со смертью этого человека, борющийся европейский и американский пролетариат, что потеряла историческая наука. Но вскоре даст себя знать та зияющая пустота, которую оставила после себя смерть этого титана.

Подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органической природы, так Маркс открыл закон развития человеческой истории—тот простой, но заслоненный до сих пор идеологическими наслоениями факт, что люди должны есть, пить, иметь жилища, одеваться, прежде чем заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д., и что, следовательно, производство непосредственных, материальных средств существования и, соответственно, степень экономического развития народа или эпохи образуют ту основу, из которой должны быть выведены, а значит, и объяснены (а не, как это делалось до сих пор, наоборот) государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления людей.

Но это не все. Маркс открыл также специальный закон развития теперешнего капиталистического способа производства и порождаемого им буржуазного общества. Открытие прибавочной стоимости внесло в эти вопросы сразу яркий свет, тогда как все прежние исследователи, одинаково и бур-

жуазные экономисты и критики-социалисты, блуждали в потемках.

Двух подобных открытий должно было бы хватить на одну жизнь. Счастлив уже тот, кому суждено сделать одно такое открытие. Но в любой области, в которой работал Маркс,— а их было очень много, и ни одной из них он не коснулся только мимоходом,—в любой области, даже в математике, он сделал самостоятельное открытие.

Таков он был как человек науки. Но научная деятельность не составляла даже и половины его существа. Наука была для Маркса исторически движущей, революционной силой. Ему доставляло чистейшую радость всякое новое открытие в какой-нибудь теоретической области, практического приложения которого, может быть, даже нельзя было еще усмотреть. Но совсем иного рода радость он испытывал, когда дело шло об открытии, революционизировавшем промышленность и вообще историческое развитие. Так, он внимательно следил за развитием открытий в области электричества, в последнее время еще за работами Марка Депре.

Ибо Маркс был прежде всего революционером. Содействовать тем или иным способом падению капиталистического общества и созданных им государственных учреждений, содействовать делу освобождения современного пролетариата, в который он впервые вдохнул сознание своего положения и своих потребностей, сознание условий своего освобождения,— таково было его действительное жизненное призвание. Борьба была его стихией. И он боролся со страстью, с упорством, с успехом, как немногие. Первая «Рейнская Газета» 1842 г., парижский «Форвертс» (Вперед) 1844 г., «Немецкая Брюссельская Газета» 1847 г., «Новая Рейнская Газета» 1848—1849 г.г., «Нью-Йоркская Трибуна» 1852—1861 г.г. и, помимо этого, масса боевых брошюр, работа в парижских, брюссельских и лондонских организациях, пока, наконец, великое Международное Товарищество Рабочих не увенчало всего—это было таким итогом, который мог преисполнить гордостью сердце его автора, если бы даже он не сделал ничего другого.

Но именно поэтому Маркс был самым ненавидимым и самым оклеветанным человеком своего времени. Его высылали одинаково и абсолютные правительства и республиканские, его взапуски старались опозорить все буржуазные партии, консервативные и крайне-демократические. Он сметал это, точно

паутину, со своего пути, не обращал на это внимания, отвечал лишь в случае крайней необходимости. И он умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных рабочих, рассеянных по всему свету, от сибирских рудников через всю Европу и Америку до Калифорнии. И я могу смело сказать: он мог иметь еще не одного противника, но вряд ли хотя бы одного личного врага.

Его имя и его творения будут жить века!

КАРЛ МАРКС

Тяжело писать биографию великого человека на другой день после его смерти [1]). И задача эта вдвойне тяжела, когда она выпадает на долю того, кто знал и любил усопшего. В данное время я могу предложить лишь краткий очерк жизни моего отца. Я ограничусь простым изложением фактов и не сделаю ни малейшей попытки изложить его великие теории и открытия,—теории, составляющие самое основание современного социализма, открытия, революционизирующие всю науку политической экономии.

Карл Маркс родился в Трире 5 мая 1818 г., в еврейской семье. Его отец—талантливый человек—был адвокат, глубоко проникнутый французскими идеями XVIII века в области религии, науки и искусства; мать его происходила от венгерских евреев, которые в XVII веке переселились в Голландию. Среди его ранних друзей и товарищей по играм были Дженни—впоследствии ставшая его женой—и Эдгар фон-Вестфалены. От их отца, барона фон-Вестфалена, который сам наполовину был шотландцем, он воспринял свою первую любовь к «романтической» школе, и в то время, как отец читал ему Вольтера и Расина, Вестфален читал ему Гомера и Шекспира. Последние два навсегда остались его любимыми писателями. Внушая одновременно своим школьным товарищам страх и любовь,—любовь потому, что он вечно бедокурил, страх потому, что он всегда был готов разить своих врагов сатирическими стихами и едкими насмешками,—он прошел обычную школьную рутину, а затем последовательно учился в университетах Бонна и Берлина, где, чтобы доставить удовольствие отцу, некоторое время изучал юриспруденцию, а для своего собственного удовольствия—историю и философию.

---

[1]) Маркс умер 14 марта 1883 г.

В 1842 г. он собирался получить право на чтение лекций в качестве «приват-доцента» в Бонне, но политическое движение, возникшее в Германии после смерти Фридриха-Вильгельма III в 1840 г., резко изменило направление его карьеры. Главари рейнских либералов, Кампгаузен и Ганземан, основали «Рейнскую Газету» в Кёльне в сотрудничестве с Марксом, чьи блестящие и смелые критические статьи о провинциальном ландтаге возбудили такую сенсацию, что несмотря на то, что ему было всего 24 года, ему был предложен пост главного редактора газеты. Он его принял, и с этого времени началась его долгая борьба против всех форм деспотизма, в особенности против прусской деспотии. Разумеется, газета выходила под цензурой, но бедный цензор чувствовал себя бессильным. Газета неизменно печатала все те статьи, которые она считала имевшими важное значение, и цензор ничем не мог помешать их появлению. Тогда был назначен «специальный» цензор из Берлина, но даже эта удвоенная цензура не приносила никакой пользы, и после этого, наконец, в 1843 г., правительство просто прихлопнуло газету. В том же самом 1843 г. Маркс женился на своем старом друге и товарище по играм, Дженни фон-Вестфален, с которой он был обручен в течение семи лет, и отправился со своей молодой женой в Париж. Здесь, вместе с Арнольдом Руге, он издавал «Немецко-Французские Летописи», в которых он начал печатать целый ряд своих работ о социализме. Первой его работой была критика гегелевской «Философии права», второй—статья о «Еврейском вопросе». Когда «Летописи» прекратили свое существование, Маркс стал писать для «Форвертса». Говорят, что Маркс был его редактором. Но, в сущности говоря, редактирование этой газеты, в которой участвовали Гейне, Эвербек, Энгельс и др., велось в неопределенном, неустойчивом направлении, и настоящего ответственного редактора никогда не было. Следующей печатной работой Маркса было «Святое семейство», написанное совместно с Энгельсом,—сатирическая критика, направленная против Бруно Бауера и его школы гегельянских идеалистов.

Посвящая бо́льшую часть времени в этот период своей жизни изучению политической экономии и французской революции, Карл Маркс в то же время продолжал вести отчаянную борьбу против прусского правительства, вследствие чего последнее потребовало у Гизо — говорят через Александра

фон-Гумбольдта, который случайно был тогда в Париже— изгнания Маркса из Франции. Гизо охотно исполнил это требование, и Марксу пришлось оставить Париж. Он переехал в Брюссель и здесь в 1846 году выпустил в свет на французском языке свою «Речь о свободе торговли» [1]). В это время появились в печати «Экономические противоречия, или философия нищеты» Прудона, который написал Марксу, что ждет его бичующей критики. Ему недолго пришлось ждать, ибо в 1847 г. Маркс напечатал свою «Нищету философии»— ответ на «Философию нищеты» Прудона, и «бичевание» было применено с такой суровостью, какой Прудон, быть может, и не ждал. В том же году Маркс основал в Брюсселе Немецкий Рабочий Клуб, но еще более важным было то, что вместе со своими политическими друзьями он вошел в Союз Коммунистов. Он изменил всю организацию Союза. Он превратил ее из заговорщического кружка в организацию пропаганды коммунистических идей, хотя она и оставалась тайной организацией в силу существовавших тогда условий. Где бы ни возникали немецкие рабочие клубы, там бок о бок с ними были организации Союза. Это было первое социалистическое движение интернационального характера, так как членами его состояли англичане, бельгийцы, венгерцы, поляки и скандинавцы. Это была первая организация социал-демократической партии. В Лондоне состоялся конгресс Союза, на котором Маркс и Энгельс присутствовали в качестве делегатов, а позднее им было поручено написать знаменитый «Манифест Коммунистической Партии», впервые напечатанный перед самой революцией 1848 г., а затем переведенный почти на все европейские языки. Манифест этот начинается с обзора существующего положения вещей в обществе. Затем он выясняет, как постепенно исчезло старое феодальное деление на классы и как современное общество делится только на два класса — капиталистов — или буржуазию — и пролетариев, экспроприаторов и экспроприируемых, буржуазию, владеющую богатствами и властью и ничего не производящую, и рабочий класс, создающий все богатства и ничем не владеющий. Буржуазия, использовав пролетариат для завоевания политической власти с целью покончить с феодализмом, воспользовалась приобретенной таким образом властью

[1]) Ошибка. «Речь» появилась только в начале 1848 г. — *Д. Р.*

для порабощения пролетариата. На обвинение, что коммунизм стремится «к уничтожению собственности», Манифест отвечал, что коммунисты стремятся лишь уничтожить буржуазную систему собственности, при которой девять десятых общественной собственности уже уничтожено; на обвинение, что коммунисты стремятся «уничтожить брак и семью», Манифест отвечал вопросом: какого рода «семья» и «брак» возможны для рабочих, для которых в истинном смысле этого слова ни того, ни другого нет. Что же касается «уничтожения отечества и национальности», то они уже уничтожены для пролетариата и, благодаря развитию промышленности,—также и для буржуазии. Буржуазия произвела великие перевороты в истории; она революционизировала всю систему производства. При ее участии получили развитие: паровая машина, автоматический прядильный станок, паровой молот, железные дороги и современные океанские пароходы. Но ее наиболее революционным делом было создание пролетариата,—класса, условия существования которого заставляют его уничтожить современное общество. Манифест кончается следующими словами.

«Коммунисты считают излишним скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего современного общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией. Пролетарии могут потерять в ней только свои цепи, приобретут же они целый мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Тем временем Маркс продолжал в «Брюссельской Газете» свои атаки на прусское правительство, и снова прусское правительство потребовало его изгнания, но напрасно,—до той поры, пока Февральская революция не вызвала движения среди бельгийских рабочих, когда Маркс, без чьих бы то ни было хлопот, был выслан бельгийским правительством. Однако временное французское правительство через Флокона послало ему приглашение вернуться в Париж, которое он принял. В Париже он оставался некоторое время—до Мартовской революции 1848 г., после чего он вернулся в Кёльн и основал там «Новую Рейнскую Газету»—единственную газету, защищавшую интересы рабочего класса и осмеливавшуюся защищать июньских инсургентов в Париже. Напрасно разные реакционные и либеральные газеты нападали на га-

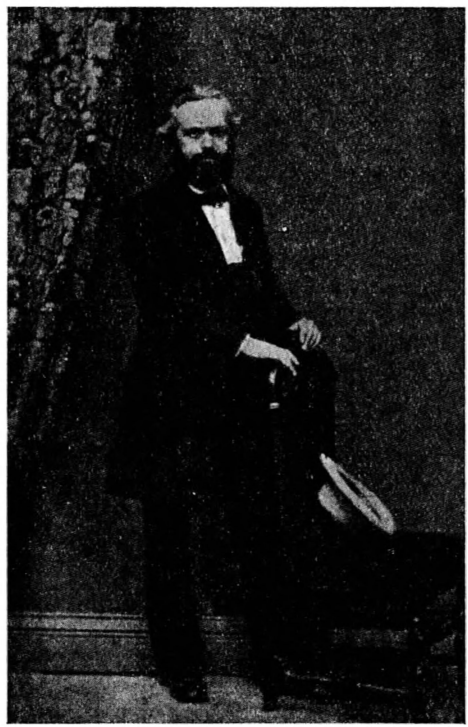
зету за ее безграничную смелость в нападках на все святое и за презрение к авторитетам, и где—в прусской крепости!— Напрасно власти на основании осадного положения закрыли газету на шесть недель. Она появилась вновь на самом виду у полиции, при чем ее репутация и тираж росли вместе с нарастанием нападок на нее. После ноябрьского переворота в Пруссии газета в заголовке каждого номера призывала народ не уплачивать налоги и отвечать насилием на насилие. За этот призыв, а также за несколько других статей, против газеты дважды подымали судебное преследование и все-таки выносили оправдательный вердикт. Наконец, после майского восстания (1849 г.) в Дрездене, рейнских провинциях и южной Германии газету закрыли. Последний номер, отпечатанный красными красками, появился 19 мая 1849 г.

Тогда Маркс снова вернулся в Париж, но несколько недель спустя после демонстрации 13 июня 1849 г. французское правительство предоставило ему на выбор: либо удалиться в Бретань, либо оставить пределы Франции. Он предпочел последнее и уехал в Лондон, где прожил тридцать лет с лишним. Попытка выпускать «Новую Рейнскую Газету» в форме обозрения в Гамбурге успеха не имела. Сейчас же после государственного переворота Наполеона Маркс написал свое «18 брюмера Луи Бонапарта», а в 1853 г. он выпустил «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», где он раскрыл гнусные махинации прусского правительства и полиции.

После осуждения в Кёльне членов Союза Коммунистов Маркс на некоторое время отошел от активной политической деятельности, посвятив свое время занятиям экономическими науками в Британском музее, писанию передовых статей и корреспонденций для «Нью-Иоркской Трибуны», а также выпуску памфлетов и летучек, в которых он резко критиковал режим Пальмерстона и которые широко распространялись в то время Давидом Урквартом.

Первым плодом его долгих серьезных занятий политической экономией явилось его «К критике политической экономии» в 1859 г., работа, содержащая первое изложение его теории стоимости. Во время итальянской войны Маркс в немецкой газете «Народ», выходившей в Лондоне, разоблачал бонапартизм, скрывавшийся под маской либерального сочувствия угнетенным национальностям, а также подвергал резкой критике прусскую политику, которая под видом нейтралитета стара-

лась ловить рыбу в мутной воде. В данном случае стало необходимо атаковать Карла Фогта, который, будучи на жаловании «ночного убийцы», агитировал... за германский нейтралитет?—о, нет!—за сочувствие. Гнусно и намеренно оклеветанный Карлом Фогтом, Маркс ответил ему и еще некото-



Карл Маркс в начале 60-х г.г.

рым подобным ему господам особой книгой «Господин Фогт», в 1860 г., в которой он обвинял Фогта в том, что тот находится на жаловании у Наполеона. Десять лет спустя, в 1870 г., обвинение это получило подтверждение. Французское правительство «национальной обороны» опубликовало список бонапартистских наемников и под буквой «Ф» значилось: «Фогт

получил в августе 1859 г. 40.000 франков». В 1867 г. Маркс выпустил в свет свой главный труд—«Капитал»—в Гамбурге.

Тем временем рабочее движение настолько двинулось вперед, что Карл Маркс мог уже подумать об осуществлении своего давно лелеемого плана—основании во всех наиболее передовых странах Европы и Америки Международного Товарищества Рабочих. В апреле 1864 года состоялось публичное собрание для выражения сочувствия Польше. Это привело к встрече рабочих различных национальностей, и тут было решено положить начало Интернационалу. Решение это было приведено в исполнение на митинге (под председательством проф. Бизли) в зале св. Мартина 28 сентября 1864 г. Был избран временный Генеральный совет, а Маркс написал учредительный адрес и временные статуты. В этом адресе, после того, как он дает ужасающую картину нищеты, царящей среди рабочих масс даже в годы так называемого процветания промышленности, он обращается к рабочим всех стран с призывом к объединению и, как двадцать лет назад в «Коммунистическом Манифесте», он заканчивает словами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Статуты излагали мотивы основания Интернационала:

«Принимая во внимание,—

что освобождение рабочих должно быть делом самих рачих, что, борясь за свое освобождение, рабочие должны стремиться не к созданию новых привилегий, но к установлению равных для всех прав и обязанностей и к уничтожению всякого классового господства;

что экономическое подчинение рабочего обладателю средств производства является источником рабства во всех его видах: нищеты, умственного отупения и политической зависимости;

что поэтому экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство [1]);

что все стремления рабочих к достижению этой цели оставались до сих пор безуспешными, вследствие недостатка единодушия между рабочими различных отраслей труда в ка-

---

[1]) Впоследствии, на Лозаннском конгрессе 1867 г., была принята формулировка, несколько отличная от приведенной в тексте: было решено, что «социальное освобождение рабочего класса немыслимо без политического его освобождения».

ждой стране и отсутствия братского союза между рабочими различных стран;

что освобождение рабочих является не местной только или национальной задачей, но, напротив, затрогивает интересы всех цивилизованных наций и может быть достигнуто только их теоретическим и практическим содействием друг другу;

что движение, которое возобновляется теперь в наиболее промышленных странах Европы, вызывая новые надежды, дает вместе с тем торжественное предостережение против старых ошибок и заставляет стремиться к объединению всех, пока еще разрозненных, усилий;—

ввиду вышесказанного основывается Международное Товарищество Рабочих».

Рассказывать о работе Маркса в Интернационале—значило бы написать историю самой Ассоциации, ибо, хотя внешне он был лишь секретарем-корреспондентом для Германии и России,—он был все время душой всех генеральных советов. Почти без исключения все манифесты, начиная со вступительного до последнего—«о гражданской войне во Франции»—были написаны им. В этой последней работе Маркс разъяснил настоящее значение Коммуны—«этого сфинкса, так раздражающе действующего на воображение буржуа». Словами, одинаково сильными, как и прекрасными, он заклеймил гнусность правительства «национального вероломства, которое предало Францию в руки Пруссии», он изобличил правительство, состоявшее из таких людей, как фальшивомонетчик Жюль Фавр, ростовщик Ферри и трижды бесчестный Тьер, «этот чудовищный гном», «политический чистильщик сапог империи». После сопоставления ужасов, совершенных версальцами, с героической преданностью парижских рабочих, умиравших за сохранение самой республики, премьер-министром котором теперь состоит Ферри,—Маркс заканчивает следующими словами.

«Париж рабочих с его Коммуной всегда будет чествуем как славный предвестник нового общества. Мученики его воздвигли себе памятник в великом сердце рабочего класса. Его палачей история уже теперь пригвоздила к позорному столбу, оторвать от которого их не в силах будут все молитвы их попов».

Падение Коммуны поставило Интернационал в невозможное положение. Явилась необходимость перенести Генераль-

ный совет из Лондона в Нью-Йорк, и это перенесение по предложению Маркса состоялось во время Гаагского конгресса в 1872 г. С тех пор движение приняло другую форму; беспрерывное общение между пролетариями всех стран—один из плодов Международной Ассоциации—показало, что нет больше необходимости в существовании формальной организации. Но какова бы ни была форма, работа продолжается и должна продолжаться до тех пор, пока современные условия общества будут существовать.

Начиная с 1873 г., Маркс почти исключительно посвящает себя своей научной работе, хотя она была замедлена на несколько лет вследствие плохого состояния его здоровья. Рукописи второго тома его главной работы будут изданы его самым старым, верным и дорогим другом—Фридрихом Энгельсом. Есть и другие, которые, быть может, тоже будут опубликованы.

Я ограничилась строго историческими и биографическими деталями, касающимися этого человека. Что касается его поразительной индивидуальности, его огромной эрудиции, остроумия, юмора, доброты и постоянной отзывчивости, то не мне об этом говорить. Суммируя, можно сказать:

В нем пламенел такой источник света,
Так безупречно прожил он свой век,
Что возвестить могла б природа: «Это—
Поистине, был человек!»

ПАМЯТИ ИЮНЬСКИХ БОЙЦОВ

Кёльн, 28 июня

Парижские рабочие подавлены превосходством сил врагов своих, но не уничтожены. Они разбиты, но их враги побеждены. Минутное торжество грубой силы куплено крушением всех обольщений и иллюзий Февральской революции, разложением всей старо-республиканской партии, расколом французской нации на две нации—нацию собственников и нацию рабочих. Трехцветная республика отныне носит один цвет, цвет побежденных, цвет крови. Она стала красной республикой.

Ни одного республиканского вождя с именем на стороне народа ни из партии «Националя», ни из партии «Реформы». Без других вождей, без других средств, кроме мятежа, народ дольше сопротивлялся объединенной буржуазии и солдатчине, чем до того любая французская династия, вооруженная всем военным аппаратом, сопротивлялась какой-нибудь фракции буржуазии, объединившейся с народом. И как бы для того, чтобы народ отделался от последних иллюзий и совершенно порвал с прошлым, случилось так, что обычная поэтическая прикраса французских восстаний, в лице воодушевленной буржуазной молодежи,—питомцы политехнической школы, так называемые треуголки, на этот раз были на стороне угнетателей. Студенты медицинского факультета отказывали в помощи науки раненым плебеям. Науки не существует для плебея, который совершил неслыханное, небывалое преступление—попытался бороться за свое собственное существование, вместо того, чтобы проливать кровь за Луи-Филиппа или Марраста.

Последний официальный пережиток Февральской революции—исполнительная комиссия—разлетелся, как призрак, пе-

ред серьезностью событий; световые шары Ламартина превратились в зажигательные ракеты Кавеньяка.

Fraternité—братство противоположных классов, из которых один эксплоатирует другого,—это братство, возвещенное в Феврале, огромными буквами начертанное на лбу Парижа на каждой тюрьме, на каждой казарме,—где оно? Его истинным, неподдельным, прозаическим выражением является гражданская война, гражданская война в своем самом страшном обличии, война труда и капитала. Это братство пылало пред всеми окнами Парижа вечером 25 июня, когда Париж буржуазии устроил иллюминацию в то время, когда Париж пролетариата сгорал в огне, истекал кровью, испускал стоны.

Братство продолжалось лишь до тех пор, пока интересы буржуазии совпадали с интересами пролетариата. Педанты старых революционных преданий 1793 г.; социалистические доктринеры, которые просили милостыню у буржуазии для народа и которым дозволено было читать длинные проповеди и компрометировать себя до тех пор, пока им не удастся убаюкать пролетарского льва; республиканцы, домогавшиеся всего старого буржуазного порядка только без коронованного главы; династические оппозиционеры, которым случай преподнес, вместо смены министерства, крушение династии; легитимисты, стремившиеся не сбросить ливрею, а только изменить ее покрой,—таковы были союзники, с которыми народ совершил свой Февраль. То, что народ инстинктивно ненавидел в Луи-Филиппе, было не Луи-Филипп как таковой, а коронованное господство класса, капитал на троне. Но, великодушный, как всегда, он считал, что уничтожил своего врага, когда свергнул лишь врага своего врага—общего врага.

Февральская революция была прекрасная революция, революция всеобщих симпатий, ибо противоречия, которые вспыхнули в ней против королевской власти, еще дремали согласно, рядышком, в неразвернутом виде, ибо социальная борьба, составлявшая их подкладку, приобрела лишь воздушное существование, существование фразы, слова. Июньская революция, напротив,—революция отвратительная, отталкивающая, потому что на место фразы выступило дело, потому что республика сама обнажила голову чудовища, сбив с нее все замаскировывавшую и скрывавшую корону.

Порядок! — таков был боевой клич Гизо! — Порядок!—вопил гизотинец Себастиани, когда Варшава стала русской. Порядок!—вопит Кавеньяк—это грубое эхо французского Национального Собрания и республиканской буржуазии. Порядок!—гремит его картечь, разрывая тело пролетариата.

Ни одна из бесчисленных революций французской буржуазии, начиная с 1789 г., не была покушением на порядок, так как все они оставляли в неприкосновенности классовое господство, рабство рабочих и буржуазный порядок, как бы часто ни менялась политическая форма этого господства и этого рабства. Июнь покусился на этот порядок.—Горе июню!

При временном правительстве было признаком хорошего тона, больше того, необходимостью, внушать рабочим (это была политика и мечтательство вместе),—тем самым рабочим, которые, как это значилось в тысяче официально отпечатанных плакатов, «пожертвовали уже в пользу республики три месяца нужды»,—что Февральская революция сделана в их собственных интересах и что в Февральской революции дело идет прежде всего об интересах рабочих. Со времени открытия Национального Собрания все стали более прозаическими. Дело шло уже только о том, чтобы,—как выразился министр Трела,—вернуть труд к прежним условиям. Итак, рабочие дрались в Феврале затем, чтобы быть ввергнутыми в пучину промышленного кризиса.

Усилия Национального Собрания сводятся к тому, чтобы сделать Февраль как бы не бывшим, по крайней мере, для рабочих, и отбросить их к старым отношениям. Но даже этого не случилось, так как столь же мало во власти какого-нибудь собрания, как и короля, приказать промышленному кризису универсального характера: до сих пор—и ни шагу дальше! Само Национальное Собрание, в своем грубом рвении покончить с досадной февральской фразеологией, не провело тех мероприятий, которые были возможны на почве старых отношений. Парижских рабочих оно либо заставляло поступать в армию, либо выбрасывало на мостовую; иностранных рабочих оно высылало из Парижа в Солонь, даже без уплаты им причитающихся при увольнении со службы и расчете денег; взрослым парижанам оно обеспечило, временно, милостыню в

организованных на военный манер мастерских под условием отказа от участия в каких бы то ни было народных собраниях, т.-е. под условием, что они перестанут быть республиканцами. Не довольно было, однако, ни сантиментальной риторики после Февраля, ни жестокого законодательства после 15 мая. Надо было решить вопрос на деле, на практике. Что же вы, канальи, для себя или для нас сделали Февральскую революцию? Буржуазия поставила вопрос таким образом, что в июне на него должен был последовать ответ картечью и баррикадами.

И все-таки на все Национальное Собрание, как выразился 25 июня один из народных представителей, напал столбняк. Депутаты были огорошены, когда вопрос и ответ затопили кровью мостовые Парижа; огорошены одни—потому, что иллюзии их рассеялись, яко дым, другие—потому, что не могли в толк взять, как это народ отважился самостоятельно отстаивать свои самые кровные интересы. Чтобы уразуметь это странное явление, измышляли разные небылицы вроде русского золота, английского золота, бонапартовского орла, королевских лилий и амулетов всякого рода. Однако обе части Национального Собрания почувствовали, что их отделяет от народа непроходимая пропасть. Никто не осмелился поднять свой голос в защиту народа.

Как только столбняк прошел, поднялся вихрь бешенства. Большинство с полным правом освистало жалких утопистов и лицемеров, которые повторяли звучавшие анахронизмом громкие фразы о fraternité, о братстве. Дело шло об уничтожении тех громких фраз и иллюзий, которые заключены в этом лозунге. Когда легитимист Ларошжаклен, этот рыцарский мечтатель, рвал и метал против позора, когда кричали: «Горе побежденным!»—большинство собрания предалось пляске св. Витта, как будто его укусил тарантул. Оно кричало: «Горе рабочим!» — чтобы скрыть, что «побежденным» является оно само, а не кто-либо другой. Либо оно, либо республика должна была погибнуть. И поэтому оно судорожно выло: «Да здравствует республика!»

Глубокая пропасть, разверзшаяся перед нами, должна ли нас, демократов, ввести в заблуждение, заставить думать, что борьба за государственные формы бесцельна, иллюзорна, никчемна?

Только слабые, трусливые умы могут ставить этот вопрос. Столкновения, возникающие из самых условий буржуазного общества,—их нужно преоборотъ, их нельзя изжить фантазерством. Лучшая форма государства—та, в которой общественные противоречия не затушевываются, не сковываются насильственно,—следовательно, только искусственно, только по видимости. Лучшая форма государства та, в которой эти противоречия сталкиваются в свободной борьбе и тем самым находят свое разрешение.

Нас спросят, неужели у нас не найдется ни одной слезы, ни одного вздоха, ни одного слова для жертв народной ярости, для национальной гвардии, для мобильной гвардии, для республиканской гвардии, для линейных войск?

Государство позаботится об их вдовах и сиротах, декреты превознесут их, торжественные погребальные процессии предадут земле их останки, официальная пресса провозгласит их бессмертными, европейская реакция будет славить их от запада до востока.

Но плебеи, истерзанные голодом, оплеванные прессой, покинутые врачами, устами ч е с т н ы х ославленные ворами, поджигателями и каторжниками; их жены и дети, повергнутые в еще более безграничную нищету, их лучшие, уцелевшие от разгрома представители, сосланные за море... вкруг их грозно-мрачного чела обвить лавровый венок есть п р и в и л е г и я, есть право демократической печати!

РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА И ПРОЛЕТАРИАТ

Речь на юбилее «Рабочей газеты»

Так называемые революции 1848 г. были лишь мелкими эпизодами—ничтожными щелями и расщелинами в твердой коре буржуазного общества. Но они обнаружили под ней бездну. Под внешне незыблемой поверхностью открылся необъятый океан, которому достаточно прийти в движение, чтобы разметать вдребезги целые материки. Шумно и сумбурно возвестили события этого года эмансипацию пролетариата — эту тайну девятнадцатого столетия и его революции.

Правда, эта революция не была изобретением 1848 г. Пар, электричество и сельфакторы были несравненно более опасными революционерами, чем граждане Барбес, Распайль и Бланки. Но разве мы чувствуем давление воздуха, которым мы дышим, хотя он давит на каждого из нас с тяжестью в 20.000 фунтов? Точно так же не чувствовало европейское общество до 1848 г. революционной атмосферы, которой оно было окружено и сдавлено со всех сторон.

Существует характерный для XIX столетия факт, которого не станет отрицать ни одна партия. С одной стороны, мы видим такой расцвет промышленных и научных сил, о каком даже подозревать не могла ни одна прежняя историческая эпоха. С другой же стороны, наблюдаются признаки упадка, перед которым бледнеют пресловутые ужасы последних времен Римской империи.

В наше время каждая вещь как бы чревата своей противоположностью. Мы видим, что машина, обладающая способностью сокращать и оплодотворять человеческий труд, приводит к голоду и чрезмерной работе. Освобожденные силы

богатства, по странной иронии судьбы, становятся источниками лишений. Победы искусства куплены, повидимому, ценой потери характера. Человечество становится господином над природой, но человек делается рабом человека или рабом собственной низости. Даже чистый свет науки может—так кажется—светить, только оттеняемый темным фоном невежества. Результатом всех наших открытий и всего нашего прогресса является, повидимому, то, что материальные силы приобретают духовную жизнь, а люди опускаются до степени косной, тупой материальной силы. Этот антагонизм между современной промышленностью и наукой, с одной стороны, и современной нищетой и разрухой, с другой; это противоречие между производительными силами и общественными отношениями нашей эпохи является осязательным, бесспорным, колоссальным фактом. Одни партии могут скорбеть по этому поводу, другие могут желать избавиться от современных успехов техники, лишь бы избавиться вместе с тем от современных конфликтов; первые могут фантазировать на ту тему, что такой несомненный прогресс в хозяйственной области требует, в виде дополнения, столь же несомненного регресса в области политики. Мы со своей стороны узнаем в этом лукавого духа, который мощно работает над тем, чтобы преодолеть все эти противоречия. Мы знаем, что новые общественные силы сумеют творить благое дело, если они будут располагать новыми людьми, а ими являются рабочие.

Рабочие—такой же продукт настоящего времени, как и сама машина. В тех знамениях, которые приводят в смятение буржуазию, аристократию и злополучных пророков регресса, мы открываем следы деятельности нашего доброго друга, нашего Робина Гуда, старого крота, так быстро работающего в земле,—мы узнаем революцию. Английские рабочие—первенцы современной промышленности. Они поэтому, наверное, не будут последними, которые ускорят приход социальной революции, продукта именно этой промышленности,—революции, которая означает освобождение всего их класса во всем мире и которая столь же международна, как международны господство капитала и рабство наемного труда. Я знаю героическую борьбу английских рабочих, начатую еще в середине прошлого столетия, борьбу, не окруженную нимбом славы, ибо буржуазные историки оставили ее в тени и замол-

чали. В средние века в Германии существовало, в отмщение за злодеяния правящих классов, тайное судилище, «суд фемы». Если на каком-нибудь доме появлялся красный знак, то знали уже, что хозяин его—вне закона. Теперь на всех домах Европы начерчен таинственный красный знак. Сама история руководит судом,—а исполнителем приговора будет пролетариат.

КАРЛ МАРКС

Тридцать пятый номер «Искры» выходит в свет в день двадцатилетия смерти Карла Маркса, которому и принадлежит в нем первое место.

Если верно то, что великое международное движение пролетариата было самым замечательным общественным явлением XIX столетия, то нельзя не признать, что основатель Международного Товарищества Рабочих был самым замечательным человеком этого столетия. Борец и мыслитель в одно и то же время, он не только организовывал первые кадры международной армии рабочих, но и выковал для нее, в сотрудничестве со своим неизменным другом Фридрихом Энгельсом, то могучее духовное оружие, с помощью которого она уже нанесла множество поражений неприятелю и которое современем даст ей полную победу. Если социализм стал наукой, то этим мы обязаны Карлу Марксу. И если сознательные пролетарии хорошо понимают теперь, что для окончательного освобождения рабочего класса необходима социальная революция, и что эта революция должна быть делом самого рабочего класса; если они являются теперь непримиримыми и неутомимыми врагами буржуазного порядка, то в этом сказывается влияние научного социализма. С точки зрения «практического разума», научный социализм отличается от утопического именно тем, что решительно разоблачает коренные противоречия капиталистического общества и беспощадно обнаруживает всю наивную тщету всех тех, иногда очень остроумных и всегда вполне благожелательных, планов общественной реформы, которые предлагались социалистами-утопистами разных школ как вернейшее средство прекращения борьбы классов и примирения пролетариата с буржуазией. Современный пролетарий, усвоивший теорию научного социализма и остающийся верным ее духу, не может не быть

революционером и по логике и по чувству, т.-е. не может не принадлежать к самой «опасной» разновидности революционеров.

Марксу досталась великая честь сделаться наиболее ненавистным для буржуазии социалистом XIX века. Но ему же выпало на долю завидное счастье стать наиболее уважаемым учителем пролетариата той же эпохи. В то время, как вокруг него сосредоточивалась злоба эксплоататоров, его имя приобретало все более и более почетную известность в среде эксплоатируемых. И теперь, в начале XX века, сознательные пролетарии всех стран видят в нем своего учителя и гордятся им как одним из самых всеобъемлющих и глубоких умов, одним из самых благородных и самоотверженных характеров, какие только знает история.

«Святой, память которого празднуется первого мая, называется Карл Маркс»—писала одна буржуазная венская газета в конце апреля 1890 г. И, действительно, ежегодная майская демонстрация рабочих всего мира представляет собою величественное, хотя и не предумышленное, чествование памяти гениального человека, программа которого объединила в одно стройное целое повседневную борьбу рабочих за лучшие условия продажи своей рабочей силы с революционной борьбой против существующего экономического строя. Только чествование это не имеет ничего общего с религиозными праздниками: современный пролетариат тем больше чтит своих «святых», чем больше их деятельность способствовала приближению того счастливого времени, когда освобожденное человечество устроит свое царство небесное на земле, а небесное предоставит в распоряжение ангелов и птиц...

К числу злых нелепостей, распространявшихся насчет Маркса, принадлежит сказка о том, что автор «Капитала» относился враждебно к русским. На самом деле он ненавидел русский царизм, всегда игравший гнусную роль международного жандарма, готового давить всякое освободительное движение, где бы оно ни начиналось.

За всеми серьезными проявлениями внутреннего развития России Маркс следил с таким глубоким интересом и, главное, с таким основательным знанием предмета, какие едва ли можно было встретить у кого-нибудь из его западно-европейских современников. Немецкий рабочий Леснер рассказывает в своих воспоминаниях о нем, как радовался он появлению

русского перевода «Капитала» и как приятно было ему верить, что в России появляются уже люди, способные понимать и распространять идеи научного социализма. Из предисловия к русскому переводу «Манифеста Коммунистической Партии», подписанного им и Энгельсом, видно, что сочувствие русским революционерам и нетерпеливое желание поскорее увидеть их победителями приводило его даже к значительной переоценке тогдашнего нашего революционного движения. А какой радушный прием встречали в его гостеприимном доме [1]) русские изгнанники, показывают его отношения к Лопатину и Гартману. Его разлад с Герценом вызван был частью случайным недоразумением, а частью вполне заслуженным недоверием к тому славянофильскому социализму, провозвестником которого в западно-европейской литературе, к сожалению, сделался наш блестящий соотечественник под влиянием тяжелых разочарований 1848—1851 г. г. Резкая выходка Маркса против этого славянофильского социализма в первом издании первого тома «Капитала» заслуживает не осуждения, а похвалы, особенно в настоящее время, когда этот социализм возрождается у нас в виде программы партии так называющихся социалистов-революционеров. Наконец, что касается ожесточенной борьбы Маркса с Бакуниным в Международном Товариществе Рабочих, то она не имеет ни самомалейшего отношения к русскому происхождению этого анархиста и очень просто объясняется непримиримою противоположностью взглядов [2]). Когда издания группы «Освобождение Труда» положили начало распространению социал-демократических идей между русскими революционерами, Энгельс в письме к В. И. Засулич выразил сожаление о том, что

---

[1]) Тот же рабочий Леснер говорит, что дом Маркса «всегда был открыт для всех надежных товарищей».

[2]) Бывший «марксист», а ныне вульгарный экономист. г. М. Туган-Барановский в своих «Очерках из новейшей истории политической экономии» (стр. 294) повторяет анархическую сплетню о том, что Маркс будто бы содействовал распространению печатной клеветы на Бакунина. Здесь не место разбирать доводы, приводимые обыкновенно в подкрепление этой выдумки. Мы подробно поговорим о них в «Заре», где легкомысленное произведение г. Туган-Барановского получит достойную оценку. Но не мешает заметить, что наш бывший «марксист» вовсе не потрудился подвергнуть критике свои источники. Он голословно повторяет обвинение, которое, не будучи доказано, в свою очередь становится к л е в е т о й.

это произошло не при жизни Маркса, который, по его словам, радостно приветствовал бы литературное предприятие этой группы. Что же сказал бы великий автор «Капитала», если бы ему довелось дожить до настоящего времени и узнать, что у него есть уже много и много последователей в среде русских рабочих? Какою радостью наполнилось бы его сердце, если бы ему пришлось услыхать о событиях, подобных недавним событиям в Ростове-на-Дону! В его время русский марксист был редкостью, и передовые русские люди посматривали на эту редкость, в лучшем случае, с улыбкой добродушного сожаления; теперь идеи Маркса господствуют в русском революционном движении, а те русские революционеры, которые по старой привычке отвергают их вполне или отчасти, в действительности давно уже,—и несмотря на свою по большей части очень громкую революционную фразеологию,—перестали быть передовыми и незаметно для себя перешли в обширный лагерь отсталых.

Немало пустяков говорилось и повторялось также об его частых полемических стычках с противниками. Миролюбивые, но недалекие люди объясняли эти стычки его, будто бы, неудержимой страстью к полемике, которая в свою очередь, будто бы, порождалась его, будто бы, злым характером. На самом деле та почти беспрерывная литературная борьба, которую ему приходилось вести, особенно в начале своей общественной деятельности, вызывалась не свойствами его личного характера, а общественным значением защищаемой им идеи. Он был одним из первых социалистов, сумевших и в теории, и на практике всецело встать на точку зрения классовой борьбы и отделить интересы пролетариата от интересов мелкой буржуазии. Неудивительно поэтому, что ему приходилось часто и враждебно сталкиваться с теоретиками мелко-буржуазного социализма, очень многочисленными тогда, особенно в среде германской «интеллигенции». Прекращение полемики с этими теоретиками означало бы отказ от мысли сплотить пролетариат в особую партию, имеющую свою собственную историческую цель, а не плетущуюся в хвосте мелкой буржуазии. «Наша задача,—говорил журнал Маркса, «Новая Рейнская Газета» в апреле 1850 г.,—состоит в беспощадной критике, направляемой даже более против наших мнимых друзей, чем против наших явных врагов; и, занимая такую позицию, мы с удовольствием отказываемся от дешевой де-

мократической популярности». Явные враги были менее опасны именно потому, что они уже не могли затемнить классовое самосознание пролетариев, между тем как мелко-буржуазные социалисты с их «внеклассовыми» программами продолжали вести за собой многих и многих рабочих. Борьба с ними была неизбежна, и Маркс вел ее со свойственным ему неподражаемым умением. Его примера не должны забывать мы, русские социал-демократы, которым приходится действовать при условиях, очень похожих на условия, существовавшие в дореволюционной Германии. Мы, можно сказать, со всех сторон окруженные мелко-буржуазными теоретиками специфического «русского социализма», должны твердо помнить, что интересы пролетариата и нас обязывают беспощадно критиковать наших мнимых друзей,—например, хорошо известных нашим читателям «социалистов-революционеров»,—как бы ни возмущала наша беспощадная критика добродушных, но недалеких друзей мира и согласия между различными революционными «фракциями».

Учение Маркса—современная «алгебра революции». Понимание его необходимо для всех тех, которые хотят вести сознательную борьбу с существующим у нас порядком вещей. И это до такой степени верно, что даже многие идеологи русской буржуазии одно время чувствовали потребность сделаться марксистами. Идеи Маркса были незаменимы для них в их борьбе с допотопными теориями народничества, пришедшими в резкое противоречие с новыми экономическими отношениями России. Это хорошо поняли те наши молодые буржуазные идеологи, которые лучше других были знакомы с современной литературой общественных наук. Они стали под знамя марксизма и, борясь под этим знаменем, приобрели довольно громкую известность. А когда народники были разбиты на-голову, когда их старозаветные теории превратились в груду безобразных развалин, тогда наши новоявленные марксисты решили, что марксизм уже сделал свое дело и что пора подвергнуть его строгой критике. Эта «критика» совершалась под тем предлогом, что общественная мысль должна итти вперед, но единственным ее результатом оказалось то, что под ее прикрытием наши недавние союзники совершили п о п я т н о е движение и расположились на теоретических позициях западно-европейских буржуа социал-реформистского оттенка. Как ни жалок был этот результат столь крикливо

возвещенного «критического» похода и как ни тяжело было русским социал-демократам присутствовать при этих «критических» превращениях людей, вместе с которыми они только что выступали против одного общего врага и с которыми они надеялись впоследствии окончательно сблизиться, но по зрелом рассуждении они должны были сознаться, что отступление наших неомарксистов на «священную гору» буржуазного реформаторства не только вполне естественно, но еще является косвенным подтверждением правильности выработанного Марксом материалистического понимания истории. В 1895—1896 г.г. у нас увлекались марксизмом такие лица, которые ни по общественному своему положению, ни по умственному и нравственному своему складу не имели ничего общего ни с пролетариатом, ни с его освободительной борьбой. Одно время на марксизм была мода во всех петербургских канцеляриях. Если бы такое положение дел могло продолжаться, то оно доказывало бы, что основатели научного социализма ошиблись, утверждая, что образ мыслей определяется образом жизни и что высшие классы не могут стать носителями социально-революционных идей нашего времени. Но «критика Маркса», начавшаяся немедленно после того, как закончилась борьба против реакционных стремлений народничества, лишний раз подтвердила, что Маркс и Энгельс были правы: образ мысли «критиков» определился их общественным положением; восставая против «фанатизма догмы», они в действительности восставали только против социально-революционного содержания марксовой теории. Им нужен был не тот Маркс, который в течение всей своей жизни,—полной труда, борьбы и лишений,—горел священным огнем ненависти против капиталистической эксплоатации. Маркс, как вожак революционного пролетариата, казался им неприличным и «ненаучным». Им нужен был только тот Маркс, который в «Манифесте Коммунистической Партии» объявил, что он готов поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной в борьбе с абсолютной монархией и мелким мещанством. Их интересовала только демократическая половина социально-демократической программы Маркса. Это было как нельзя более естественно; но именно эти совершенно естественные стремления наших «критиков» делали очевидной полную неосновательность всяких расчетов на них, как на социалистов. Их место—в рядах либеральной

оппозиции, которой они и дали,—в лице редактора «Освобождения», г. П. Струве,—внимательного, старательного и талантливого литературного выразителя.

Судьба марксовой теории доказывает ее верность. И это не только в России. Известно, что западные ученые долго пренебрегали ею, как неудачным плодом социально-революционного фанатизма, но время шло, и с течением времени делалось все более и более ясным даже и для глаз, смотревших сквозь очки буржуазной ограниченности, что плод социально-революционного фанатизма имеет, по крайней мере, одно неоспоримое преимущество: он дает чрезвычайно плодотворный метод исследования общественной жизни. Чем более подвигалось вперед научное изучение первобытной культуры, истории, права, литературы и искусства, тем плотнее подходили исследователи к историческому материализму, несмотря на то, что большинство из них или совсем ничего не знало об исторической теории Маркса, или, как огня, боялось его материалистических, т.-е., в глазах современной буржуазии, безнравственных и опасных для общественного спокойствия, взглядов. И мы видим, что материалистическое объяснение уже начинает приобретать себе в ученом мире право гражданства. Недавно появившееся на английском языке сочинение американского профессора Зелигмана «Экономическое объяснение истории» свидетельствует о том, что официальные жрецы науки понемногу проникаются сознанием великого научного значения исторической теории Маркса. Зелигман дает нам понять, между прочим, и те психологические причины, которые препятствовали до сих пор правильному признанию и пониманию этой теории буржуазным ученым миром. Он прямо и откровенно говорит, что ученых пугали социалистические выводы Маркса. И он старается растолковать своим собратьям по науке, что социалистические выводы можно отбросить, усвоив себе только лежащую в их основании историческую теорию. Это остроумное соображение,—которое, заметим кстати, хотя и робко, но совершенно ясно было высказано уже в «Критических заметках» г. П. Струве,—служит новым доказательством той не новой уже истины, что легче верблюду пролезть сквозь игольное ушко, чем идеологу буржуазии перейти на точку зрения пролетариата. Маркс был революционером до конца ногтей. Он восставал против бога и капитала, как гетевский Прометей восставал против

Зевса. И, подобно этому Прометею, он мог сказать о себе, что его задача заключается в воспитании таких людей, которые, умея по-человечески страдать и по-человечески наслаждаться, сумели бы «не уважать тебя», божество, враждебное людям. А буржуазные идеологи именно этому-то божеству и служат. Их задача именно в том и заключается, чтобы отстаивать его права духовным оружием, как полиция и войско поддерживают их оружием холодным и огнестрельным. Признанием буржуазных ученых будет пользоваться только такая теория, которая не покажется им опасной для бога и капитала. Ученые Франции, и вообще стран французского языка, в этом отношении гораздо откровеннее всех других. Так, еще известный Лавелэ говорил, что экономическая наука должна быть перестроена заново, потому что она перестала удовлетворять своему назначению с тех пор, как легкомысленный Бастиа скомпрометировал защиту существующего порядка. А совсем недавно А. Бэшо в книге, посвященной французской школе политической экономии, нисколько не конфузясь, оценивал различные экономические учения с той точки зрения, какое из них «дает более действительное оружие противникам социализма». Ввиду этого понятно, что идеологи буржуазии, усваивающие себе идеи Маркса, непременно будут стоять «под знаком критики». Мера их «критического» отношения к Марксу является мерой несоответствия взглядов этого непримиримого и неутомимого революционера с интересами господствующего класса. Понятно также и то, что последовательно мыслящий буржуа скорее признает верными исторические идеи Маркса, чем его экономическую теорию: исторический материализм легче обезвредить, чем, например, учение о прибавочной стоимости. Это последнее,— которому один из самых выдающихся буржуазных «критиков» Маркса дал выразительное название теории эксплоатации,— навсегда сохранит за собой в образованных и ученых кругах буржуазии репутацию неосновательного. Экономической теории Маркса ученые и образованные буржуа нашего времени предпочитают «субъективную» экономическую теорию, имеющую то хорошее свойство, что явления экономической жизни общества рассматриваются ею вне всякой связи с его производственными отношениями, в которых коренится источник эксплоатации пролетариата буржуазией и напоминать о которых очень неудобно поэтому теперь, когда классовое

самосознание рабочих подвигается вперед такими быстрыми шагами.

Экономические, исторические и философские идеи Маркса могут быть приняты во всей грозной полноте их революционного содержания только идеологами пролетариата, классовый интерес которого связан не с сохранением, а с устранением капиталистического порядка, с социальной революцией.

ФРАНЦ МЕРИНГ

МАРКС И РЕВОЛЮЦИЯ

Представление о том, будто политические революции вызываются теми или иными зачинщиками, встречает теперь кредит только среди кругов ограниченного мещанства. Поэтому нельзя больше серьезно дебатировать вопрос о том, был ли Маркс революционером в этом ребяческом смысле слова.

Иначе обстоит дело с раздающимся как раз с социалистической стороны обвинением, будто Маркс верил в революцию, как в какую-то волшебную, чудеса творящую, силу. Нельзя отрицать того, что некоторые заявления Маркса допускают такое неправильное толкование; сюда относится, например, то место в конце «Коммунистического Манифеста», в котором он, вместе с Энгельсом, утверждает, что цели коммунистов могут быть достигнуты только путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя, или же выдвигавшееся им постоянно в революционные 48—49 годы требование «перманентной революции». Поэтому стоит заняться этим и исследовать, хотя бы кратко, но по существу, как относился Маркс к проблеме революции, т.-е. к вопросу, является ли—и в какой мере—насильственный переворот необходимым для современного пролетариата средством преобразования капиталистического общества в социалистическое.

Для Маркса этот вопрос стал очень рано предметом его размышлений. В парижском «Вперед» он писал в 1844 г.: «Каждая революция разлагает старое общество, и в этом отношении она—социальная. Каждая революция сбрасывает старую власть, и в этом отношении она — политическая... Вообще революция—ниспровержение существующей власти и разложение старого общества—есть политический акт. Но без революции нельзя осуществить социализма. Он нуждается в этом политическом акте, поскольку он нуждается в разру-

шении и разложении. Но там, где начинается его организующая деятельность, где выступает его собственная цель, его душа,—там он сбрасывает с себя политическую оболочку». Совершенно аналогичным образом Маркс писал в 1847 г. в сочинении против Прудона: «Можно ли удивляться тому, что общество, основанное на противоположности классов, упирается—как в последнее решение—в противоречие, в борьбу один на один? И пусть не говорят, что социальное движение исключает политическое. Нет политического движения, которое не было бы одновременно и социальным. Только в таком обществе, где не будет больше классов и классовых противоречий, социальные эволюции перестанут быть политическими революциями». Здесь мы имеем уже в зародыше все то, что Марксу предстояло сказать по вопросу о революции.

Поясним немногими словами его эпиграмматически ясные и чеканные тезисы! Господствующие классы противопоставляют находящуюся в их руках политическую силу всякому социальному прогрессу, угрожающему их господству, и социальному прогрессу остается для своего осуществления сломить эту политическую власть. Благодаря этому, или, рассматривая дело с обратной стороны,—благодаря тому, что господствующие классы утилизируют политическую власть для проведения социальных перемен, выгодных им (что нас в данном случае не интересует), пока существуют классовые противоречия, насилие становится, как выразился однажды Маркс, «экономической потенцией». До тех пор, пока люди не овладеют—как в социалистическом обществе—производительными силами, а будут находиться—как в капиталистическом обществе—во власти производительных сил, до тех пор у имущих классов не будет никогда настолько дальновидности, чтобы по собственному почину открыть свободное поприще социальному прогрессу, угрожающему их господствующему положению. Это вовсе не возвеличение революции, а, наоборот,—если уж решиться рассматривать вещи с сантиментальной точки зрения—умаление ее. Ведь Маркс видит именно в бесклассовом, социалистическом обществе, в котором социальные эволюции перестанут быть политическими революциями, огромный шаг вперед на пути человеческого развития.

Но, конечно, сантиментальная точка зрения не была вообще специальностью Маркса. Он просто почерпнул из истории

всех классовых обществ тот опытный факт, что политические революции являются такой же необходимой частью обихода этих классов, как непогода является частью обихода природы. До сих пор не было исключений из этого правила или, если и были, то разве такие, которые, по известному выражению, подтверждают правила. Насильственный переворот не означает непременно баррикадных боев. Французское Национальное Собрание в 1789 г. отменило в одну летнюю ночь все феодальные привилегии, а английский парламент в 1832 г. уделил средним классам долю политической власти, при чем не было пролито ни капли крови и не выбито ни одного стекла. Но в этих и подобных случаях дело шло всегда о решении, принятом в последний, в двенадцатый час: политическая сила склонялась, ибо она понимала, что, в противном случае, она в следующий же час будет сокрушена более могучей силой.

И в будущем не исключена возможность подобных случаев; их даже можно ожидать в большем количестве, чем их было в прошлом. Маркс и Энгельс вполне правильно оценили в 1848 г. историческую ситуацию, когда они писали в «Коммунистическом Манифесте», что коммунисты осуществят свои цели только силой; ведь охватившее вскоре после появления «Манифеста» всю Европу потрясение показало, что даже буржуазия не может добиться осуществления своих целей без насилия. Наоборот, в 1872 г. Маркс определенно заявил в заключительной речи гаагского конгресса Интернационала, что в отдельных странах, как Англия, Соединенные Штаты, а также Голландия, возможно мирное преобразование капиталистического общества в социалистическое, а Энгельс в своем последнем сочинении вообще признал законченной эру баррикадных боев. У современного пролетариата имеются другие, более действительные средства настоять на своем: чем крепче его организация, чем яснее его классовое сознание, чем нагляднее, осязательнее его мощь, тем больше вероятности того, что имущие классы предпочтут, в конце концов, капитулировать на сносных условиях, чем довести дело до борьбы, где они заранее рискуют сложить голову. Но при этом всегда предполагается, что рабочий класс сумеет поддержать свои требования в случае надобности силой, большей, чем сила его противников.

Если помнить это ограничение, которое в действительности

не столько ограничение, сколько полное развитие идей Маркса, можно сказать, что Маркс всегда считал политическую революцию необходимой предпосылкой социального освобождения. Но это не значит, что он когда-либо думал устраивать революции, ибо он знал, что революции представляют в обиходе классовых обществ стихийные события, которых нельзя вызывать по произволу. Так же мало верил он в чудотворную силу революций, ибо знал, что революция, это— не чудеса, а исторические явления, требующие, в силу своей стихийности и бессознательности, самого хладнокровного рассмотрения. Он всегда приветствовал революции угнетенных классов, потому что они всегда расшатывают существующий общественный порядок, но никогда не было более яростного противника революционной фразы, чем Маркс.

Его революционная стратегия и тактика были максимально простыми и самоочевидными; они сводились к тому, чтобы обеспечить массам моментальную победу, разоружить побежденных и ошеломленных противников, отнять у контр-революционеров возможно большее количество позиций и возможно основательнее покончить с препятствиями на пути общественного прогресса. Поэтому-то Маркс противопоставил трусливому филистерскому воплю о «завершении революции» тотчас же после 18 марта 1848 г.,—этому требованию, осуществление которого дало бы возможность оглушенной на время реакции стать снова на ноги,—лозунг «перманентной революции», т.-е. обеспечение, расширение, довершение успехов, достигнутых баррикадными бойцами 18 марта в первом героическом натиске. Маркс был так далек от тактики вспышкопускательства, что он неоднократно предостерегает от нее рейнских рабочих, даже в случаях, представлявших большое искушение, как, например, во время кёльнского восстания в сентябре 1848 г. или же в мае 1849 г., когда началась борьба за имперскую конституцию. К оружию Маркс призвал массы только во время прусского ноябрьского кризиса 1848 г., когда берлинское Национальное Собрание, разогнанное вооруженной силой, приняло постановление об отказе платить налоги: в этот момент открывалась возможность для серьезного национального восстания, которого требовали честь и интересы угнетенных классов, ибо только таким путем могли быть спасены наполовину потерянные, из-за трусости буржуазии, революционные завоевания мартовской революции.

Такую же позицию занял Маркс по отношению к парижской мартовской революции 1871 г. Интернационалу, духовным главой которого был Маркс, совершенно не могло прийти в голову устроить эту революцию; разговоры об этом относятся к той категории исторической лжи, в которой нет ни капельки правды. Среди всех революций Парижская Коммуна представляет, может быть, наиболее стихийное событие, вызванное героическим сопротивлением парижских рабочих безмерному предательству имущих классов. Но если Маркс был совершенно неповинен во взрыве этой революции, то он не был также настолько наивным, чтобы советовать парижскому рабочему весной 1871 г. устраниться от всего происходящего и лечь спать сном праведника. Когда разразилось восстание Парижской Коммуны, Маркс стал на его сторону, сделался его красноречивым ходатаем и бессмертным историком; он предпочел дать погибнуть Интернационалу, чем отречься от Коммуны, верный словам, сказанным им за двадцать лет до того: «После упорной борьбы поражение представляет факт такого же революционного значения, как легко доставшаяся победа». Отречение от Парижской Коммуны было бы отказом от тезиса, что политическая революция является условием обеспечения победы пролетариата; и хотя германская социал-демократия,—в силу особого рода причин,—была расколота тогда на две фракции, но она с полным единодушием и столь же решительно, как Маркс, высказалась в пользу Парижской Коммуны.

Идеи Маркса о революции вошли в плоть и кровь германской рабочей партии. Она всегда относилась отрицательно к спекуляциям, рассчитанным на насильственный переворот, зная, что революции внутри классового общества являются стихийными событиями, которых она не может вызывать по собственному произволу; она всегда исходила из возможности мирного развития—разумеется, не из любви к своим смертным врагам, а из хорошо понятого интереса рабочего класса.

Но, с другой стороны, никакая чечевичная похлебка, предложенная ей правящими классами, как бы ни расписывали вкус этого блюда, не могла побудить ее отказаться от революции, заставить ее забыть, что она никогда не освободится из оков рабства наемного труда, если она не станет силой, способной обратить в прах силу своих противников. То, что ей подсказывало классовое сознание пролетариата, то под-

твердил и опыт четырех десятилетий; все социальные завоевания, осуществленные в Германии с того времени, являются исключительно—как сознался в этом в неосторожную минуту сам Бисмарк—плодом революционного поведения немецкого рабочего класса. Если бы она организовалась не в пролетарски-революционную партию, а как демократически-социалистическое общество реформ, и вступила в мирные переговоры с правящими классами, она бы и теперь еще прозябала, как сорок лет назад.

Таким образом, политическая революция является необходимым предварительным условием социального освобождения. Эта революция может произойти так, что не будет выбито даже ни одно оконное стекло,—и это будет лучше всего: на этой точке зрения стоит практически и принципиально германский рабочий класс. Но окончательное решение того, произойдет ли социальное преобразование без насильственных катастроф, зависит, главным образом, от правящих классов; отказаться в их пользу от революции значило бы дать им патент на безграничный произвол.

Гордостью своего революционного поведения почтит достойнейшим образом как германская, так и международная социал-демократия память своего величайшего борца, память несравненного мужа, вырванного у нее смертью двадцать лет назад [1]).

---

[1]) Писано в 1903 г.

ЗАСТОЙ И ПРОГРЕСС В МАРКСИЗМЕ

В своей поверхностной, но местами интересной болтовне о социальном положении Франции и Бельгии Карл Грюн делает, между прочим, удачное замечание насчет того, какое различное действие оказали на своих приверженцев Фурье и Сен-Симон своими теориями: в то время, как последний стал родоначальником целой плеяды блестящих талантов на различных поприщах духовной деятельности, учение первого—за немногими исключениями—привело к образованию закостенелой секты поклонников, не выдвинувшихся ни в каком отношении. Грюн объясняет эту разницу тем, что Фурье дал готовую, разработанную до последних мелочей, систему, между тем как Сен-Симон оставил своим ученикам только слабо связанный пучок значительных идей. Хотя Грюн в данном случае слишком мало оценил как будто внутреннее различие по существу теорий обоих классиков утопического социализма, но его замечание в общем правильно. Нет никакого сомнения, что набросанная только в основных чертах система идей действует более стимулирующим образом, чем готовая симметричная идейная постройка, в которой не над чем работать, к которой живой дух не может приступить с попыткой самостоятельной работы.

Не это ли причина того, что мы наблюдаем в течение ряда лет такой застой в марксовом учении? Ибо фактически, если оставить в стороне несколько самостоятельных работ, которые можно рассматривать как прогресс теории, то со времени появления последних томов «Капитала» и последних работ Энгельса у нас имеется лишь несколько удачных популяризаций и изложений марксовой теории, но по существу мы теоретически не ушли дальше того пункта, на котором нас оставили оба творца научного социализма.

Не является ли причиной этого то, что марксова система

втиснула в слишком прочные рамки самостоятельные движения мысли? Бесспорно, нельзя отрицать некоторого гнетущего влияния Маркса на теоретическую свободу движений иных из его учеников. Ведь уже Маркс и Энгельс отклонили от себя ответственность за взгляды каждого «марксиста» и возможно, что тревожное опасение соскользнуть в процессе теоретизирования «с почвы марксизма» оказалось в отдельных случаях столь же роковым для умственной работы, как и другая крайность—мучительное старание доказать во что бы то ни стало полным отказом от марксова метода мышления «самостоятельность собственной мысли».

Однако о более или менее разработанной системе учения у Маркса речь может итти только в экономической области. Что же касается самого ценного ядра его учения,—материалистического понимания истории,—то оно представляет только м е т о д и с с л е д о в а н и я, несколько руководящих гениальных мыслей, которые открывают вид на совсем новый мир, раскрывают необъятные перспективы самостоятельного творчества, окрыляют дух для самых смелых полетов в область неисследованного.

Однако и в этой области—за малыми исключениями—наследие Маркса лежит без употребления, великолепное оружие остается неиспользованным, и теория исторического материализма пребывает теперь в том же неразработанном и схематическом виде, в каком ее оставили ее творцы.

Следовательно, причину неразработанности марксовой системы нельзя искать в ее закостенелости и законченности.

Неоднократно раздаются жалобы на недостаток интеллектуальных сил в нашем движении, которые могли бы взять на себя дело дальнейшей разработки теорий Маркса. Действительно, этот недостаток ощущается уже давно, но он сам представляет собой явление, которое нуждается в объяснении и, значит, не может объяснить разбираемого нами вопроса. Дело в том, что каждая эпоха сама формирует свой человеческий материал, и там, где имеется реальная потребность эпохи в теоретической работе, там эта потребность сама создает необходимые для удовлетворения ее силы.

Но существует ли у нас п о т р е б н о с т ь в теоретическом развитии учения дальше того, что оставил нам Маркс?

В одной статье о споре между представителями школы

Маркса и школы Джевонса в Англии Бернард Шоу, остроумный представитель фабианского полусоциализма, издевается над Гайндманом, который уверял, что уже на основании первого тома «Капитала» он «целиком» понимает Маркса, и который не видел никакого пробела в марксовой теории, между тем как впоследствии Фридрих Энгельс в предисловии ко второму тому сам заявил, что в первом томе с его теорией стоимости имеется капитальная экономическая загадка, решение которой должен принести только третий том. Шоу поймал здесь Гайндмана, действительно, в очень комическом положении, но в утешение последнему можно сказать, что в том же положении находился и весь социалистический мир.

Действительно, третий том «Капитала», заключавший в себе решение проблемы теории прибыли,—главной проблемы в экономической системе Маркса,—появился только в 1894 г. Между тем в Германии, как и во всех других странах, производилась агитация на основании неполного материала первого тома; марксово учение популяризировалось и принималось, как нечто целое, на основании этого первого тома; мало того, эта агитация, пользовавшаяся только частью марксова учения, достигла блестящих успехов, и нигде не чувствовалось теоретического пробела. Но это не все. Когда, наконец, появился третий том, то он сперва возбудил некоторый интерес в более тесных кругах специалистов, породил ряд комментариев и толкований. Что же касается социалистического движения в целом, то третий том не нашел в широких кругах, где уже укрепились идеи первого тома, никакого отклика. Еще не было предпринято ни одной попытки популяризировать теоретические выводы третьего тома, и, действительно, они не нашли вовсе доступа в широкие социалистические круги; наоборот, недавно даже раздавались голоса, верно отражавшие в социал-демократической среде «разочарование» буржуазных политико-экономистов по поводу третьего тома и показывавшие, как тесно свыклись у нас с «незрелым» изложением теории стоимости, данным в первом томе.

Чем объяснить такое замечательное явление?

Шоу, который, по собственному признанию, охотно «хихикает» над другими, имел бы здесь возможность вдосталь потешиться над всем социалистическим движением, поскольку оно основывается на Марксе. Но это значило бы «хихикать»

над очень серьезным явлением нашей социальной жизни. Замечательный эпизод с первым и третьим томом «Капитала» представляется нам характернейшим примером судеб теоретического исследования в нашем движении.

С научной точки зрения третий том «Капитала» является, бесспорно, завершением марксовой критики капитализма. Без третьего тома нельзя понять настоящего, главного закона нормы прибыли, нельзя понять распадение прибавочной стоимости на прибыль, процент и ренту и действие закона стоимости в рамках конкуренции. Но,—и это самое главное,—как ни важны все эти проблемы с теоретической точки зрения, с точки зрения практики классовой борьбы—они довольно безразличны. Для последней существенное значение имела великая теоретическая проблема о возникновении прибавочной стоимости, т.-е. научное объяснение эксплоатации, также и тенденции обобществления производства, т.-е. научное объяснение объективных основ социалистического переворота.

На обе проблемы отвечает уже первый том, описывающий «экспроприацию экспроприаторов» как неизбежный результат производства прибавочной стоимости и развивающейся концентрации капиталов. Этим была в основном удовлетворена настоящая теоретическая потребность рабочего движения. Вопрос о том, как распределяется между отдельными группами эксплоататоров прибавочная стоимость и какие перетасовки в производстве вызывает при этом распределении конкуренция,—этот вопрос не имел непосредственного значения для классовой борьбы пролетариата.

Поэтому-то третий том «Капитала» остался до сих пор для социализма в целом непрочитанной книгой.

Но то, что сказано об экономическом учении Маркса, то относится вообще к судьбе теоретического исследования в нашем движении. Было бы иллюзией думать, будто стремящийся вверх рабочий класс сумеет, исходя из содержания своей классовой борьбы, совершенно самочинно проявить безграничную творческую деятельность в теоретической области. В настоящее время только рабочий класс, как сказал Энгельс, сохранил вкус и интерес к теории. Жажда знания рабочего класса—одно из важнейших культурных явлений современности. И в этическом отношении борьба рабочих означает культурное обновление общества. Но активное воздей-

ствие пролетарской борьбы на прогресс науки связано с совершенно определенными социальными условиями.

В каждом классовом обществе духовная культура—наука, искусство—является творением правящего класса и имеет своей целью отчасти удовлетворить потребности общественного процесса, отчасти же духовные потребности членов правящего класса.

До сих пор в истории классовой борьбы и стремившиеся вверх классы (как, например, третье сословие в новое время) могли как бы предварять свое политическое господство господством интеллектуальным, противопоставив, — еще оставаясь угнетенным классом, — дряхлеющей культуре отживающей эпохи свою собственную новую науку и искусство.

Пролетариат в данном вопросе находится в совершенно ином положении. Будучи классом неимущим, он не может в своем стремлении вверх, пока он остается еще в рамках буржуазного общества, создать самочинно собственную духовную культуру. В рамках этого общества, пока существуют хозяйственные основы его, не может быть иной культуры, кроме буржуазной. Рабочий класс, как таковой, стоит вне современней культуры, хотя различные «социальные» профессора и указывают с восторгом на употребление галстуков, визитных карточек и велосипедов как на крупные факты приближения пролетариата к успехам культуры. Рабочий класс, создавший своими собственными руками материальное содержание и вообще всю основу современной культуры, допускается к пользованию ею лишь постольку, поскольку это необходимо для удовлетворительного исполнения им своих функций в хозяйственном и социальном процессе буржуазного общества.

Рабочий класс сумеет создать свою собственную науку и искусство лишь после освобождения от теперешнего своего классового положения.

В настоящее время он может только защитить культуру буржуазии от вандализма буржуазной реакции и создать общественные предпосылки для свободного развития культуры. Но и в этой области пролетариат может, в рамках теперешнего общества, проявить себя лишь постольку, поскольку он выковывает духовное оружие для своей освободительной борьбы.

Но это уже заранее ставит интеллектуальную деятельность рабочего класса, т.-е. его духовно руководящих идеологов, в очень узкие границы. Их научное творчество может проявиться лишь в одном определенном отделе системы знания: в области обществознания. Так как, благодаря «особенной связи идеи четвертого сословия с нашей исторической эпохой», для пролетарской классовой борьбы было необходимо выяснение законов общественного развития, то она—связь эта—оказала свое оплодотворяющее влияние на социальную науку, и памятником этой пролетарской духовной культуры является марксово учение.

Но и творение самого Маркса,—представляющее собой, как научное деяние, гигантское целое,—выходит из рамок непосредственных требований классовой борьбы пролетариата, ради которой оно было создано. Как в своем обстоятельном и законченном анализе капиталистического хозяйства, так и в своем историческом методе исследования, с его необозримыми перспективами, Маркс дал гораздо больше, чем непосредственно необходимо для практической классовой борьбы.

Лишь по мере того, как наше движение подвигается вперед, выставляя новые практические задачи, мы снова обращаемся к идейному запасу Маркса, чтобы разработать и применить к делу отдельные элементы его учения. Но так как наше движение, как и всякая практическая борьба, довольствуется старым комплексом руководящих идей еще долго после того, как они потеряли свое значение, то теоретическое использование данных Марксом идейных стимулов подвигается лишь крайне медленно вперед.

Поэтому, если теперь мы замечаем теоретический застой в движении, то объясняется это не тем, будто марксова теория, — которой мы питались до сих пор, — неспособна к развитию или «пережила» себя, а, наоборот, тем, что мы уже взяли из марксова арсенала все важнейшее, необходимое нам для теперешней стадии борьбы оружие, нисколько не исчерпав его; объясняется это не тем, что мы в практической борьбе «перегнали» Маркса, а, наоборот, тем, что Маркс в своей научной работе обогнал нас как практическую боевую партию; не тем, что Маркс уж недостаточен для удовлетворения наших потребностей, а тем, что наши потребности еще ограничены и не могут вместить богатство марксовых идей.

Так мстят за себя теоретически открытые Марксом со-

циальные условия существования пролетариата в современном обществе на судьбах самой марксовой теории. Теория эта—несравненное оружие духовной культуры—лежит без пользы, ибо для буржуазной классовой культуры она непригодна; что же касается рабочего класса, то она далеко превышает потребности его в боевом оружии. И только тогда, когда рабочий класс покончит с теперешними условиями своего существования, вместе с другими средствами производства будет обобщен и марксов метод исследования, развернувшись во всю свою ширь и мощь для блага всего человечества.

МАРКСИЗМ

Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма. Признаваемая даже противниками Маркса замечательная последовательность и цельность его взглядов заставляет предпослать изложению главного содержания марксизма, экономического учения Маркса, краткий очерк его миросозерцания вообще.

ФИЛОСОФСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Начиная с 1844—1845 г. г., когда сложились взгляды Маркса, он был материалистом, в частности сторонником Л. Фейербаха, усматривая и впоследствии его слабые стороны исключительно в недостаточной последовательности и всесторонности его материализма. Всемирно-историческое, «составляющее эпоху» значение Фейербаха Маркс видел именно в решительном разрыве с идеализмом Гегеля и в провозглашении материализма, который еще «в XVIII веке, особенно во Франции, был борьбой против всякой метафизики» («Святое семейство», в «Литературном наследстве»). «Для Гегеля,—писал Маркс,—процесс мышления, который он превращает даже—под именем идеи—в самостоятельный субъект, есть демиург (творец, создатель) действительного... У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» («Капитал», I, предисловие ко 2 изданию). В полном соответствии с этой материалистической философией Маркса и излагая ее, Фр. Энгельс писал в «Анти-Дюринге»: «Единство мира состоит не в его бытии, а в его материальности, которая доказывается... дол-

гим и трудным развитием философии и естествознания... Движение есть форма бытия материи. Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения, движения без материи... Если поставить вопрос... что̀ такое мышление и познание, откуда они берутся, то мы увидим, что они—продукты человеческого мозга, и что сам человек—продукт природы, развившийся в известной природной обстановке и вместе с ней. В силу этого само собой разумеется, что продукты человеческого мозга, являющиеся в последнем счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей». «Гегель был идеалист, т.-е. для него мысли нашей головы были не отражениями (Abbilder—отображениями; иногда Энгельс говорит об «оттисках»), более или менее абстрактными, действительных вещей и процессов, а, наоборот, вещи и развитие их были для Гегеля отражениями какой-то идеи, существовавшей где-то до возникновения мира». В своем сочинении «Людвиг Фейербах», в котором Фр. Энгельс излагает свои и Маркса взгляды на философию Фейербаха и которое Энгельс отправил в печать, предварительно перечитав старую рукопись свою и Маркса 1845—1846 г. г. по вопросу о Гегеле, Фейербахе и материалистическом понимании истории, — Энгельс пишет: «Великим основным вопросом всякой, а особенно новейшей, философии является вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе... что̀ чему предшествует: дух природе или природа духу... Философы разделились на два больших лагеря, сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, так или иначе признавали сотворение мира... составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма». В особенности надо отметить взгляд Маркса на отношение свободы к необходимости: «Слепа необходимость, пока она не сознана. Свобода есть сознание необходимости» (Энгельс, «Анти-Дюринг»),—признание объективной закономерности природы и диалектического превращения необходимости в свободу (наравне с превращением непознанной, но познаваемой «вещи в себе» в «вещь для нас», «сущности вещей» в «явления»). Основным недостатком «старого», в том числе и фейербаховского (а тем более «вульгарного», Бюхнера-Фохта-Молешотта), материализма Маркс

и Энгельс считали: 1) то, что этот материализм был «преимущественно механическим», не учитывая новейшего развития химии и биологии; 2) то, что старый материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле анти-диалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития; 3) то, что он «сущность человека» понимал абстрактно, а не как «совокупность» (определенных конкретно-исторически) «всех общественных отношений», и потому только «объяснял» мир тогда, когда дело идет об «изменении» его, т.-е. не понимал значения революционной практической деятельности.

ДИАЛЕКТИКА

В гегелевской диалектике Маркс и Энгельс видели самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии и признавали ее величайшим приобретением классической немецкой философии. Всякую иную формулировку принципа развития, эволюции, они считали односторонней, бедной содержанием, уродующей и калечащей действительный ход развития (нередко со скачками, катастрофами, революциями) в природе и обществе. «Мы с Марксом были едва ли не единственными людьми, поставившими себе задачу спасти (от разгрома идеализма, и гегельянства в том числе) сознательную диалектику и перевести ее в материалистическое понимание природы». «Природа есть подтверждение диалектики, и как раз новейшее естествознание доказывает, что это подтверждение — необыкновенно богатое, накопляющее ежедневно массу материала и доказывающее, что дела обстоят в природе в последнем счете диалектически, а не метафизически» (Энгельс).

«Великая основная мысль,—пишет Энгельс,—что мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки—понятия, находятся в беспрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются,—эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде. Но одно дело признавать ее на словах, другое дело—применять ее в каждом отдельном случае и в каждой

данной области исследования». «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу». Таким образом, диалектика, по Марксу, есть «наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления».

Эту революционную сторону философии Гегеля воспринял и развил Маркс. Диалектический материализм «не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками». От прежней философии остается «учение о мышлении и его законах, формальная логика и диалектика». А диалектика, в понимании Маркса и согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом, и исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию.

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

Сознание непоследовательности, незавершенности; односторонности старого материализма привело Маркса к убеждению в необходимости «согласовать науку об обществе с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию». Если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не обратно, то в применении к общественной жизни человечества материализм требует объяснения общественного сознания из общественного бытия. «Технология,—говорит Маркс («Капитал», I),—вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений». Цельную формулировку основных положений материализма, распространенного на человеческое общество и его историю, Маркс дал в предисловии к сочинению «К критике политической экономии» в следующих словах: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие

отношения,—производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышаются юридическая и политическая надстройки и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями или, — что является только юридическим выражением этого,—с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социального переворота. С изменением экономической основы происходит, медленнее или быстрее, переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских,—короче, от идеологических,—форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются между собой на почве его. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворотов по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями... В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения составляют последнюю антагонистическую форму общественного процесса производства...»

Материалистическое понимание истории, или, вернее, распространение материализма на область общественных явлений, устранило два главных недостатка прежних историче-

ских теорий. Во-первых, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-вторых, прежние теории не охватывали как раз действий масс населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий. До-марксовская «социология» и историография в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Маркс указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных классов общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая корни всех без исключения идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил. Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей, и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу для всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий,—на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как единого закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса.

Что в каждом обществе стремления одних членов идут вразрез со стремлениями других членов его; что общественная жизнь полна противоречий; что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри их, а кроме того еще смену периодов мира и войн, революции и реакции, застоя и быстрого прогресса или упадка,—эти факты общеизвестны. Маркс дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе,—именно теорию классовой борьбы. Только изуче-

ние совокупности стремлений всех членов данного общества или группы обществ способно привести к научному определению результата этих стремлений. А источником противоречивых стремлений является различие в положении и условиях жизни тех классов, на которые каждое общество распадается. «История всех до сих пор существовавших обществ, — пишет Маркс в «Манифесте» 1848 г. (за исключением истории первобытной общины,—добавляет впоследствии Энгельс),—была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье,—короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную, борьбу, всегда кончавшуюся... переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся между собою классов... Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых. Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса—буржуазию и пролетариат».

«Из всех классов, противостоящих теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности; пролетариат же именно ею и создается. Средние слои, мелкие промышленники, мелкие ремесленники, крестьяне,—все они борются против буржуазии, чтобы отстоять свое существование как средних слоев. Следовательно, они не революционны, а консервативны. Более того,—они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то лишь постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не современные, но будущие свои интересы; поскольку они покидают свою точку зрения и становятся на точку зрения пролетариата».

Со времени Великой французской революции европейская история с особой наглядностью вскрыла в ряде стран эту действительную подкладку событий—борьбу классов. И уже эпоха реставрации во Франции выдвинула ряд историков

(Тьерри, Гизо, Минье, Тьер), которые, обобщая происходящее, не могли не признать борьбы классов ключом к пониманию всей французской истории. А новейшая эпоха,—эпоха полной победы буржуазии, представительных учреждений, широкого (если не всеобщего) избирательного права, дешевой идущей в массы ежедневной печати, эпоха могучих и все более широких союзов рабочих и союзов предпринимателей и т. д.,—показала еще нагляднее (хотя и в очень иногда мирной конституционной форме) борьбу классов как двигатель событий. В ряде исторических сочинений Маркс дал блестящие и глубокие образцы материалистической историографии, анализа положения каждого отдельного класса и иногда различных групп и слоев внутри класса, показывая воочию, почему и как «всякая классовая борьба есть борьба политическая». Приведенный нами отрывок иллюстрирует, какую сложную сеть общественных отношений и переходных ступеней от одного класса к другому, от прошлого к будущему анализирует Маркс для учета всей равнодействующей исторического развития.

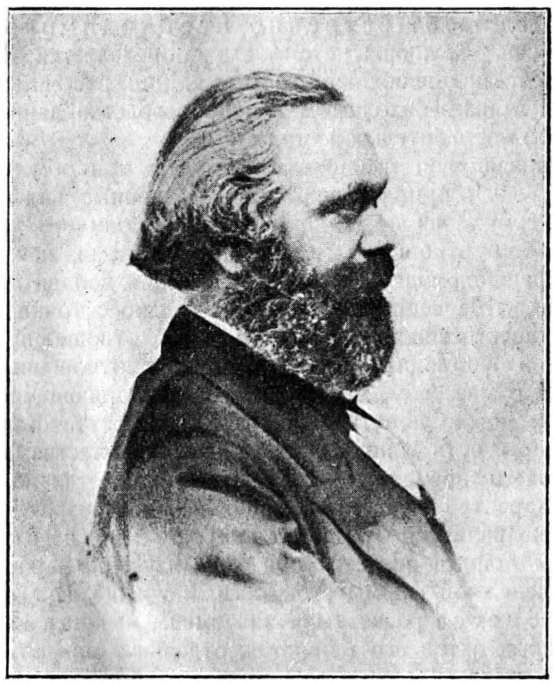
Наиболее глубоким, всесторонним и детальным подтверждением и применением теории Маркса является его экономическое учение.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МАРКСА

«Конечной целью моего сочинения,—говорит Маркс в предисловии к «Капиталу»,—является открытие экономического закона движения современного общества», т.-е. капиталистического общества. Исследование производственных отношений данного, исторически определенного общества в их возникновении, развитии и упадке—таково содержание экономического учения Маркса. В капиталистическом обществе господствует производство товаров, и анализ Маркса начинается поэтому с анализа товара.

Товар есть, во-первых, вещь, удовлетворяющая какой-либо потребности человека; во-вторых,—вещь, обмениваемая на другую вещь. Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью. Меновая стоимость (или просто стоимость) является прежде всего отношением, пропорцией при обмене известного числа потребительных стоимостей одного вида на известное число потребительных стоимостей другого вида.

Ежедневный опыт показывает нам, что миллионы и миллиарды таких обменов приравнивают постоянно все и всякие, самые различные и не сравнимые друг с другом потребительные стоимости одну к другой. Что же есть общего между этими различными вещами, постоянно приравниваемыми друг к другу в определенной системе общественных отношений? Общее



К. Маркс в 1867 г.

между ними то, что они—продукты труда. Обменивая продукты, люди приравнивают друг к другу самые различные виды труда. Производство товаров есть система общественных отношений, при которой отдельные производители создают разнообразные продукты (общественное разделение труда), и все эти продукты приравниваются друг к другу при обмене. Следовательно, тем общим, что есть во всех

товарах, является не конкретный труд определенной отрасли производства, не труд одного вида, а абстрактный человеческий труд, человеческий труд вообще. Вся рабочая сила данного общества, представленная в сумме стоимости всех товаров, является одной и той же человеческой рабочей силой: миллиарды фактов обмена доказывают это. И, следовательно, каждый отдельный товар представляется лишь известной долей общественно-необходимого рабочего времени. Величина стоимости определяется количеством общественно-необходимого труда, или рабочим временем, общественно-необходимым для производства данного товара, данной потребительной стоимости.

«Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому. Они не сознают этого, но они это делают». Стоимость есть отношение между двумя лицами, как сказал один старый экономист; ему следовало лишь добавить: отношение, прикрытое вещной оболочкой. Только с точки зрения системы общественных производственных отношений одной определенной формации общества, притом отношений, проявляющихся в массовом, миллиарды раз повторяющемся явлении обмена, можно понять, что̀ такое стоимость. «Как стоимости, товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени». Проанализировав детально двойственный характер труда, воплощенного в товарах, Маркс переходит к анализу формы стоимости и денег. Главной задачей Маркса является при этом изучение происхождения денежной формы стоимости, изучение исторического процесса развертывания обмена, начиная с отдельных случайных актов его («простая, отдельная или случайная форма стоимости»: данное количество одного товара обменивается на данное количество другого товара) вплоть до всеобщей формы стоимости, когда ряд различных товаров обменивается на один и тот же определенный товар, и до денежной формы стоимости, когда этим определенным товаром, всеобщим эквивалентом является золото. Будучи высшим продуктом развития обмена и товарного производства, деньги затушевывают, прикрывают общественный характер частных работ, общественную связь между отдельными производителями, объединенными рынком. Маркс подвергает чрезвычайно детальному анализу различные функции денег, при чем и

здесь (как вообще в первых главах «Капитала») в особенности важно отметить, что абстрактная и кажущаяся иногда чисто-дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства. «Деньги предполагают известную высоту товарного обмена. Различные формы денег,—простой товарный эквивалент или средство обращения, или средство платежа, сокровище и всемирные деньги,—указывают, смотря по различным размерам применения той или другой функции, по сравнительному преобладанию одной из них, на весьма различные ступени общественного процесса производства» («Капитал», I).

На известной ступени развития товарного производства деньги превращаются в капитал. Формулой товарного обращения было: Т (товар)—Д (деньги)—Т (товар), т.-е. продажа одного товара для покупки другого. Общей формулой капитала является, наоборот: Д—Т—Д, т.-е. покупка для продажи (с прибылью). Прибавочной стоимостью называет Маркс это возрастание первоначальной стоимости денег, пускаемых в оборот. Факт этого «роста» денег в капиталистическом обществе известен: именно этот «рост» превращает деньги в капитал, как особое, исторически определенное общественное отношение производства. Прибавочная стоимость не может возникнуть из товарного обращения, ибо оно знает лишь обмен эквивалентов, не может возникнуть и из надбавки к цене, ибо взаимные потери и выигрыши покупателей и продавцов уравновесились бы, а речь идет именно о массовом, среднем, общественном явлении, а не об индивидуальном. Чтобы получить прибавочную стоимость, «владелец денег должен найти на рынке такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости»,—такой товар, процесс потребления которого был бы в то же самое время процессом создания стоимости. И такой товар существует. Это—рабочая сила человека. Потребление ее есть труд, а труд создает стоимость. Владелец денег покупает рабочую силу по ее стоимости, определяемой, подобно стоимости всякого другого товара, общественно-необходимым рабочим временем, необходимым для ее производства (т.-е. стоимостью содержания рабочего и его семьи). Купив рабочую силу, владелец денег в праве потреблять ее, т.-е. заставлять ее работать целый

день, —скажем, 12 часов. Между тем, рабочий в течение 6 часов («необходимое» рабочее время) создает продукт, окупающий его содержание, а в течение следующих 6 часов («прибавочное» рабочее время) создает не оплаченный капиталом «прибавочный» продукт, или прибавочную стоимость. Следовательно, в капитале, с точки зрения процесса производства, необходимо различать две части: постоянный капитал, расходуемый на средства производства (машины, орудия труда, сырой материал и т. д.),—стоимость его (сразу или по частям) без изменения переходит на готовый продукт,— и переменный капитал, расходуемый на рабочую силу. Стоимость этого капитала не остается неизменной, а возрастает в процессе труда, создавая прибавочную стоимость. Поэтому для выражения степени эксплоатации рабочей силы капиталом надо сравнивать прибавочную стоимость не со всем капиталом, а только с переменным капиталом. Норма прибавочной стоимости, как называет Маркс это отношение, будет, например, в нашем примере 6 : 6, т.-е. 100%.

Исторической предпосылкой возникновения капитала являются, во-первых, накопление известной денежной суммы в руках отдельных лиц при высоком сравнительно уровне развития товарного производства вообще и, во-вторых, наличность «свободного» в двояком смысле рабочего: свободного от всяких стеснений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства, бесхозяйного рабочего,—рабочего-«пролетария», которому нечем существовать, кроме как продажей рабочей силы.

Увеличение прибавочной стоимости возможно путем двух основных приемов: путем удлинения рабочего дня («абсолютная прибавочная стоимость») и путем сокращения необходимого рабочего дня («относительная прибавочная стоимость»). Анализируя первый прием, Маркс развертывает грандиозную картину борьбы рабочего класса за сокращение рабочего дня и вмешательства государственной власти за удлинение рабочего дня (XIV—XVII в. в.) и за сокращение его (фабричное законодательство XIX в.). После того, как появился «Капитал», история рабочего движения всех цивилизованных стран мира дала громадное количество новых фактов, иллюстрирующих эту картину.

Анализируя производство относительной прибавочной стоимости, Маркс исследует три основные исторические стадии

повышения производительности труда капитализмом: 1) простую кооперацию; 2) разделение труда и мануфактуру; 3) машины и крупную промышленность. Насколько глубоко вскрыты здесь Марксом основные типичные черты развития капитализма, — видно, между прочим, из того, что исследования русской, так называемой «кустарной» промышленности дают богатейший материал по иллюстрации двух первых из названных трех стадий. А революционизирующее действие крупной машинной промышленности, описанное Марксом в 1867 г., обнаружилось в течение полувека, истекшего с тех пор, на целом ряде «новых» стран (Россия, Япония и др.).

Далее. В высшей степени важным и новым является у Маркса анализ накопления капитала, т.-е. превращения части прибавочной стоимости в капитал, употребления ее не на личные нужды или причуды капиталиста, а на новое производство. Маркс показал ошибку всей прежней классической политической экономии (начиная с Адама Смита), которая полагала, что вся прибавочная стоимость, превращаемая в капитал, идет на переменный капитал. На самом же деле она распадается на средства производства плюс переменный капитал. Громадное значение в процессе развития капитализма и превращения его в социализм имеет более быстрое возрастание доли постоянного капитала (в общей сумме капитала) по сравнению с долей переменного капитала.

Накопление капитала, ускоряя вытеснение рабочих машиной, создавая на одном полюсе богатство, на другом—нищету, порождает и так называемую «резервную рабочую армию», «относительный избыток» рабочих, или «капиталистическое перенаселение», принимающее чрезвычайно разнообразные формы и дающее возможность капиталу чрезвычайно быстро расширять производство. Эта возможность в связи с кредитом и накоплением капитала в средствах производства дает, между прочим, ключ к пониманию кризисов перепроизводства, периодически наступающих в капиталистических странах сначала, в среднем, каждые 10 лет, потом в более продолжительные и менее определенные промежутки времени. От накопления капитала на базисе капитализма следует отличать так называемое первоначальное накопление: насильственное отделение работника от средств производства, изгнание крестьян с земли, захват общинных земель, систему колоний

и государственных долгов, покровительственных пошлин и т. д. «Первоначальное накопление» создает на одном полюсе «свободного» пролетария, на другом—владельца денег, капиталиста.

«Историческую тенденцию капиталистического накопления» Маркс характеризует в следующих словах («Капитал», I): «Экспроприация непосредственных производителей производится с самым беспощадным вандализмом и под действием самых низких побуждений, самых грязных, самых мелочно-злобных страстей. Частная собственность, добытая собственным трудом и знаменующая собою, так сказать, срастание отдельного независимого работника с условиями его труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, основанной на эксплоатации чужого, но формально свободного труда. Дальнейшее обобществление труда и дальнейшее превращение земли и других средств производства в средства производства, общественно эксплоатируемые, т. - е. сообща применяемые, — иными словами, дальнейшая экспроприация частных собственников,—облекается в новую форму. Теперь подлежит экспроприации уже не рабочий, ведущий самостоятельное хозяйство, но капиталист, эксплоатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается в силу действия имманентных законов самого капиталистического производства, посредством централизации капитала. Один капиталист побивает многих. Рука об руку с этой централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, во все более и более широких, крупных размерах развивается кооперативная форма процесса труда, сознательное техническое применение науки, планомерная эксплоатация земли, превращение орудий труда в такие, которые могут быть прилагаемы лишь сообща; благодаря употреблению всех средств производства, как средств комбинированного общественного труда, происходит их экономизирование; наконец, совершается вовлечение всех народов в сеть мирового рынка, и таким образом устанавливается международный характер капиталистического режима. Вместе с постоянным уменьшением числа магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплоатации, но, вместе с тем, и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала

становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой,—она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют. Отрицание капиталистического производства производится им же самим с неизбежностью естественного процесса».

В высшей степени важным и новым является далее данный Марксом во втором томе «Капитала» анализ воспроизведения общественного капитала, взятого в целом. И здесь Маркс берет не индивидуальное, а массовое явление, не дробную частичку экономии общества, а всю эту экономию в совокупности. Исправляя указанную выше ошибку классиков, Маркс делит все общественное производство на два больших отдела: 1) производство средств производства и 2) производство предметов потребления, и детально рассматривает на взятых им числовых примерах обращение всего общественного капитала в целом как при воспроизводстве в прежних размерах, так и при накоплении.

В третьем томе «Капитала» разрешен вопрос об образовании средней нормы прибыли на основе закона стоимости. Великим шагом вперед экономической науки является то, что анализ при этом ведется Марксом с точки зрения массовых экономических явлений, всей совокупности общественного хозяйства, а не с точки зрения отдельных казусов или внешней поверхности конкуренции, чем ограничивается часто вульгарная политическая экономия или современная «теория предельной полезности». Сначала Маркс анализирует происхождение прибавочной стоимости и затем уже переходит к ее распадению на прибыль, процент и поземельную ренту. Прибыль есть отношение прибавочной стоимости ко всему вложенному в предприятие капиталу. Капитал «высокого органического строения» (т.-е. с преобладанием постоянного капитала над переменным в размерах выше среднего, общественного) дает норму прибыли ниже среднего, капитал «низкого органического строения»—выше среднего. Конкуренция между капиталами, свободный переход их от одной отрасли в другую сводят в обоих случаях норму прибыли к средней. Сумма стоимостей всех товаров данного общества совпадает с суммой цен товаров, но в отдельных

предприятиях и в отдельных отраслях производства товары под влиянием конкуренции продаются не по их стоимостям, а по ценам производства (или производственным ценам), которые равняются затраченному капиталу плюс средняя прибыль.

Таким образом, общеизвестный и бесспорный факт отступления цен от стоимостей и равенства прибыли вполне объяснен Марксом на основе закона стоимости, ибо сумма стоимостей всех товаров совпадает с суммой цен. Но сведение стоимости (общественной) к ценам (индивидуальным) происходит не простым, не непосредственным, а очень сложным путем: вполне естественно, что в обществе разрозненных товаропроизводителей, связанных лишь рынком, закономерность не может проявляться иначе, как в средней, общественной, массовой закономерности, при взаимопогашении индивидуальных уклонений в ту или другую сторону.

Повышение производительности труда означает более быстрый рост постоянного капитала по сравнению с переменным. А так как прибавочная стоимость есть функция одного лишь переменного капитала, то понятно, что норма прибыли (отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу, а не к его переменной только части) имеет тенденцию к падению. Маркс подробно анализирует эту тенденцию и ряд прикрывающих ее или противодействующих ей обстоятельств.

Не останавливаясь на передаче чрезвычайно интересных отделов третьего тома, посвященных ростовщическому, торговому и денежному капиталу, мы перейдем к самому главному: к теории поземельной ренты. Цена производства земледельческих продуктов, в силу ограниченности площади земли, которая вся занята отдельными хозяевами в капиталистических странах, определяется издержками производства не на средней, а на худшей почве, не при средних, а при худших условиях доставки продуктов на рынок. Разница между этой ценой и ценой производства на лучших почвах (или при лучших условиях) дает разностную, или дифференциальную ренту. Анализируя ее детально, показывая происхождение ее при разнице плодородия отдельных участков земли, при разнице в размерах вложения капитала в землю, Маркс вполне вскрыл (см. также «Теории прибавочной стоимости», где особого внимания заслуживает критика Родбертуса) ошибку Рикардо, будто диференциаль-

ная рента получается лишь при последовательном переходе от лучших земель к худшим. Напротив, бывают и обратные переходы, бывает превращение одного разряда земель в другие (в силу прогресса агрикультурной техники, роста городов и пр.), и глубокой ошибкой, взваливанием на природу недостатков, ограниченностей и противоречий капитализма, является пресловутый «закон убывающего плодородия почвы». Затем равенство прибыли во всех отраслях промышленности и народного хозяйства вообще предполагает полную свободу конкуренции, свободу перелива капитала из одной отрасли в другую. Между тем, частная собственность на землю создает монополию, помеху этому свободному переливу. В силу этой монополии продукты сельского хозяйства, отличающегося более низким строением капитала и, следовательно, индивидуально более высокой нормой прибыли, не идут во вполне свободный процесс выравнивания нормы прибыли; собственник земли, как монополист, получает возможность удержать цену выше средней, а эта монопольная цена рождает а б с о л ю т н у ю р е н т у. Диференциальная рента не может быть уничтожена при существовании капитализма, абсолютная же может,—например, при национализации земли, при переходе ее в собственность государства. Такой переход означал бы подрыв монополии частных собственников, означал бы более последовательное, более полное проведение свободы конкуренции в земледелии. И поэтому радикальные буржуа, отмечает Маркс, неоднократно выступали в истории с этим требованием. Замечательно популярно, сжато и ясно изложил сам Маркс свою теорию средней прибыли на капитал и абсолютной земельной ренты в письме к Энгельсу от 2 августа 1862 г. (см. «Переписка», т. III, стр. 77—81. Ср. также письмо от 9 августа 1862 г., там же, стр. 86—87). К истории поземельной ренты важно также указать на анализ Маркса, показывающего превращение ренты отработочной (когда крестьянин своим трудом на земле помещика создает прибавочный продукт) в ренту продуктами или натурой (крестьянин на своей земле производит прибавочный продукт, отдавая его помещику в силу «внеэкономического принуждения»), затем в ренту денежную (та же рента натурой, превращенная в деньги, «оброк» старой Руси, в силу развития товарного производства) и, наконец, в ренту капиталистическую, когда на место крестьянина является предприниматель в земледелии,

ведущий обработку при помощи наемного труда. В связи с этим анализом «генезиса капиталистической поземельной ренты» следует отметить ряд глубоких (и особенно важных для отсталых стран, как Россия) мыслей Маркса о б э в о л ю ц и и к а п и т а л и з м а в з е м л е д е л и и. «Превращению натуральной ренты в денежную не только сопутствует неизбежно, но даже предшествует, образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. В период возникновения этого класса, когда он появляется еще только спорадически, у более зажиточных, обязанных оброком крестьян, естественно, развивается обычай эксплоатировать за свой счет сельских наемных рабочих, совершенно подобно тому, как в феодальные времена зажиточные крепостные крестьяне сами, в свою очередь, держали крепостных. У этих крестьян развивается, таким образом, постепенно возможность накоплять известное имущество и превращаться самим в будущих капиталистов. Среди старых владельцев земли, ведущих самостоятельное хозяйство, возникает, следовательно, рассадник капиталистических арендаторов, развитие которых обусловлено общим развитием капиталистического производства вне сельского хозяйства» («Капитал», III, ч. II, 332). «Экспроприация и изгнание из деревни части сельского населения не только «освобождают» для промышленного капитала рабочих, их средства к жизни, их орудия труда, но и создают внутренний рынок» («Капитал», I, 778). Обнищание и разорение сельского населения играют, в свою очередь, роль создания резервной рабочей армии для капитала. Во всякой капиталистической стране часть сельского населения находится поэтому постоянно в переходном состоянии к превращению в городское или мануфактурное (т.-е. неземледельческое) население. Этот источник относительного избыточного населения течет постоянно. Сельского рабочего сводят к наинизшему уровню заработной платы, и он всегда стоит одной ногой в болоте пауперизма («Капитал», I^2, 668). Частная собственность крестьянина на землю, обрабатываемую им, есть основа мелкого производства и условие его процветания, приобретения им классической формы. Но это мелкое производство совместимо только с узкими, примитивными рамками производства и общества... При капитализме «эксплоатация крестьян отличается от эксплоатации промышленного пролетариата лишь по форме. Эксплоататор — тот же самый капиталист.

Отдельные капиталисты эксплоатируют отдельных крестьян посредством ипотек и ростовщичества: класс капиталистов эксплоатирует класс крестьян посредством государственных налогов». «Парцелла (мелкий участок земли) крестьянина представляет только предлог, позволяющий капиталисту извлекать из земли прибыль, процент и ренту, предоставляя самому землевладельцу выручать, как ему угодно, свою заработную плату. Обычно крестьянин отдает даже капиталистическому обществу, т.-е. классу капиталистов, часть заработной платы, опускаясь «до уровня ирландского арендатора под видом частного собственника». В чем состоит «одна из причин того, что в странах с преобладающим мелким крестьянским землевладением цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства»? В том, что крестьянин отдает обществу (т.-е. классу капиталистов) даром часть прибавочного продукта. Следовательно, такая низкая цена хлеба есть «следствие бедности производителей, а ни в коем случае не результат производительности их труда». Мелкая поземельная собственность, нормальная форма мелкого производства, деградируется, уничтожается, гибнет при капитализме.

СОЦИАЛИЗМ

Из предыдущего видно, что неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества. Обобществление труда в тысячах форм, идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала,—вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма. Интеллектуальным и моральным двигателем, физическим выполнителем этого превращения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат. Его борьба с буржуазией, проявляясь в различных и все более богатых содержанием формах, неизбежно становится политической борьбой, направленной к завоеванию политической власти пролетариатом («диктатура пролетариата»). Обобществление

производства не может не привести к переходу средств производства в собственность общества, к «экспроприации экспроприаторов». Громадное повышение производительности труда, сокращение рабочего дня, замена остатков, руин мелкого, примитивного, раздробленного производства коллективным усовершенствованным трудом,—вот прямые последствия такого перехода. Капитализм окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, но в то же время своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи, соединение промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества (с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах). Новая форма семьи, новые условия в положении женщины и в воспитании подрастающих поколений подготовляются высшими формами современного капитализма: женский и детский труд, разложение патриархальной семьи капитализмом неизбежно приобретают в современном обществе самые ужасные, бедственные и отвратительные формы. Но, тем не менее, крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно-организационном процессе производства, вне сферы домашнего очага, женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как и форму древне-римскую или древнегреческую, или восточную, которые, между прочим, в связи одна с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства,—при соответствующих условиях неизбежно должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития («Капитал», I, конец 13 главы). Фабричная система показывает нам «зародыши воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой, не только как одно из средств для увеличения общественного

производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей» (там же). На ту же историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению, ставит социализм Маркса и вопросы о национальности и государстве. Нации—неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития. И рабочий класс не мог окрепнуть, возмужать, сложиться, не «устраиваясь в пределах нации», не будучи «национальным» (хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия). Но развитие капитализма все более и более ломает национальные перегородки, уничтожает национальную обособленность, ставит на место национальных антагонизмов классовые. В развитых капиталистических странах полной истиной является поэтому, что «рабочие не имеют отечества», и что «соединение усилий» рабочих, по крайней мере цивилизованных стран, «есть одно из первых условий освобождения пролетариата» («Коммунистический Манифест»). Государство, это организованное насилие, возникло неизбежно на известной ступени развития общества, когда общество раскололось на непримиримые классы, когда оно не могло бы существовать без «власти», стоящей якобы над обществом, до известной степени обособившейся от него. Возникая внутри классовых противоречий, государство становится «государством сильнейшего, экономически господствующего класса, который при его помощи делается и политически господствующим классом и таким путем приобретает новые средства для подчинения и эксплоатации угнетенного класса. Так, античное государство было прежде всего государством рабовладельцев для подчинения рабов, феодальное государство — органом дворянства для подчинения крепостных крестьян, а современное представительное государство является орудием эксплоатации наемных рабочих капиталистами» (Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», где он излагает свои и Маркса взгляды). Даже самая свободная и прогрессивная форма буржуазного государства—демократическая республика — нисколько не устраняет этого факта, а лишь меняет форму его (связь правительства с биржей, подкупность — прямая и косвенная — чиновников и печати и т. д.). Социализм, ведя к уничтожению классов, тем самым

ведет к уничтожению государства. «Первый акт, пишет Энгельс в «Анти-Дюринге»,—с которым государство выступает действительно как представитель всего общества,—экспроприация средств производства в пользу всего общества—будет в то же время его последним самостоятельным актом как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения будет становиться в одной области за другой излишним и прекратится само собой. Управление людьми заменится управлением вещами и регулированием производственного процесса. Государство не будет «отменено»,—оно «отомрет». «Общество, которое организует производство на основе свободных и равных ассоциаций производителей, поставит государственную машину туда, где ей тогда будет место: в музей древностей, рядом с веретеном и бронзовым топором» (Энгельс в «Происхождении семьи»).

Наконец, по вопросу об отношении социализма Маркса к мелкому крестьянству, которое останется в эпоху экспроприации экспроприаторов, необходимо указать на заявление Энгельса, выражающего мысли Маркса: «Когда мы овладеем государственной властью, мы не будем и думать о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян (все равно, с вознаграждением или нет), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам будет состоять прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильственным путем, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели. Тогда у нас, конечно, будет достаточно средств, чтобы доказать крестьянину все преимущества такого перехода,—преимущества, которые и теперь уже должны быть ему разъясняемы» (Энгельс. «К аграрному вопросу на Западе», изд. Алексеевой, стр. 17, рус. пер. с ошибками. Оригинал в «Neue Zeit»).

ТАКТИКА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Выяснив еще в 1844—1845 г. г. один из основных недостатков старого материализма, состоящий в том, что он не умел понять условий и оценить значения революционной практической деятельности, Маркс в течение всей своей жизни на-ряду с теоретическими работами уделял неослабное вни-

мание вопросам тактики классовой борьбы пролетариата. Громадный материал дают в этом отношении все сочинения Маркса и изданная в 1913 г. четырехтомная переписка его с Энгельсом в особенности. Материал этот далеко еще не собран, не сведен вместе, не изучен и не разработан. Поэтому мы должны ограничиться здесь лишь самыми общими и краткими замечаниями, подчеркивая, что без этой стороны материализма Маркс справедливо считал его половинчатым, односторонним, мертвенным. Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического миросозерцания. Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами, может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т.-е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение, в свою очередь, рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего, и притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически: «20 лет равняются одному дню в великих исторических развитиях,—писал Маркс Энгельсу,—хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет» (т. III, стр. 127 Переписки). На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать эту объективно неизбежную диалектику человеческой истории, с одной стороны, используя для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического застоя или черепашьего, так называемого «мирного» развития, а с другой стороны, ведя всю работу этого использования в направлении «конечной цели» движения данного класса и создания в нем способности к практическому решению великих задач в великие дни, «концентрирующие в себе по 20 лет». Два рассуждения Маркса особенно важны в данном вопросе: одно, из «Нищеты философии», по поводу экономической борьбы и экономических организаций пролетариата, другое—из «Коммунистического Манифеста», по поводу политических задач

его. Первое гласит: «Крупная промышленность скопляет в одном месте массу не известных друг другу людей. Конкуренция раскалывает их интересы. Но охрана заработной платы, этот общий интерес по отношению к их хозяину, объединяет вначале изолированные, формируются в группы, и охрана их одной общей идеей сопротивления: коалиции. Коалиции, вначале изолированны, формируются в группы, и охраны рабочими их союзов против постоянно объединенного капитала становится для них более необходимой, чем охрана заработной платы... В этой борьбе—настоящей гражданской войне—объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы. Достигши этого пункта, коалиция принимает политический характер». Здесь перед нами программа и тактика экономической борьбы и профессионального движения на несколько десятилетий вперед для всей долгой эпохи подготовки сил пролетариата «для грядущей битвы». С этим надо сопоставить многочисленные указания Маркса и Энгельса, на примере английского рабочего движения, на то, как промышленное «процветание» вызывает попытки «купить рабочих» (I, 136, Переписка с Энгельсом), отвлечь их от борьбы, как это процветание вообще «деморализует рабочих» (II, 218), как «обуржуазивается» английский пролетариат; «самая буржуазная из всех наций («английская») хочет, видимо, привести дело, в конце концов, к тому, чтобы рядом с буржуазией иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат» (II, 290); как исчезает у него «революционная энергия» (III, 124); как придется ждать более или менее долгое время «избавления английских рабочих от их кажущегося буржуазного развращения» (III, 127); как недостает английскому рабочему движению «пыла чартистов» (1866; III, 305); как английские вожди рабочих создаются по типу серединки «между радикальным буржуа и рабочим» (о Голиоке, IV, 209); как, в силу монополии Англии и пока эта монополия не лопнет, «ничего не поделаешь с британскими рабочими» (IV, 433). Тактика экономической борьбы в связи с общим ходом (и исходом) рабочего движения рассматривается здесь с замечательно широкой, всесторонней, диалектической, истинно-революционной точки зрения.

«Коммунистический Манифест» о тактике политической борьбы видвинул основное положение марксизма: «Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего

класса, но в то же время они отстаивают и будущность движения». Во имя этого Маркс в 1848 г. поддерживал в Польше партию «Аграрной революции», «ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 г.». В Германии 1848—1849 г. г. Маркс поддерживал крайнюю революционную демократию и никогда впоследствии не брал назад сказанного им тогда о тактике. Немецкую буржуазию он рассматривал как элемент, который «с самого начала был склонен к измене народу» (только союз с крестьянством мог бы дать буржуазии цельное осуществление ее задач) «и к компромиссу с коронованными представителями старого общества». Вот данный Марксом итоговый анализ классового положения немецкой буржуазии в эпоху буржуазно-демократической революции,— анализ, являющийся, между прочим, образчиком материализма, рассматривающего общество в движении, и притом не только с той стороны движения, которая обращена назад: «...без веры в себя, без веры в народ; ворча перед верхами, дрожа перед низами... напуганная мировой бурей; нигде с энергией, везде с плагиатом... без инициативы... — окаянный старик, осужденный на то, чтобы в своих старческих интересах руководить первыми порывами молодости молодого и здорового народа»... («Новая Рейнская Газета» 1848 г., см. «Литер. насл.», т. III, стр. 212). Около 20 лет спустя в письме к Энгельсу (III, 224) Маркс объявлял причиной неуспеха революции 1848 г. то, что буржуазия предпочла мир с рабством одной уже перспективе борьбы за свободу. Когда кончилась эпоха революций 1848—1849 г. г., Маркс восстал против всякой игры в революцию (Шаппер—Виллих и борьба с ними), требуя уменья работать в эпоху новой полосы, готовящей, якобы «мирно», новые революции. В каком духе требовал Маркс ведения этой работы,—видно из следующей его оценки положения в Германии в наиболее глухое реакционное время, в 1856 г.: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-нибудь вторым изданием крестьянской войны». (Переписка с Энгельсом, II, 108.) Пока демократическая (буржуазная) революция в Германии была не закончена, все внимание в тактике социалистического пролетариата Маркс устремлял на развитие демократической энергии крестьянства. Лассаля он считал совершающим «объективно измену рабочему движению на пользу Пруссии» (III, 210), между прочим, именно потому, что

Лассаль «мирволил помещикам и прусскому национализму». «Подло,—писал Энгельс в 1865 г., обмениваясь мыслями с Марксом по поводу предстоящего общего выступления их в печати,—в земледельческой стране нападать от имени промышленных рабочих только на буржуа, забывая о патриархальной «палочной эксплоатации» сельских рабочих феодальным дворянством» (III, 217). В период 1864—1870 г. г., когда подходила к концу эпоха завершения буржуазно-демократической революции в Германии, эпоха борьбы эксплоататорских классов Пруссии и Австрии за тот или иной способ завершения этой революции сверху, Маркс не только осуждал Лассаля, заигрывавшего с Бисмарком, но и поправлял Либкнехта, впадавшего в «австрофильство» и в защиту партикуляризма; Маркс требовал революционной тактики, одинаково беспощадно борющейся и с Бисмарком, и с австрофилами,—тактики, которая не подлаживалась бы к «победителю»—прусскому юнкеру, а немедленно возобновляла революционную борьбу с ним, и на почве, созданной прусскими военными победами. (Переписка с Энгельсом, III, 134, 136, 147, 179, 204, 210, 215, 418, 437, 440—1.) В знаменитом обращении Интернационала от 9 сентября 1870 г. Маркс предупреждал французский пролетариат против несвоевременного восстания, но когда оно все же наступило (1871 г.), Маркс с восторгом приветствовал революционную инициативу масс, «штурмовавших небо» (письмо Маркса к Кугельману). Поражение революционного выступления в этой ситуации, как и во многих других, было с точки зрения диалектического материализма Маркса меньшим злом в общем ходе и исходе пролетарской борьбы, чем отказ от занятой позиции, сдача без боя; такая сдача деморализовала бы пролетариат, подрезала бы его способность к борьбе. Вполне оценивая использование легальных средств борьбы в эпохи политического застоя и господства буржуазной легальности, Маркс в 1877—1878 г. г., после того как издан был исключительный закон против социалистов, резко осуждал «революционную фразу» Моста, но не менее, если не более, резко обрушивался на оппортунизм, овладевший тогда на время официальной с.-д. партией, не проявившей сразу стойкости, твердости, революционности, готовности перейти к нелегальной борьбе в ответ на исключительный закон. (Письма Маркса к Энгельсу —IV, 397, 404, 418, 422, 424, ср. также письма к Зорге.)

Ч. ДАРВИН И К. МАРКС

(Канун шестидесятых годов, 1859 год.)

Мне приходилось уже ранее указывать на то, что лишь «эпоха возрождения»—шестидесятые годы—совпала с периодом исключительного подъема естествознания в Западной Европе и находилась под его благотворным влиянием. Позднее я имел случай подробнее остановиться на совершенно исключительном значении в истории науки кануна шестидесятых годов, этого 1859 года, обратившего на себя внимание по совпадению двух великих открытий: одного в области теории—дарвинизма, другого в области экспериментального метода—спектроскопии. Полувековой юбилей этих двух событий был своевременно отмечен всем ученым миром, но ни мною и, если не ошибаюсь, никем другим не было замечено совпадение, придающее этому году еще более широкое значение. Руководясь известным правилом: «лучше поздно, чем никогда», попытаюсь теперь, по истечении нового десятилетия, пополнить этот пробел.

В 1859 г. появилось не только «Происхождение видов» Дарвина, но и «Zur Kritik der Politischen Oekonomie» («К критике политической экономии» Маркса [1]). Это—не про

[1]) Что касается меня, то этот пробел объясняется очень просто. К стыду моему, я должен признаться, что с содержанием замечательного предисловия к этой книге я ознакомился уже после 1909 г. из статьи В. И. Ильина (Ленина) в XVIII томе «Энциклопедии» бр. Гранат. В утешение себе могу сказать, что зато с «Капиталом» я ознакомился, вероятно, один из первых в России. Это было так давно, что Владимир Ильич тогда еще не родился, а Плеханову, которого многие наши марксисты считают своим учителем, было всего 10 лет. Осенью 1867 г., проездом из Симбирска, где я производил опыты по плану Д. И. Менделеева, я заехал к П. А. Ильенкову в недавно открытую Петровскую академию. Я застал П. А. Ильенкова в его кабинете-библиотеке за письменным столом; перед ним лежал толстый свеженький немецкий

стое только хронологическое совпадение; между этими двумя произведениями, относящимися к столь отдаленным одна от другой областям человеческой мысли, можно найти сходственные черты, оправдывающие их сопоставление, хотя бы в форме этого краткого очерка. Как заключительная страница книги Дарвина, так и замечательная, блестящая пятая страница предисловия книги Маркса представляют поразительные по своей ясности и лаконичности итоги основного хода их идей. Как первая была завершением более чем двадцатилетней деятельности Дарвина, так и вторая была, по собственному признанию Маркса, «путеводной нитью» для последовавшей, более чем двадцатилетней его деятельности, прерванной только его смертью еще в полном расцвете его умственных сил. Остановимся на беглой параллели этих двух произведений, которые оставили глубокий след в истории XIX и начинающегося XX века и, конечно, оставят его и в последующих веках.

О Дарвине говорили, что он—«величайший революционер в современной науке или, вернее, в науке всех времен» (Уотсон), что «отрадно было видеть, как из затишья своей скромной рабочей комнаты в Дауне он приводил умы всех мыслящих людей в такое движение, которому едва ли найдется второй пример в истории» (Рейлей). О том революционном движении, которое, исходя из убогой каморки в Динстрите (в Лондоне), охватило не только «сознание», но и «бытие» всего человечества, излишне распространяться в переживаемый момент, какого еще, несомненно, не знала история.

В чем же заключалась общая, сходственная черта этих двух революций, одновременно проявившихся в 1859 г.? Прежде всего в том, чтобы всю совокупность явлений, касаю-

---

том с еще заложенным в него резрезальным ножом. Это был первый том «Капитал» Маркса. Так как он вышел в конце 1867 г., то, очевидно, это был один из первых экземпляров, попавших в русские руки. Павел Антонович тут же с восхищением и свойственным ему умением прочел мне чуть не целую лекцию о том, что уже успел прочесть. С предшествовавшею деятельностью Маркса он был знаком, так как провел 1848 год за-границей, преимущественно в Париже, а с деятельностью пионеров русского капитализма—сахароваров—был лично знаком и мог иллюстрировать эту деятельность и лично знакомыми ему примерами. Таким образом, через несколько недель после появления «Капитала» профессор химии недавно открытой Петровской академии уже был одним из первых распространителей идей Маркса в России.

щихся в первом случае всего органического мира, а во втором—социальной жизни человека, которую теология и метафизика считали своим исключительным уделом, изъять из их ведения и найти для всех этих явлений объяснение, заключающееся «в их материальных условиях, констатируемых с точностью естественных наук» [1]).

Как Дарвин, усомнившись в пригодности библейского учения о сотворении органических форм, к которому так или иначе прилаживалась теологически или метафизически настроенная современная ему наука, нашел действительное объяснение для происхождения этих форм в «материальных условиях» их возникновения, так и Маркс, как он сам пояснил, усомнившись в гегелевской метафизической «философии права», пришел к послужившему ему «путеводной нитью» во всей его последующей деятельности выводу, что «правоотношения и формы государственности необъяснимы ни сами из себя, ни из так называемого человеческого духа, а берут основание из материальных условий жизни». Оба учения отмечены общей чертой искания начального, исходного объяснения исключительно в «научно-изучаемых», «материальных» явлениях, что̀ у Маркса определенно выразилось в обозначении всего его научного направления словами: «экономический материализм» и «экономическое понимание истории». Способ производства материальной жизни и определяет тот «реальный базис», на котором возвышаются, «как надстройки», «все юридические, политические, религиозные, художественные, философские, выражаясь кратче—идеологические, формы» Но «на известных ступенях своего развития эти материальные, производительные силы общества вступают в столкновение с ранее существовавшими производственными отношениями», и эти последние «из форм развития производительных сил превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С этой переменой экономической основы рушится и вся громадная ее надстройка». Я продолжаю эти цитаты классических афоризмов Маркса вплоть до слова р е в о л ю ц и я, потому что вокруг него чаще всего вертится спор об отношении учения Дарвина к учению Маркса. Говорят, дарвинизм, это—учение об эволюции, а эволюция будто бы прямая противоположность революции. У Дарвина слово

[1]) «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», p. V.

«революция» не встречается и, вероятно, потому, что в биологии это слово вызывало еще свежее воспоминание о «Révolutions du globe» Кювье, под которыми разумелись вымышленные геологами катаклизмы, совершавшиеся будто бы с быстротой какой-нибудь театральной частой перемены декораций и сопровождавшиеся исчезновением целых населений земли и сотворением новых. Но зато у единственного унаследовавшего качества своего отца сына Дарвина, Джорджа,—известного астронома,—мы встречаем подробное развитие мысли о научной, гомологической связи (а не простой реторической только аналогии) между понятиями о революции как в сфере явлений политических, так и в сфере явлений космических и просто механических [1]).

В своих объяснениях и Дарвин, и Маркс исходили из фактического изучения настоящего, но первый, главным образом, для объяснения темного прошлого всего органического мира, Маркс же, главным образом, для предсказания будущего, на основании «тенденции» [2]) настоящего, и не только предсказания, но и воздействия на него, так как, по его словам, «философы занимаются тем, что каждый на свой лад объясняет мир, а дело в том, как его изменить». Но и здесь следует сделать оговорку—указать, что Дарвин, дав не «свое» философское, а основанное на изучении действительности объяснение, заставив людей обратить внимание на тот процесс созидания новых органических форм (искусственный отбор), которым они пользовались полусознательно, помог довести его до тех изумительных результатов, до которых он доведен, например, Бербанком [3])—этим современным рабочим-чудотворцем, творцом новых органических форм.

Основными исходными материальными факторами, определяющими историческое развитие человечества, Маркс признает факторы экономические, все остальное является «идео-

---

[1]) См. мою статью «Кембридж и Дарвин». Добавляю, что, развивая эту мысль о научной закономерности явления революции,—мысль, конечно, не рассчитывающую на сочувствие буржуазной английской аудитории,— Джордж Дарвин умышленно сделал оговорку: «Человек, который носит имя Дарвина, высказывая суждение об эволюции, должен сознавать всю ответственность, которую при этом берет на себя».

[2]) Э. Бернштейн напрасно глумится над этим выражением Маркса.

[3]) О деятельности Бербанка см. мой перевод книги Гарвуда «Обновленная земля» и слово «Бербанк» в «Энциклопедии» бр. Гранат.

логической надстройкой». Главным фактором развития органических форм Дарвин признает исторический процесс, метафорически названный им «естественным отбором» (элиминация Огюста Конта) и вытекающий из закона перенаселения, обыкновенно называемого законом Мальтуса. Это, как известно, ставилось Дарвину в укор Чернышевским и особенно Дюрингом, но предъявлявшие это обвинение, очевидно, не знали или забыли, что сам Мальтус заимствовал свой закон у натуралистов, применявших его уже ранее к растениям и животным (Линней, Франклин). Но в чем же заключается это явление естественного отбора?—В приспособлении организмов к условиям их существования; в нем, как объясняет Дарвин на первых же страницах своей книги, заключается ключ к пониманию органического мира, объяснение его основной загадки. Это слово «приспособление» стало лозунгом современной биологии; биологу становилось понятным только то, что приспособлено, потому что ему становилось понятным его историческое происхождение. Геккель, мастер на составление новых названий, для всей этой области биологии, изучающей явления приспособления, предложил новое название—экология. Этому слову повезло особенно в Америке, где, например, рядом с физиологией растений утвердилась новая наука экология [1]). Но это слово происходит от того же греческого корня, как и экономия, экономика. Вместо того, чтобы придумывать новые слова, не лучше ли было сохранить старое, указывающее на полное сходство понятий. Поэтому я уже несколько лет тому назад предложил назвать эту часть ботаники просто — экономикой растений [2]). Таким образом, и у Дарвина, и у Маркса мы встречаемся с полным сходством исходных факторов изучаемых ими исторических процессов, проявляющимся даже

---

[1]) Друде, автор одного из немецких руководств по экологии, идет еще далее и предлагает для общей среды, как обиталища растения, термин того же греческого словопроизводства—экумена, понимая под ним всю совокупность и материальной обстановки, и доступных источников энергии.

[2]) См. мою брошюру «Основные черты истории развития биологии в XIX столетии» (1908 г.). Совсем неудачной должно считать попытку некоторых ученых эти отделы ботаники и зоологии назвать «биологией», «биологическими», при чем читатель не знает, о какой биологии идет речь,—о настоящей, т.-е. совокупности ботаники и зоологии, или о части ее частей.

в полном тождестве их словесного обозначения. И здесь, и там мы встречаемся с экономическим использованием условий своего существования.

Но сходство этим не ограничивается; оно распространяется и на ближайшие продукты этого экономического процесса. По Марксу, на первых же стадиях развития деятельность человека, при переходе его от животного, выразилась в изобретении орудий производства: «Изготовление рабочих орудий... специфически характеризует человеческий процесс труда... вот почему Франклин определяет человека как a toolmaking animal, т.-е. как животное, изготовляющее рабочие орудия труда»[1]). К. Каутский, передавая эту мысль Маркса, пользуется свойствами немецкого языка для удачной игры слов: животные могут finden (находить) орудия в природе, и только человек умеет их erfinden (открывать, изобретать). Рутерфорд в одной из своих последних речей очень наглядно изобразил эти первые ступени человеческой изобретательности: дело сводилось к последовательному сосредоточению того же запаса энергии в наименьшем пространстве,—дубина обрушивалась на более или менее значительную поверхность, топор или нож уже ограничивали действие одной линией и, наконец, копье или стрела сосредоточивали его в одной точке.

Но в чем же состоял процесс приспособления животных и растений к условиям их существования, как не в выработке органов, т.-е. орудий? [2]). И здесь опять простое словесное сближение делает это очевидным. В былое время, еще в начале XIX века, русские ученые называли организмы, организованные тела—телами «орудийными». К объяснению, почему живые существа являются телами орудийными—организмами,—сводилась, по Дарвину, главная задача естествоиспытателя, желавшего себе объяснить их происхождение. Уже в первом, дошедшем до нас, наброске его теории он говорит: «Мы должны смотреть на каждый сложный механизм или инстинкт, как на длинный исторический итог полезных приспособлений, подобный произведениям искусства»[3]).

---

[1]) К. Маркс, Капитал, том I, русск. перевод 1898 г., стр. 134.

[2]) На это указывает и Маркс «Капитал», русск. перев. 1898 г. глава XIII, стр. 3 3, примечание 94).

[3]) Darwin, The foundations of the origin of species. 1842. Рукопись найдена и издана только в 1909 году.

Следовательно, основой для объяснения Дарвином происхождения органических форм и Марксом форм человеческого общества являются экономические условия существования, а одним из первых продуктов этой деятельности является выработка орудий. Но точно ли это направление деятельности характеризует только первые шаги первобытного человека? Не с тем же ли явлением встречаемся мы и на высших ступенях этой деятельности? Бэкон, в котором Маркс и Энгельс видят первого провозвестника того мировоззрения, которое легло в основу их «исторического материализма» [1]), Бэкон, этот «вестник» (buccinator), возвестивший миру пришествие «царства человека», т.-е. царства науки и победы человека над природой, так характеризовал современное ему направление деятельности возникшей новой опытной науки: «Nec manus nuda nec intellectus sibi permissus multum valet; instrumentis et auxiliis res perficitur»—«Голая рука и разум, сам себе предоставленный, многого не стоят,—делается дело орудиями и другими пособиями». И не только на заре зарождения современной науки, а и в период ее полного развития в XX веке встречаемся мы с тою же мыслью. Известный физик Винер в своей замечательной речи: «Расширение области наших чувственных восприятий» [2]) указывает, что важнейшие успехи физики тесно связаны с изумительным усовершенствованием инструментов, представляющих только как бы подражание органам чувств, этим, по меткому выражению И. П. Павлова, «анализаторам» внешнего мира. Наконец, едва ли не с большей рельефностью высказал ту же мысль со свойственным ему остроумием Больцман, говоря о Кирхгофе как изобретателе спектроскопа: «Он сделал из глаза как бы совершенно новый орган» [3]). Таким образом, интересуемся ли мы происхождением всего органического мира или человеческого общества, в основе мы встречаемся с экономическим процессом производства,—будет ли то первоначальное производство органического вещества растением, или венец деятельности человека — производство знания, науки,—и один из первых вопросов сводится к изучению про-

---

[1]) Karl Marx und Friedrich Engels, Die heilige Familie, стр. 201—203.

[2]) См. мою книгу «Насущные задачи современного естествознания».

[3]) См. мою статью «Год итогов и поминок» (1859).

исхождения органов или орудий этого производства. Такова аналогия между историческим материализмом и дарвинизмом в той области, где их объекты совершенно различны: у одного—человек, у другого—мир животных и растений. Но есть еще часть дарвинизма, где и объект изучения у них тот же. Через двенадцать лет после появления «Происхождения видов» и «Zur Kritik» вышло «Происхождение человека» Дарвина. Не ограничиваясь биологической стороной вопроса, Дарвин перешел и на социологическую почву, поскольку рассмотрение ее было необходимо для доказательства происхождения человека от животного типа,—и в двух замечательных главах ответил, что все умственное и нравственное превосходство над животными (вся идеологическая надстройка, как выразился бы Маркс) берет начало в двух материальных особенностях,—в развитии высшей области нервной системы, в головном мозге и его результате—развитии умственных способностей, и в развитии «социального инстинкта», присущего и высшим животным. Таким образом, социальный инстинкт, общественность, и у него, как и у Маркса, является исходным началом естественно-исторического процесса развития умственного и нравственного облика человечества. Недаром многие английские и немецкие писатели считают Дарвина основателем новейшей реалистической школы этики. Развитие нашей параллели между дарвинизмом и марксизмом в этом отношении потребовало бы более места, чем может быть отведено здесь [1]), и вышло бы за пределы 1859 г., о котором, собственно, здесь идет речь.

Таковы некоторые черты сходства в основных идеях этих двух великих произведений, появление которых так удивительно совпало и, следовательно, исключает всякую возможность непосредственного влияния. Но является вопрос: эти два великие человека, в течение более двадцати лет жившие в таком близком соседстве (на расстоянии одного часа езды), приходили ли они в непосредственное общение? Мы имеем на этот счет свидетельство зятя Маркса—Эвелинга. Он категорически заявляет, что Маркс, этот феноменальный чтец, вероятно, по своей начитанности не имевший себе подобного, тщательно изучил все произведения Дарвина и, когда вышел

---

[1]) Интересно было бы коснуться и их отношения к появившемуся в промежутке, в 1864 г., «утилитарианству» Д.-С. Милля.

первый том «Капитала» (вторым изданием в 1873 г.), послал его Дарвину, который ответил следующим письмом: «Благодарю вас за оказанную мне честь, выразившуюся в присылке вашего великолепного труда, «Капитала». От всего сердца желал бы, чтобы более основательное понимание глубоких и важных вопросов общественной экономики делало меня более достойным этого подарка. Хотя области наших исследований так далеки одна от другой, я все же убежден, что мы оба одинаково стремимся распространять знание, и это знание, в конце концов, послужит на благо человечества. Уважающий вас и преданный Чарльз Дарвин».

Закончу эту краткую заметку тем, с чего начал. Отмечая упущенную в свое время годовщину 1859 г. и значение ближайшего десятилетия—тех шестидесятых годов, которые по справедливости можно назвать десятилетием Дарвина и Маркса[1]), остановимся на том, что оба они шли под знаменем естествознания. Оба в естествознании видели единственную прочную основу своих революционных учений, призванных встряхнуть до самой глубины и «сознание», и «бытие» всего человечества. Не ясно ли, что именно в науке, в естествознании, а не в мистических и метафизических словоизвержениях, не в бессмысленных футуристических потугах или призывах вернуться на путь «свободной классической эротики», не в этих всех пережитках позорно издыхающей буржуазной культуры должна быть заложена основа идущей на смену ей культуры, пролетарской культуры будущего. Это предсказывал еще в 1831 г. Огюст Конт, говоря, что из всех классов пролетариат наиболее способен понять и воспринять тот умственный переворот, который несет с собой положительная философия—философия науки.

---

[1]) Дарвин. Происхождение видов (1859 г.), Происхождение человека (1871 г.). Маркс, Критика политической экономии (1859 г.), Капитал (1-е издание 1867 г., 2-е—1873 г.).

КАРЛ МАРКС

По личным воспоминаниям

Я первый раз увидел Карла Маркса в феврале 1865 г. Интернационал был основан 28 сентября 1864 г. на собрании в зале св. Мартина; я приехал из Парижа, чтобы доставить Марксу известия об успехах, которые там сделало новое общество.

Г-н Толен—ныне сенатор буржуазной республики и один из ее представителей на берлинской конференции—дал мне рекомендательное письмо.

Мне было тогда 24 года. Во всю мою жизнь я не забуду впечатления от этого посещения. Маркс, здоровье которого было уже расшатано, работал тогда над первым томом «Капитала», который появился в свет только два года спустя, в 1867 г. Он боялся, что не сможет довести свою работу до конца, и принимал охотно молодых людей, ибо,—говорил он,—«я должен подготовить людей, которые продолжали бы после меня дело коммунистической пропаганды».

Карл Маркс является одним из тех редких людей, которые одновременно могли быть деятелями первого ранга как на поприще науки, так и на поприще общественной деятельности. Эти две стороны его существа были так нераздельно связаны в нем, что невозможно его понять, не рассматривая его одновременно как ученого и как социалистического борца. Хотя он и держался взгляда, что всякая наука имеет самодовлеющее значение и что ни при каком научном исследовании не следует смущаться его возможными результатами, он, тем не менее, думал, что ученый, если он не хочет сам унизить себя духовно, должен принимать деятельное участие в общественной жизни, а не оставаться всегда запертым в своем кабинете или лаборатории, подобно крысе, закопав-

шейся в сыру, оставаясь чуждым жизни и социальной и политической борьбе его современников.

Наука не должна быть эгоистическим удовольствием. Те счастливцы, которые могут посвятить себя научным задачам, должны быть также первыми, которые отдают свои знания на службу человечеству,—«работать для мира» было его любимым словом.

Он пришел к коммунизму не благодаря сентиментальным соображениям, хотя он и глубоко сочувствовал страданиям рабочего класса, а путем изучения истории и политической экономии. Он утверждал, что всякий беспристрастный ум, свободный от влияния частных интересов и не ослепленный предрассудками, безусловно должен прийти к тем же выводам. Но если он без предвзятого мнения изучал экономическое и политическое развитие человеческого общества, то писал он, руководясь всегда решительным намерением распространять результаты своих исследований и твердой волей дать научную основу социалистическому движению, которое до того терялось в утопических облаках. В общественной деятельности он руководился только желанием работать для торжества рабочего класса, исторической миссией которого является введение коммунизма, после того как ему удастся захватить экономическое и политическое руководство обществом. Точно так же достигшая власти буржуазия имела своей миссией разорвать оковы феодализма, препятствовавшие развитию сельского хозяйства и промышленности, создать условия свободного движения людей и товаров, провозгласить свободу договора между предпринимателями и рабочими, централизовать средства производства и обмена и т. д., не замечая, что она этим подготовляет материальные и интеллектуальные элементы коммунистического общества будущего.

В своей общественной деятельности Маркс не ограничивался работой на пользу той страны, где он родился. «Я—гражданин всего мира,—говаривал он,—и действую там, где нахожусь». И в самом деле, во всех тех странах, куда его только загоняли события и политические преследования: во Франции, Бельгии, Англии, он принимал деятельное участие в революционных движениях, которые там развертывались.

Но не как неустанный и несравненный социалистический агитатор, а как ученый предстал он предо мною в первый

раз в той рабочей комнате в Maitland Park Road, куда со всех сторон цивилизованного мира стекались партийные товарищи, чтобы узнать по разным вопросам мнение руководителя социалистической мысли. Это—историческая комната, которую надо знать, если хотят понять интимную сторону духовной жизни Маркса. Комната эта была в первом этаже; масса света падала из окна, выходившего в парк. По обе стороны камина стояли шкапы, заставленные книгами и доверху заваленные пачками газет и рукописей. Против камина и около окна два стола были заняты бумагами, книгами и газетами. Посредине против окна стоял очень простой и небольшой рабочий стол и у стола деревянное кресло. Между креслом и книжным шкапом помещалась кожаная софа, на которой Маркс отдыхал. Книги лежали и на камине; тут же нашли себе место сигары, спички, табачница, пресс-папье, фотографии дочерей, жены, Вильгельма Вольфа и Фридриха Энгельса.

Маркс очень много курил.—«Капитал» не вернет мне даже того, что стоят сигары, выкуренные мною за работою над ним»,—говорил он мне потом.

Но в еще большем количестве он истреблял спички. Он так часто забывал о своей сигаре или трубке, что ему приходилось очень часто их снова зажигать, благодаря чему коробки спичек опустошались в необычайно короткое время.

Маркс никому не позволял приводить в порядок или, собственно говоря, в беспорядок его книги и бумаги; царивший в них беспорядок был только кажущимся—все было на своем месте, и он, не разыскивая, сразу брал всегда ту самую книгу или тетрадь, которые были ему нужны. Во время речи он часто останавливался, чтобы указать в книге какое-нибудь место или цифру. Он как бы сросся со своим кабинетом и составлял с ним одно целое: книгами и бумагами он распоряжался, как членами собственного тела.

В расстановке книг Маркс не руководился внешней симметрией: брошюры форматом в четверку и в восьмушку стояли рядом. Порядок расстановки определялся не форматом, а содержанием. Книги были для него духовным оружием, а не предметом роскоши. «Они мои рабы и должны подчиняться моей воле». Их формат, переплет, изящество бумаги или печати ничего не значили в его глазах: он загибал углы, поля покрывал карандашными пометками и подчеркивал не-

которые строки. Он никогда не вставлял замечаний, но иногда, однако, он позволял себе вставить восклицательный или вопросительный знак, когда автор уже слишком зарывался. Усвоенная им привычка подчеркивать очень облегчала ему отыскивание в книге нужного места.

Маркс имел обыкновение спустя несколько лет перечитывать свою памятную книжку и просматривать в книгах отмеченные места, чтобы закрепить их в своей памяти. А память у него была обширная, и он изощрял ее, по совету Гегеля, еще в юности, заучивая наизусть стихи на незнакомом ему языке.

Маркс знал наизусть Гейне и Гёте и часто цитировал их в разговоре; вообще он очень любил поэзию, читал Эсхила в греческом подлиннике и считал его и Шекспира двумя величайшими драматическими гениями, каких только рождало человечество. Шекспира, которого он почитал безгранично, Маркс сделал предметом самого обстоятельного изучения и знал самых незначительных действующих лиц его драм. В семье Маркса господствовал настоящий культ великого английского драматурга. Его три дочери знали его наизусть. Когда Маркс после 1848 г. пожелал усовершенствоваться в английском языке, на котором он уже раньше свободно читал, он стал собирать и записывать в определенном порядке все специфические шекспировские выражения. Так же внимательно он изучал известную часть полемических сочинений Вильяма Коббета, которого он очень высоко ценил. К любимейшим поэтам Маркса принадлежали также Данте и Бёрнс, и ему доставляло большое удовольствие чтение вслух его дочерьми сатир шотландского поэта или пение романсов на текст любовных стихотворений Бёрнса.

Неутомимый труженик и великий ученый Кювье устроил в Парижском музее, в котором был директором, несколько рабочих комнат для своих личных занятий. Каждая комната была назначена для особого рода работы; в каждой находились необходимые для этого книги, инструменты, анатомические препараты и т. п. Уставши от одного рода занятий, Кювье переходил в соседнюю комнату и принимался за другое дело: в этом и состоял его отдых. Маркс был такой же неутомимый работник, но у него не было средств устраивать себе несколько рабочих кабинетов, как у Кювье. Отдыхом ему служило только шаганье взад и вперед по комнате: от

дверей до окна была вытоптана на ковре полоса, которая резко выделялась, точно тропинка на лугу. По временам Маркс растягивался на софе и читал роман, при чем иногда начинал сразу несколько книг, читая их попеременно. Подобно Дарвину, он был большим любителем романов.

Маркс любил преимущественно романы XVIII столетия и особенно Фильдинга; из позднейших писателей ему больше всего нравились Поль де-Кок, Чарльз Ливер, Александр Дюма-отец и Вальтер-Скотт, роман которого «Old Mortality» он считал образцовым произведением. Он проявлял особенный интерес к рассказам, богатым приключениями и юмористическим элементом. Выше всех романистов он ставил Сервантеса и Бальзака; в Дон-Кихоте он видел эпос вымершего рыцарства, добродетели которого в только что народившемся мире буржуазии сделались предметом насмешек и издевательств. Бальзака он так высоко ставил, что думал написать о нем критическую статью, как только окончит свое сочинение по политической экономии. По мнению великого экономиста, Бальзак был не только бытописателем своего времени, но также творцом тех прообразов-типов, которые при Людовике-Филиппе находились еще в зародышевом состоянии, а достигли развития уже впоследствии, при Наполеоне III.

Маркс читал на всех европейских языках и писал на трех: немецком, французском и английском; владел он ими удивительно и любил повторять фразу: «Чужой язык есть оружие в жизненной борьбе». Он обладал огромным лингвистическим талантом, который унаследовали от него также его дочери. Когда Марксу было уже 50 лет, он принялся за изучение русского языка и, несмотря на трудность этого языка, настолько овладел им через каких-нибудь шесть месяцев, что мог с удовольствием читать русских поэтов и прозаиков, из которых особенно ценил Пушкина, Гоголя и Щедрина.

За изучение русского языка он принялся, чтобы иметь возможность читать официальные документы, опубликование которых, в силу содержащихся в них ужасных разоблачений, правительство запрещало. Преданные друзья доставляли их Марксу, и последний является, несомненно, единственным западно-европейским экономистом, который имел возможность ознакомиться с ними.

Не менее поэзии Маркс любил и математику. Алгебра служила ему даже нравственным утешением: он прибегал к ней в самые мучительные минуты своей беспокойной жизни. Во время последней болезни жены он не мог продолжать обычных научных занятий, и в этом тяжелом состоянии он мог сколько-нибудь успокоиться, только погружаясь в математику. Таким образом им была написана работа по исчислению бесконечно малых величин, которая, по отзывам специалистов, имеет большое научное значение. В математике он находил применение диалектического метода в наиболее абстрактной и, стало быть, простейшей форме. Маркс держался мнения, что наука только тогда достигнет высокой степени развития, когда будет опираться на математику.

Маркс не довольствовался своей библиотекой, содержавшей более тысячи томов, которую он заботливо собирал в течение долгой и богатой испытаниями жизни; он был усердным посетителем Британского музея, книгохранилище которого ценил очень высоко. Даже его противники вынуждены были признать за ним обширнейшие и глубокие познания не только по его специальности—политической экономии, но даже по истории, философии и всемирной литературе.

Спать Маркс ложился очень поздно, но между 8 и 9 часами утра был уже всегда на ногах, пил черный кофе, прочитывал газеты и принимался за работу, кончавшуюся в 2 или 3 часа ночи. Перерывом служили обед и вечером, если позволяла погода, небольшая прогулка; кроме того, он спал днем часа два на своей софе. В молодости Маркс просиживал за работой целые ночи. Работа была страстью Маркса; она поглощала его так, что нередко он забывал об еде; зачастую приходилось несколько раз звать его к обеду, пока он, наконец, не появлялся в столовой и, едва проглотивши последний кусок, опять отправлялся в свою комнату. Он очень мало ел, страдал даже отсутствием аппетита и для возбуждения его употреблял острые и соленые кушанья—ветчину, копченую рыбу, икру и пикули. Огромная умственная работа отзывалась на деятельности желудка,—весь организм он приносил в жертву своему мозгу; мышление было его высочайшим наслаждением. Я часто слышал, как он повторял слова Гегеля, философией которого проникся еще в юности: «Самая преступная мысль злодея имеет больше цены и значения, чем все чудеса неба».

Нужно было иметь очень крепкий организм, чтобы выносить такой необыкновенный образ жизни и эту изнуряющую умственную работу. Он и был физически сильным человеком: выше среднего роста, широкий в плечах, с грудью хорошо развитой, Маркс был сложен совершенно пропорционально: пожалуй, только туловище, по сравнению с ногами, было несколько длинно, как это часто встречается у еврейской расы. Если бы Маркс в молодости занимался гимнастикой, то мог бы стать физически очень сильным человеком. Но единственное телесное упражнение, которым он регулярно занимался, была ходьба; целыми часами, за разговором и с сигарой во рту, он мог гулять, взбираться на горы, не чувствуя ни малейшей усталости. Можно даже сказать, что Маркс в своем кабинете работал на ходу, присаживаясь только на короткое время, чтобы записать то, что обдумал во время ходьбы. Он очень любил говорить, расхаживая, и лишь время от времени останавливался при особенно живом рассказе или серьезном месте разговора.

В продолжение многих лет был я спутником великого ученого в его вечерних прогулках по Лондону; здесь-то, во время этих прогулок, воспринял я от него экономическое мировоззрение. Исподволь, быть может, сам того не замечая, автор «Капитала» развивал передо мною содержание всего первого тома этого великого труда. По возвращении домой я всегда записывал, как умел, только что слышанное; вначале мне было очень трудно следить за глубоким и сложным ходом мысли Маркса. К сожалению, у меня пропали эти драгоценные заметки. После Коммуны мои бумаги подверглись потоку и разграблению полиции в Париже и Бордо. Больше всего я жалею об утрате заметок, которые я сделал в вечер, когда Маркс изложил мне свою гениальную теорию развития человеческого общества, с тем богатством доводов и соображений, какое было присуще только ему. Как будто завеса разорвалась перед моими глазами: в первый раз я почувствовал ясно логику мировой историй и мог свести к общим материальным причинам повидимому противоречивые явления общественной жизни и идей. Тогда это меня сильно поразило, и впечатление это жило во мне целые годы. Так же поражены были мадридские социалисты, когда я, при всей недостаточности моих средств, изложил им эту теорию, величайшую из созданных Марксом и, несомненно, одну из

величайших теорий вообще, до которых достигал когда-нибудь человеческий ум.

Маркс обладал невероятно богатым запасом фактов из области истории, естествознания и философских теорий, и умел превосходно пользоваться всей массой знаний и наблюдений, приобретенных долгой умственной работой. Его можно было спрашивать когда угодно и о чем угодно, и всегда получался самый обстоятельный ответ, какого можно было желать; ответ этот всегда носил обобщающий характер и был философски обоснован. Его ум был точно военное судно, стоящее с разведенными парами в гавани и готовое во всякое время плыть по любому направлению мысли. «Капитал» несомненно обнаруживает ум изумительной силы и обширной эрудиции. Но для меня, как и для всех, кто близко знал Маркса, ни «Капитал», ни какое другое из его сочинений не исчерпывают всего величия его гения и его эрудиции. Он был выше даже своих творений.

Мне привелось работать с Марксом. Оговорюсь, что я был простым писцом, которому он диктовал; но я имел при этом возможность наблюдать его манеру мыслить и излагать свои мысли. Работа шла у него и легко, и тяжело: легко в том смысле, что для каждой возникавшей у него мысли он тотчас же находил подтверждавшие ее доводы и факты; но, с другой стороны, это богатство аргументов затягивало и затрудняло изложение его идей.

Вико сказал: «Всякая вещь является телом только для бога, который все знает; для человека, который познает только внешние стороны явлений, вещь остается только поверхностью». Маркс постигал вещи по образу бога Вико. Он видел не только поверхность, он проникал во внутрь, он исследовал составные части в их взаимодействии и в их взаимном противодействии. Он изолировал каждую из этих частей и прослеживал историю ее развития. После этого он переходил от вещи к ее обстановке и наблюдал действие последней на первую и обратно. Он возвращался затем к возникновению объекта, к его изменениям, эволюциям и революциям и доходил до его самых отдаленных действий. Он видел перед собой не отдельную вещь для себя и в себе без связи с окружающим, а целый сложный, вечно движущийся мир. И Маркс стремился представить жизнь этого мира в его разнообразных и неустанно меняющихся действиях и противодей-

ствиях. Беллетристы из школы Флобера и Гонкура жалуются на трудности, встречаемые художником при его попытке воспроизвести то, что он видит. А ведь то, что они стремятся изобразить, есть только та поверхность, о которой говорит Вико, только полученное ими впечатление. Их литературная работа только одна игра в сравнении с работой Маркса. Требовалась необычайная сила мысли, чтобы так глубоко понять явления действительности, и требовалось не менее редкое искусство, чтобы передать то, что он видел и хотел показать.

Маркс никогда не был доволен своей работой; он всегда впоследствии делал в ней изменения и всегда находил, что его изложение не дает достаточно ясного представления о предмете. Психологический этюд Бальзака, «Le chef-d'oeuvre inconnu», из которого Золя сделал свой жалкий плагиат, произвел на Маркса глубокое впечатление; Бальзак здесь описывает настроение, которое отчасти пришлось пережить самому Марксу: в этом рассказе гениальный живописец, стараясь изобразить вещи именно так, как они представляются его уму, долго бьется над своим произведением и постоянно переделывает его, пока, наконец, не превращает своей картины в какую-то бесформенную массу красок, которая, однакоже, его помутившемуся взору представляется совершенным воспроизведением действительности.

Маркс совмещал в себе оба качества, необходимые для гениального мыслителя. Разложить предмет на его составные части и затем восстановить его со всеми его деталями и различными формами развития и открыть внутреннюю их зависимость—это он делал мастерски. Его доказательства не были абстракциями, как утверждали экономисты, не способные мыслить; его метод был не метод геометрии, которая, почерпая свои определения из окружающего мира, при построении выводов совершенно отрешается от реальной почвы. В «Капитале» мы находим не отдельные определения, не отдельные формулы, а ряд в высшей степени тонких анализов действительности, передающих самые легкие оттенки и малейшие различия. Маркс начинает с утверждения известного факта, что богатство общества, в котором господствует капиталистический способ производства, заключается в товарах; товар—нечто конкретное, не какая-нибудь математическая абстракция—есть, таким образом, элемент, первичная клеточка капиталистического богатства.

Маркс крепко держит этот товар; он перевертывает его на все стороны, и в том числе наизнанку, и раскрывает одну за другой его тайны, существования которых представители официальной экономической науки даже не подозревали и которые, однако, многочисленнее и глубже, чем таинства католической церкви. Всесторонне исследуя вопрос о товаре, он рассматривает отношение одного товара к другому в обмене и затем переходит к производству и к историческим условиям развития последнего. Рассматривая формы существования товара, Маркс показывает, как одна из них переходит в другую, как необходимым образом одна производит из себя другую. Логический ход развития явлений представлен так искусно и с таким совершенством, что может, пожалуй, показаться простым измышлением самого Маркса; и, тем не менее, все почерпнуто им лишь из действительности, все это представляет фактическую диалектику товара.

Маркс работал всегда крайне добросовестно: любой факт, любая цифра, приводимые им, подтверждались ссылкой на самые лучшие авторитеты. Он не довольствовался сообщениями из вторых рук; он сам всегда добирался до источника, какие бы трудности это ни представляло; чтобы удостовериться в интересующем его факте, он каждый раз спешил в Британский музей. Оппоненты никогда не были в состоянии обличить Маркса в опрометчивости—указать, что его доказательства построены на фактах, не выдерживающих строгой критики. Следуя этой привычке обращаться непосредственно к первоисточникам, он часто читал малоизвестных писателей, цитаты из которых встречаются у него одного. Подобных цитат в «Капитале» так много, что можно, пожалуй, заподозрить, не делал ли он их намеренно, чтобы похвастать своей начитанностью. Маркс, однако, имел в виду отнюдь не такую цель: «Я творю суд истории и воздаю каждому по его заслугам»,—говорил он и считал своей обязанностью назвать имя каждого писателя, который впервые высказал ту или другую идею или выразил ее наиболее определенно, как бы незначителен или малоизвестен ни был этот писатель. В публицистических работах он относился к себе так же строго, как и в научных. Он не только никогда не ссылался на факт, в котором не был вполне уверен, но и ни разу не позволил себе говорить о предмете, которого предварительно основательно не изучил. Он не печатал ни-

чего до тех пор, пока не добивался тщательной обработкой соответствующей формы, не желая предстать перед публикой иначе, как во всеоружии. Показывать свои рукописи до окончательной обработки было бы для него мучением. Так сильно говорило в нем это чувство, что он однажды сказал, что охотнее сожжет свои манускрипты, чем оставит их неоконченными.

Вряд ли читатель представит себе все трудности, которые вытекали из его метода исследования. Так, чтобы написать в «Капитале» около двадцати страниц об английском рабочем законодательстве, он должен был проштудировать целую серию Синих книг, содержащих доклады следственных комиссий и фабричных инспекторов Англии и Шотландии; он прочитал их от начала до конца, как можно судить по многочисленным пометкам карандашом, встречающимся в них. Эти доклады он считал важнейшими документами для изучения капиталистической формы производства и был такого высокого мнения о людях, которым поручено было их составление, что сомневался, удастся ли другим нациям Европы «найти таких же сведущих, беспристрастных и свободных от партийности людей, как фабричные инспектора Англии». Эту богатую дань их заслугам он воздает в предисловии к «Капиталу».

И этот богатый фактический материал Маркс почерпнул из тех самых Синих книг, которые многие члены обеих палат парламента умели употреблять только как мишень для стрельбы из пистолета, измеряя по числу страниц, пробитых пулей, силу удара оружия. Другие члены парламента продавали Синие книги на вес, и это самое разумное, что они могли сделать: это дало возможность Марксу дешево купить их у одного букиниста, к которому он заходил время от времени посмотреть его книги и старые бумаги. Профессор Бизли заявил, что Маркс максимально использовал для науки Синие книги и, пожалуй, даже впервые познакомил с ними мир. Профессор Бизли, однако, не знал, что еще до 1845 г. Энгельс почерпнул из Синих книг много документов, которые он использовал для своей книги о положении рабочего класса в Англии.

Надо было видеть Маркса дома, в кругу семьи, когда он откладывал в сторону книги и тетради, или вечером по воскресеньям в компании друзей, чтобы разглядеть за обликом строгого ученого сердце этого ученого и полюбить его.

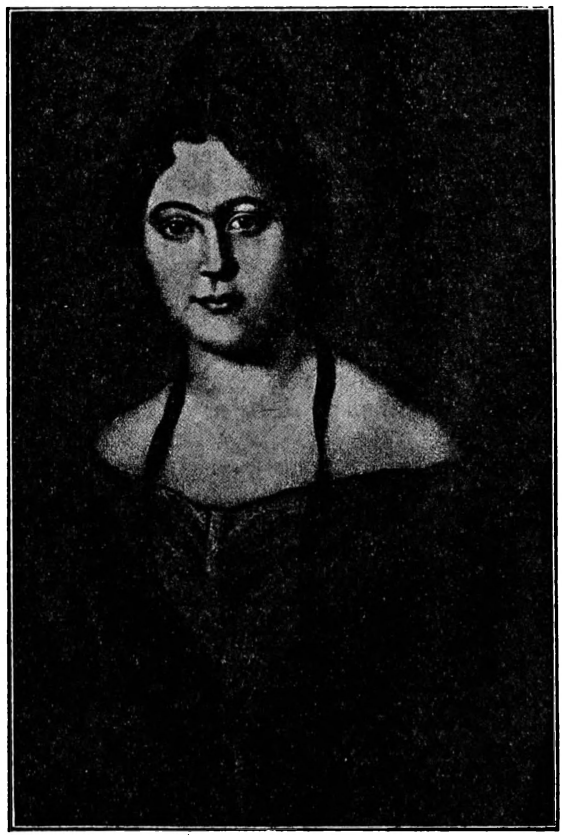
В эти моменты гениальный экономист являлся самым приятным собеседником — остроумным, полным юмора, умевшим смеяться от всей души. Всякий раз, как кто-нибудь вставлял в разговор острое слово или ловко парирующий ответ, в его черных глазах под нависшими густыми бровями загоралась веселая и едкая ирония.

Отец он был нежный, кроткий, снисходительный. «Дети должны воспитывать своих родителей»,—любил он повторять. Не было и тени отцовской власти в его отношениях к дочерям, которые были необыкновенно к нему привязаны. Он никогда ничего не приказывал; если же хотел чего-нибудь от них, просил, как об одолжении, или уговаривал отказаться от того, что ему было нежелательно. И, тем не менее, редкому отцу удавалось добиться большего послушания. В глазах дочерей он был другом, и они обходились с ним, как с равным. Они называли его «мавр»,—так в шутку прозвали Маркса за смуглый цвет лица и за черные, как смоль, волосы и бороду. А члены Союза Коммунистов еще до 1848 г. величали его «отец Маркс», хотя в то время ему не было еще и 30 лет.

Маркс проводил иногда целые часы в играх со своими детьми. Последние и до сих пор вспоминают о морских сражениях и пожарах целых флотилий бумажных корабликов, которые он сам для них сооружал, пускал в большом тазу с водой и затем поджигал к величайшей радости ребят. По воскресеньям дочери не позволяли ему работать—он на весь день был в их распоряжении. Если погода была хорошая, все семейство предпринимало большую прогулку за город; по дороге заходили в простую корчму выпить имбирного пива и закусить хлебом и сыром. Когда дочери были еще маленькими, Маркс, чтобы укоротить длинный путь, рассказывал чудесные волшебные сказки, тянувшиеся без конца,—сам по дороге изобретая их, растягивая или, наоборот, ускоряя события, смотря по длине оставшегося пути, и малыши, заслушавшись его, забывали о своей усталости.

У Маркса была бесподобная поэтическая фантазия. Его первыми литературными опытами были стихи. Жена Маркса бережно хранила юношеские стихотворения своего мужа, но никому их не показывала. Родители Маркса мечтали для сына о литературной или профессорской карьере; по их мнению, он унизил себя тем, что отдался социалистической агитации

и избрал своим предметом политическую экономию, к которой в тогдашней Германии относились еще с пренебрежением.



Жена К. Маркса.

Маркс обещал своим дочерям написать драму, сюжетом которой должна была служить история Гракхов. К сожалению, он не мог исполнить этого данного им обещания; а интересно было бы посмотреть, как тот, которого назвали «рыцарем классовой борьбы», разработал бы этот трагич-

ный и вместе величественный эпизод из борьбы классов древнего мира.

У Маркса была масса планов, которые остались неосуществленными. Он намеревался, между прочим, написать логику и историю философии,—последняя была его любимым занятием в юношеские годы. Сто лет надо было бы ему прожить, чтобы привести в исполнение свои литературные планы—одарить мир сколько-нибудь значительной частью тех сокровищ, которые хранились в его голове.

Жена Маркса в течение всей его жизни была ему подругой в самом истинном и полном смысле этого слова. Оба знали друг друга еще детьми и выросли вместе. Марксу было не больше 17 лет, когда они обручились. Молодым людям пришлось ждать девять лет, а затем в 1843 г. они обвенчались и с тех пор не разлучались уже ни разу. Жена Маркса скончалась, немного опередив мужа. Никто и никогда, пожалуй, не был в такой степени проникнут идеей равенства, как жена Маркса, хотя она родилась и получила воспитание в аристократической немецкой семье. Различий по общественному положению для нее не существовало. Дома за свой стол она сажала рабочих в будничной рабочей одежде с такой внимательной предупредительностью, как будто это были князья или принцы крови. Многим рабочим всевозможных национальностей привелось на себе узнать ее гостеприимство и радушие, и я уверен,—ни один из них даже не заподозрил, что эта женщина, с ее безыскусственной, искренней сердечностью в обращении, происходит по женской линии из рода герцогов Аргайльских, что ее брат был министром прусского короля. Она бросила все, чтобы следовать за своим Карлом, и никогда,—даже в дни самой жестокой нужды,—не раскаивалась в том, что сделала.

У нее был светлый, блестящий ум. Ее письма к друзьям, очевидно без всякого усилия с ее стороны, сами собой вылившиеся из-под пера, представляют действительно мастерские произведения живого и оригинального ума. Получить от жены Маркса письмо—было праздником. Иоганн-Филипп Беккер опубликовал бо́льшую часть ее писем к друзьям. Неумолимый сатирик Гейне побаивался иронии Маркса и очень высоко ценил острый и тонкий ум его жены. Во время пребывания четы Марксов в Париже он был их постоянным гостем. Сам Маркс был настолько высокого мнения об уме

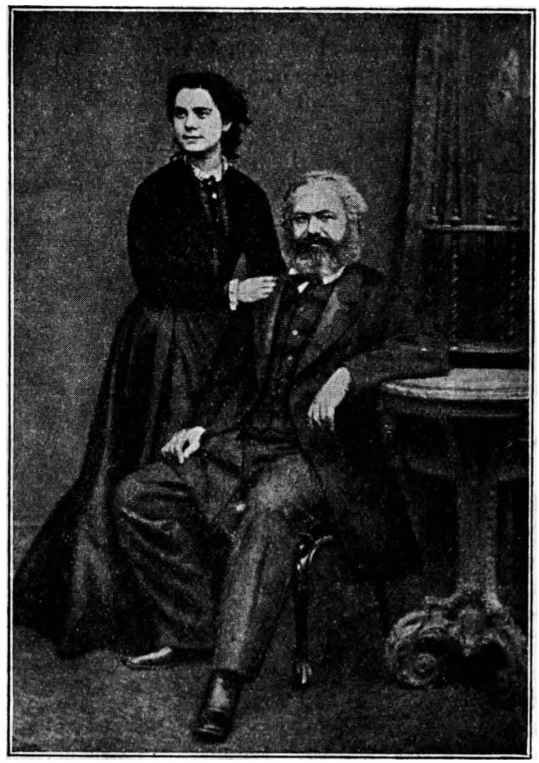
и критических способностях своей жены, что (как я слышал от него в 1866 г.) давал ей на прочтение все свои рукописи и придавал большую цену ее суждениям. Она же переписывала его рукописи для печати.

У супругов Маркс было много детей. Трое из них умерли в самом раннем возрасте во время невзгод, которые пришлось испытать семье после революции 1848 г., когда Маркс бежал в Лондон и поселился в там в двух маленьких комнатах на Дин-стрит, около Сого-сквера (площади). Из детей я знал только трех дочерей. Когда в 1865 г. я познакомился с Марксом, меньшая (Элеонора) была чудным ребенком с замашками мальчика. Маркс уверял, что жена его ошиблась, произведя ее на свет девочкой. Две другие дочери представляли собой удивительный образчик совершенных противоположностей во всех отношениях. Старшая (г-жа Лонге), подобно отцу, имела смуглый здоровый цвет лица и волосы цвета воронова крыла; другая— средняя (г-жа Лафарг)— походила на мать: это была румяная блондинка с пышными кудрявыми волосами, которые отливали золотом, как будто в них постоянно светилось заходящее солнце.

Элеонора Маркс.

К семейству Маркса, кроме вышеупомянутых, нужно причислить еще одного члена, игравшего немаловажную роль— Елену Демут. Родом из крестьянской семьи, она совсем еще молоденькой, почти ребенком, попала к г-же Маркс в качестве прислуги, еще задолго до ее замужества. Елена не

оставила г-жи Маркс и после ее выхода замуж; она так сильно привязалась к семейству Марксов, что для них совершенно забыла о самой себе. Она сопровождала супругов во всех их поездках и разделяла с ними их изгнание. Это был истинный добрый гений дома: она умела найтись в самую



К. Маркс с дочерью

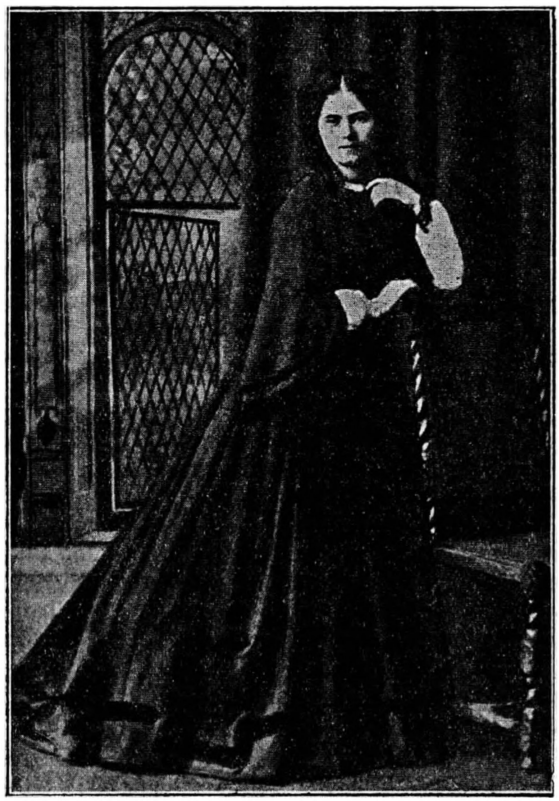
трудную минуту. Благодаря ее распорядительности, бережливости и ловкости, семья никогда не нуждалась, по крайней мере, в самом необходимом. Она все умела делать: стряпала, смотрела за хозяйством, одевала детей, кроила платья и шила их вместе с г-жей Маркс. В доме, находившемся на ее попечении, она была одновременно и хозяйкой, и мажордомом.

Дети любили ее, как мать, и в их глазах она пользовалась родительским авторитетом, потому, конечно, что относилась к ним с чисто материнской привязанностью. Г-жа Маркс видела в ней свою близкую подругу, и сам Карл Маркс был к ней расположен очень дружески; он любил играть с ней в шахматы, при чем она нередко его обыгрывала. Привязанность Елены к семье Маркса была слепая: что бы кто из них ни сделал—все в ее глазах было прекрасно и не могло быть иным. Всякий, высказавший осуждение Марксу, казалось, осуждал ее самое. Ко всем, кто пользовался сердечным расположением семьи, она относилась по-матерински, с чувством покровительственной нежности. Она как бы усыновила всех их, всю семью. Елена пережила Маркса и его жену; ту заботливость и привязанность, которые она дарила семье Маркса, она перенесла затем в дом Энгельса, с которым познакомилась еще в молодые годы.

Впрочем, и Энгельс тоже как бы состоял членом их семьи; дочери Маркса называли его своим вторым отцом, он был alter ego Маркса; долгое время в Германии их имена не разделялись, и на страницах истории они будут связаны навеки. Маркс и Энгельс осуществили в нашем веке тот идеал дружбы, который изображали древние поэты. С юных лет они развивались вместе и, так сказать, параллельно, делились друг с другом самыми задушевными мыслями и чувствами, участвовали в том же движении и до тех пор работали вместе, пока могли быть вместе. Они бы всю жизнь, вероятно, проработали так вдвоем, если бы события не разлучили их на целых почти двадцать лет.

Когда революция 1848 г. была подавлена, Энгельсу пришлось отправиться в Манчестер, тогда как Маркс должен был остановиться в Лондоне. Несмотря на это, они продолжали жить общей духовной жизнью: почти ежедневно переписывались они по поводу текущих политических событий или по вопросам науки, делились друг с другом собственными научными изысканиями. Как только Энгельсу представлялась возможность освободиться от занятий, он спешил выбраться из Манчестера и переезжал в Лондон, где устраивался в десяти минутах ходьбы от своего дорогого Маркса. А начиная с 1870 г. и до самой смерти Маркса не проходило дня, чтобы они не виделись, чтобы который-нибудь из друзей не навестил другого. Когда Энгельс объявлял о своем приезде, это

было торжеством для семьи Маркса. В ожидании его шли нескончаемые разговоры о нем, а в самый день приезда Маркс от нетерпения не мог работать. Подкрепляя свои силы табаком и вином, друзья просиживали вместе всю ночь,



Лаура Маркс.

чтобы досыта наговориться обо всем, что произошло со дня их последнего свидания.

Мнением Энгельса Маркс дорожил больше, чем мнением кого бы то ни было другого; он видел в Энгельсе товарища по работе. Энгельс—это была для него самая важная публика.

Для того, чтобы убедить в чем-нибудь Энгельса, чтобы заставить его признать какую-нибудь свою идею, Маркс не жалел никаких трудов. Мне, например, привелось видеть, как он перечитывал заново целые томы, чтобы отыскать факты, которые заставили бы Энгельса переменить мнение по какому-то — теперь не припомню — второстепенной важности вопросу из религиозной и в то же время политической войны альбигойцев. Заставить Энгельса согласиться со своим мнением—это было праздником для Маркса.

Маркс гордился своим другом. Он с особенным удовольствием раскрывал предо мною все нравственные и умственные достоинства Энгельса; чтобы показать мне его, он даже нарочно ездил со мной в Манчестер. Он приходил в восторг от необыкновенной разносторонности его научных познаний. Каждая мелочь, касавшаяся его друга, беспокоила его.

Энгельс был страстный охотник. «Я постоянно дрожу,— говорил мне Маркс,—при мысли, что с ним приключится какое-нибудь несчастье на охоте, когда он скачет по полям во весь опор, беря одно препятствие за другим».

Маркс был хорошим другом так же, как был нежным супругом и отцом; с другой стороны, в своих близких—жене, дочерях, Елене и Энгельсе—он нашел людей, вполне достойных любви такого человека, каким был он.

Маркс начал свою общественную деятельность вождем радикальной буржуазии, но как только его оппозиция стала резче, он оказался покинутым, а когда он стал социалистом, прежние союзники объявили его своим врагом. Его травили, изгнали из Германии, позорили и клеветали, и, наконец, против него лично и его трудов составился истинный заговор замалчивания. Абсолютно игнорировали даже его «18-е брюмера», работу, доказывающую, что из всех историков и общественных деятелей 1848 г. он один сумел понять причины и предугадать последствия государственного переворота 2 декабря 1851 г. Ни одна буржуазная газета не упомянула об этом труде, несмотря на то, что это был прямой ответ на злобу дня. Равным образом замолчали и «Нищету философии»—ответ на «Философию нищеты», так же, как и «Критику политической экономии». Однако Интернационал и первый том «Капитала» разбили этот заговор молчания, продолжавшийся почти 15 лет. Игнорировать Маркса долее было нельзя. Интернационал рос, и отзвуки его деятельности стали

скоро сказываться во всем мире. Хотя сам Маркс держался в тени, выдвигая вперед других, однако скоро ни для кого не осталось тайной, кто является режиссером. В Германии была основана социал-демократическая партия и выросла в силу, за которой ухаживал Бисмарк, прежде чем решился обрушить на нее репрессии. Лассальянец Швейцер напечатал ряд статей, обративших на себя внимание Маркса и знакомивших рабочую публику с содержанием «Капитала». По предложению И.-Ф. Беккера, конгресс Интернационала принял резолюцию, в которой «Капитал» рекомендуется вниманию интернациональных социалистов как библия рабочего класса.

После восстания 18 марта 1871 г., в котором хотели видеть руку Интернационала, и после поражения Коммуны, защиту которой против клеветнического похода буржуазной прессы всех стран взял на себя Генеральный Совет Интернационала, имя Маркса стало всемирно-известным. Маркс был теперь признан крупнейшим теоретиком научного социализма и организатором первого интернационального движения рабочих. «Капитал» стал учебником социалистов всех стран. Все социалистические и рабочие газеты популяризовали его ученые теории, а в Америке во время одной вспыхнувшей в Нью-Иорке крупной забастовки были распространены в форме прокламации выдержки из «Капитала», чтобы побудить рабочих к стойкости и доказать им справедливость их требований. «Капитал» был переведен почти на все европейские языки. И каждый раз, как в Европе или Америке противники теории Маркса делали попытку опровергнуть его положения, легко было в том же «Капитале» найти готовый, затыкающий им глотку, ответ. «Капитал» теперь действительно стал тем, чем его назвал конгресс Интернационала, именно библией рабочего класса.

Однако, горячее участие, которое принимал Маркс в Интернационале и рабочем движении вообще, мешало его научной деятельности; а смерть жены и старшей дочери, г-жи Лонге, отозвалась на этой деятельности прямо роковым образом.

Супругов Маркс тесно связывало чувство глубокой взаимной любви. Он любовался и гордился красотой жены. Она, с ее кротким, мягким нравом, облегчала ему его жизнь, беспокойную и неизбежно связанную с лишениями, как

жизнь всякого подобного деятеля. Эти лишения уложили в гроб г-жу Маркс; они же сократили жизнь ее мужа. За время ее долгой мучительной болезни бессонные ночи, душевные волнения, недостаток движения и чистого воздуха истомили Маркса и нравственно, и физически. Он вскоре схватил воспаление легких, которое чуть было не свело его в могилу.

Г-жа Маркс как жила, так и умерла верная своим убеждениям коммунистки и материалистки. Скончалась она в 1881 г. 2 декабря. Она не боялась смерти. Почувствовав ее приближение, она сказала мужу: «Карл, силы мои сломлены». Это были ее последние внятно произнесенные слова. Она была похоронена 5 декабря на кладбище в районе Highgate в отделении для «отверженных» (unconsecrated ground). Следуя правилам, которых она держалась всю жизнь и которые разделял и Маркс,—о дне погребения не разглашали; только немногие, самые близкие друзья проводили умершую на место ее последнего упокоения. Перед тем, как разойтись, старинный друг Марксов—Энгельс, произнес над могилой следующую речь:

«Друзья мои! Великая духом женщина, которую мы сейчас схоронили, родилась в Зальцведеле в 1814 г. Отец ее, барон фон-Вестфален, вскоре после ее рождения был назначен чиновником в Трир и коротко сошелся там с семейством Маркса. Дети росли вместе. Две высокоодаренные натуры угадали друг друга. Когда Маркс поступил в университет, их судьба была уже решена. Свадьба состоялась в 1843 г. вскоре после запрещения «Рейнской Газеты», некоторое время издававшейся Марксом. С этих пор Женни Маркс не просто разделяла судьбу мужа, но с полной сознательностью, с горячей преданностью участвовала в его научной и общественной борьбе. Молодая чета отправилась в Париж, в добровольное изгнание, которое вскоре превратилось в настоящее изгнание: прусское правительство преследовало Маркса и по отъезде его. С сожалением должен я здесь вспомнить, что даже такой человек, как Александр Гумбольдт, приложил все старания, чтобы добиться приказа о высылке Маркса. Семья принуждена была уехать в Брюссель. Настала Февральская революция. Во время волнений, возникших в связи с нею в Брюсселе, бельгийское правительство не только арестовало Маркса, но не церемонилось засадить в тюрьму и его

жену без всякого к тому повода. Революционный взрыв 1848 г. уже на следующий год был подавлен. Новое изгнание—сначала в Париж, затем в Лондон, вследствие преследования теперь со стороны французского правительства. И на этот раз изгнание для Женни Маркс было преисполнено всех его ужасов. Материальные лишения, под влиянием которых сошли в могилу двое ее мальчиков и девочка,—это она могла еще снести; но, когда правительство, в союзе с буржуазной оппозицией во всех ее фракциях, от либеральных до демократических, составило громадный заговор против ее мужа, когда эти союзники закидали Маркса самой подлой, самой гнусной клеветой, когда вся пресса оказалась для него закрытой и всякая возможность самозащиты была отрезана, когда он очутился вдруг безоружным пред лицом своих противников, достойных со стороны Марксов лишь презрения,—это ее глубоко поразило. И длилось это очень долго, но не без конца. Европейский пролетариат снова добился такого положения, что мог до известной степени самостоятельно действовать. Образовался Интернационал. Классовая борьба пролетариата перебрасывалась из одной страны в другую, а ее муж был самым первым среди передовых бойцов. Тогда наступила для нее пора, искупившая ее жестокие страдания. Она дожила до момента, когда все инсинуации, градом сыпавшиеся на голову Маркса, рассеялись, как мякина от ветра, когда учение, которое все реакционные партии, от феодалов до демократов, старались всеми силами подавить, стало проповедываться с крыш во всех цивилизованных странах и на всех культурных языках. Она дожила до того момента, когда пролетарское движение, с которым она срослась всем своим существом, стало потрясать до основания старый мир от России до Америки и, несмотря ни на какое сопротивление, шло вперед, все более и более уверенное в победе.

«Одной из последних радостей, которые пришлось пережить Женни Маркс, было очевидное доказательство несокрушимой железной силы, которую проявил немецкий рабочий во время последних выборов в рейхстаг.

«Что эта женщина с ее острым, критическим умом, с ее политическим тактом, с ее энергией и пылкостью была преданнейшим товарищем среди своих единомышленников в продолжение почти 40 лет,—это замалчивалось, об этом вы не найдете ни слова в летописях современной прессы; надо

было самому быть свидетелем всего этого. Но я уверен, что часто будут вспоминать ее жены многих изгнанников, а тем более наш брат будет чувствовать, как нам недостает ее смелых и разумных советов—смелых без хвастовства, благоразумных, но никогда не роняющих человеческого достоинства.

«Мне незачем говорить о ее личных качествах. Ее друзья знают ее и не забудут. Если, говорят, счастье женщины заключается в том, чтобы делать счастливым других, то покойная была именно такою счастливою женщиною».

Со дня смерти жены жизнь Маркса была рядом стоически выносимых физических и нравственных мук, которые еще обострились, когда, год спустя, внезапно умерла его старшая дочь г-жа Лонге. Он был разбит и уже не поправлялся. Он умер за своим письменным столом 14 марта 1883 г. на 65 году жизни.

Ф. ЛЕСНЕР

ВОСПОМИНАНИЯ РАБОЧЕГО О МАРКСЕ

К десятилетней годовщине его смерти

Со времени смерти нашего великого вождя много было написано о нем, его жизни и его деятельности как приверженцами, так и противниками.

Но почти всегда авторы этих произведений не были, как выразился бы известный класс трэд-юнионистов в «свободной Англии», настоящими рабочими, а принадлежали в большинстве случаев по своему происхождению и социальному положению к так называемому среднему классу.

Поэтому не будет неуместно, если я, рабочий, плебейский рыцарь иглы, воспользуюсь годовщиной смерти нашего бессмертного вождя, чтобы написать для моих более молодых товарищей кой-какие воспоминания из многолетнего личного общения с Карлом Марксом, которые отчасти передадут впечатления, произведенные на меня и на других Марксом, и отчасти пополнят новыми чертами картину его жизни.

Я был еще совсем молод, когда узнал впервые о Карле Марксе из статей «Немецкой Брюссельской Газеты» в середине сороковых годов. С учением же его я познакомился ближе в 1847 г. во время обсуждения и принятия исторического «Коммунистического Манифеста».

В то время я работал в Лондоне и состоял членом рабочего просветительного общества, помещавшегося в доме № 191 по улице Дрюри-Лэн. Здесь с конца ноября до начала декабря 1847 г. заседала конференция членов Центрального Комитета Союза Коммунистов, на которую также прибыли из Брюсселя Карл Маркс и Ф. Энгельс, чтобы развить перед членами свои воззрения на современный коммунизм и на отношение его к политическому и рабочему движению. На заседаниях, происходивших, конечно, по вечерам, при-

сутствовали только делегаты, к которым я не принадлежал, но мы, остальные, знали о них и с неменьшим нетерпением ожидали результатов прений. Вскоре мы узнали, что конгресс после длинных дебатов высказался единогласно за положения, представленные Марксом и Энгельсом, и поручил последним написать в этом духе и обнародовать манифест. Когда в начале 1848 г. рукопись манифеста была получена в Лондоне, мне пришлось принять скромное участие в обнародовании этого, составившего эпоху, документа, а именно: я отнес рукопись в типографию и передал ее оттиски Карлу Шапперу, главному основателю «Коммунистического рабочего просветительного общества», исполнявшему роль корректора.

В 1848 г. после взрыва революции начала выходить в Кёльне «Новая Рейнская Газета», издававшаяся Карлом Марксом и Ф. Энгельсом при участии различных членов Союза Коммунистов, а также решительных демократов. В это время я также отправился из Лондона в Кёльн и делал все, что от меня зависело, чтобы поддержать своих товарищей в их пропаганде.

Во всех мастерских, где мне приходилось работать, я раздавал «Новую Рейнскую Газету» и нередко в рабочее время читал из нее статьи, воспринимавшиеся в большинстве случаев с одушевлением. В мае 1849 г., после того как прусское правительство возбудило несколько процессов против «Новой Рейнской Газеты», она была насильно прекращена прусским правительством, и Маркс был выслан из Кёльна. Та же судьба постигла вскоре и меня. В 1851 г. я был арестован в Майнце. После более чем двухлетнего предварительного заключения, я был приговорен во время пресловутого кёльнского процесса коммунистов еще к трем годам крепости, которые и отсидел в Градуэнце и Зильберберге (на границе Шлезвига).

Во время следствия Маркс делал величайшие усилия из Лондона, чтобы спасти нас, но все старания его и его друзей разбились благодаря ряду клятвопреступлений полицейского комиссара Штибера и других спасителей государства, классовым предрассудкам присяжных и, как я, к сожалению, должен добавить, глупым проделкам некоторых людей, за действия которых нам приходилось нести ответственность.

В то время существовало уже изрядное количество так называемых людей дела, ультра-революционеров, для кото-

рых ничто не было достаточно радикально и которые воображали, что при помощи бунтов можно в любой момент произвести революцию.

Но на девять десятых эти люди были только героями фразы, не давшими ничего хорошего движению, и наиболее громкие и яростные крикуны среди них, готовые на словах схватить всякого эксплоататора за шиворот, сами сделались впоследствии весьма злостными эксплоататорами. Некоторые из них зашли позже так далеко, что разъезжали по лондонским улицам в экипажах.

По выходе из крепости в 1856 г. я вернулся снова в Лондон и здесь впервые познакомился лично с Марксом.

В 1850 г. он со своими товарищами вышел из коммунистического рабочего просветительного общества, потому что там получили перевес делатели революции с Виллихом во главе. Теперь, после исключения из общества Кинкеля, который в свое время также играл роль делателя революции, я убедил Маркса опять посещать общество и делать там доклады по политическим и экономическим вопросам. Либкнехт и другие партийные товарищи вернулись после этого также в союз.

В виде оппозиции основанной Кинкелем газете «Герман», которая во время итальянской войны защищала лозунги Бонапарта, появилась в свет рабочая газета «Народ». Приглашенный сотрудничать Маркс написал для нее несколько весьма интересных статей о позиции Пруссии и собрал, кроме того, среди своих друзей фонд для ее поддержки. В том же году появилась первая тетрадь «К критике политической экономии», а в 1860 г. Маркс обнародовал свою книгу «Господин Фогт», в которой разоблачил бонапартистские происки этого господина, а также его «патронов и компаньонов». Эта книга, к составлению которой Маркса вынудила распространенная Фогтом и его друзьями бесстыдная клевета, содержит в себе очень много материалов по истории эмиграции 1848 г., точно так же, как чрезвычайно ценные описания дипломатических интриг европейских кабинетов.

В 1864 г. был, наконец, учрежден Интернационал, а так как я принимал активное участие в его основании и сделался членом Генерального Совета, то тотчас же вступил в еще более близкие отношения с Марксом.

Маркс всегда чрезвычайно ценил общение и разговоры

с рабочими. При этом он искал общества тех, кто открыто высказывался перед ним и не надоедал ему лестью. Он считал для себя крайне важным прислушиваться ко взглядам рабочих на движение и был готов во всякое время обсуждать с ними важнейшие политические и экономические вопросы; при этом он быстро распознавал степень их подготовки к этим вопросам, и чем она оказывалась больше, тем больше радовался он.

Во время существования Интернационала он не пропускал ни одного заседания Генерального Совета, и после заседаний мы отправлялись обыкновенно, Маркс и большинство членов Совета, в какую-нибудь скромную харчевню, чтобы поболтать непринужденно за стаканом пива. На обратном пути Маркс говорил часто о нормальном рабочем дне, и о восьмичасовом рабочем дне в особенности, который мы пропагандировали уже в 1866 г. и который был включен в программу на Женевском интернациональном конгрессе (в сентябре 1866 г.). Маркс часто говорил: «Мы стремимся к восьмичасовому рабочему дню, но мы сами часто в течение суток работаем вдвое больше». Да, Маркс, к сожалению, работал слишком много.

Сколько рабочей силы и рабочего времени стоил ему один Интернационал, об этом посторонние не могут составить себе никакого представления. В то же время Марксу приходилось бороться за существование и проводить целые часы в Британском музее, собирая материал для своих исторических и экономических работ. Возвращаясь из музея домой, в северную часть Лондона, он часто заходил по дороге ко мне, так как я жил недалеко от музея, чтобы переговорить о каком-нибудь вопросе, касающемся Интернационала. Вернувшись домой, он обедал, после чего некоторое время отдыхал, чтобы приняться снова за работу, которая продолжалась часто, даже слишком часто, до поздней ночи, а иногда и до раннего утра, тем более, что время короткого вечернего отдыха сокращалось нередко посещениями партийных товарищей.

Дом Маркса был открыт каждому надежному товарищу. Приятные часы, проведенные мною, как и многими другими, в его семейном кругу, останутся для меня незабвенными. Здесь блистала превосходная жена Маркса, высокая, на редкость красивая женщина, важная по наружности, но чрезвы-

чайно добродушная, любезная, остроумная и до такой степени свободная от всякой гордости и натянутости, что в присутствии ее все чувствовали себя уютно, как дома с матерью или сестрой. Все ее существо напоминало слово шотландского народного поэта Роберта. Бёрнса: «Женщина, милая женщина, небо предназначило тебя облагораживать мужчину».

Она с воодушевлением относилась к делу рабочего движения, и каждый, даже самый маленький, успех в борьбе против буржуазии доставлял ей громадное удовлетворение и радость.

Три дочери Маркса проявляли также с ранней юности глубокий интерес к современному рабочему движению, являвшемуся постоянно главной темой в семье Маркса. Отношения между Марксом и его дочерьми были самые искренние и непринужденные, какие только можно себе представить. Девочки обращались со своим отцом скорее как с братом или другом, так как Маркс не признавал внешних атрибутов родительского авторитета. В серьезных вещах он был советчиком своих детей, в остальном же, если только это позволяло ему время, их товарищем по играм. У Маркса вообще была особенная склонность к детям. Он часто говорил, что в библейском Христе ему больше всего нравится его любовь к детям. Когда у Маркса не было в городе дела и он отправлялся гулять на Гемпстедский луг, можно было часто видеть, как автор «Капитала» возится с толпой уличных детей.

Подобно всем истинно великим людям, Маркс был совершенно свободен от самомнения и ценил каждое честное стремление и каждое самостоятельное мнение. Как уже упоминалось выше, он постоянно интересовался мнениями самого простого рабочего о рабочем движении. Часто после обеда он заходил ко мне, уводил меня на прогулку и беседовал со мной обо всем. Конечно, я предоставлял ему по возможности слово, так как для меня было истинным наслаждением следить за развитием его мыслей и слушать его разговор. Я чувствовал себя всегда прикованным этой беседой и неохотно расставался с ним. Вообще он был превосходным собеседником и не только привлекал к себе, но, можно сказать, очаровывал каждого, кто соприкасался с ним. Юмор его был непреодолим, смех—до чрезвычайности сердечен. Когда нашим товарищам по партии удавалось одержать победу

в какой-либо стране, то радость его выражалась самым непринужденным образом в громком ликовании, при чем он заражал всех окружающих. Как радовался он каждому успеху наших товарищей на выборах в Германии, каждой выигранной стачке, и как радовался бы он, если бы дожил до грандиозных майских демонстраций. Нападки врагов только смешили его, и когда он говорил о них, то ирония и сарказм его были несравненны. Удивительна была та беспечность, которую он проявлял по отношению к своим собственным произведениям после того, как они выполнили свое назначение. Когда речь заходила о его статьях из прежних времен, он обычно говорил мне: «Если ты хочешь иметь полное собрание моих сочинений, то иди к Лассалю, он их все собрал. У меня же от большинства их не осталось ни одного экземпляра». Истина последнего подтверждается тем, что он часто просил меня одолжить ему на время то или другое из его произведений, находившихся у меня в одном экземпляре.

Многие сочинения Маркса оставались в течение десятилетий совершенно не известными широким массам и до сих пор еще недостаточно оценены, особенно те, которые он написал до и во время революции 1848 г., а также в продолжение нескольких лет после нее, которые распространялись в то время лишь с величайшими затруднениями. Остальные сочинения Маркса также малоизвестны в широких кругах, так как Маркс никогда не трезвонил о своих делах. Тому, кто с ранних пор работал вместе с Марксом и Энгельсом, смешно, когда он слышит, что основание «всеобщего немецкого рабочего союза» является началом современного рабочего движения. Основание этого общества относится к началу шестидесятых годов, ко времени, когда Маркс, Энгельс и другие в продолжение двадцати лет уже работали и боролись усердно в области пропаганды. Конечно, я говорю это не как противник Лассаля, которого я сам лично знал в 1848, 1849 и 1850 г. г., великую силу которого я всегда высоко ценил, и я охотно признаю могущественное влияние его агитации, которая продвинула движение так далеко вперед. В последний раз я видел Лассаля в октябре и ноябре 1852 г. во время кёльнского процесса коммунистов, на котором он присутствовал в качестве зрителя. Во время повторявшихся приездов в Лондон я не встречал его. В рабочее общество он не приходил, у Маркса же я его не заставал.

В начале октября 1868 г. Маркс сообщил мне с большой радостью, что первый том «Капитала» переведен на русский язык и находится в печати. Он придавал большое значение тогдашнему движению в России и с большим уважением говорил о людях, которые приносят там такие жертвы ради изучения и распространения теоретических сочинений, точно так же, как и об их понимании современных идей. Когда готовый экземпляр русского «Капитала» дошел, наконец, из Петербурга, то это событие, как важное знамение времени, превратилось для него, его семьи и для его друзей в настоящее торжество.

После каждого поражения рабочих в их борьбе с классом эксплоататоров Маркс с горячим воодушевлением брал дело побежденных под свою защиту и блестяще защищал угнетенных против обычных поношений со стороны победителей. Так было после июньской революции в Париже 1848 г., так было после поражения германской революции 1848 г. и то же самое было после падения Коммуны в 1871 г., когда реакционеры всего мира и бо́льшая часть несознательных рабочих обратились против защитников дела Коммуны с самой озлобленной запальчивостью. Маркс первый стал тотчас же на сторону потерпевших поражение и преследуемых борцов Коммуны, и адрес Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих «Гражданская война во Франции» показывает, с какой силой и энергией взялся он за это дело. Воистину! Настоящие друзья познаются в несчастьи!

Работа в Интернационале после поражения Коммуны становилась все утомительнее и приносила все меньшее удовлетворение.

Каждая революция на-ряду с массой честных борцов выносит на поверхность известное количество недостойных элементов, авантюристов всякого рода, которые так или иначе надеются извлечь для себя выгоду. Такие люди встречались и среди беглецов Коммуны, а так как им не всегда удавалось хорошо устроиться, то они пользовались каждым удобным случаем, чтобы завести ссору. Этому способствовало отсутствие единства в рядах самих коммунаров. Бланкисты, прудонисты, авантюристы, анархисты и всевозможные другие исты поминутно сцеплялись между собой. То же самое разыгрывалось и в заседаниях Генерального Совета. Часто там бывали весьма бурные заседания, и Марксу лишь с величай-

шим трудом удавалось вразумить этих людишек. Терпение, которое он при этом обычно проявлял, не поддается описанию. Но нередко и он терял свое хладнокровие при виде этих заблуждений и безумных планов разочарованных коммунаров.

Самыми нетерпеливыми и труднее всего поддающимися убеждению были в то время бланкисты. Они воображали, что революция в их руках, и выносили смертные приговоры направо и налево.

Сначала это было только смешно. Но споры между французами привлекли к участию в них делегатов других национальностей. Сюда присоединились посеянные Бакуниным интриги:—заседания в Верхнем Гоборне, где в то время собирался Генеральный Совет, были самыми беспокойными и утомительными, какие только можно себе вообразить. Хаос языков, громадная разница в темпераментах, различие взглядов—справиться со всем этим составляло колоссальную работу. Пусть бы посмотрели те, которые упрекали Маркса в нетерпимости, как он умел входить в мысли других людей и доказывать им неправильность их выводов и следствий.

С известной точки зрения, каждый политический борец должен быть, несомненно, нетерпимым, и, по моему мнению, надо поставить в большую заслугу Марксу то, что он сделал все возможное, чтобы держать в стороне от Интернационала все карьеристские и двусмысленные элементы. Первое время сюда лез всякий сброд, вроде попа атеистов, Бредло, и надо благодарить главным образом Маркса за то, что всем этим людям дали понять, что Международное Товарищество Рабочих не есть питомник для религиозных и всяких других сект.

Большое удовлетворение доставило Марксу то, что обе старшие дочери его, Дженни и Лаура, вышли замуж за способных единомышленников. Дженни вышла за Шарля Лонге, а Лаура—за Поля Лафарга. До брака младшей дочери Элеоноры с Эдвардом Эвелингом ни жене Маркса, ни самому Марксу, к сожалению, не пришлось дожить. С каким участием следили бы они за пропагандистской работой своих детей в пользу освобождения рабочего класса, с какой радостью приветствовали бы огромные успехи современного рабочего движения за последние десять лет.

Смерть старшей дочери, обладавшей всеми качествами ма-

тери—а это были только хорошие качества—в 1882 г. произошла в крайне тяжелое и роковое время для нашего друга Маркса. Почти двенадцать месяцев тому назад, 2 декабря 1881 г., он потерял свою верную подругу жизни. Это были удары, от которых он никогда уже не мог оправиться. Маркс в то время страдал тяжелым кашлем; когда он кашлял, то казалось, что его большое, могучее тело разорвется на части. Этот кашель изнурял его тем более, что здоровье его в результате продолжительного переутомления было уже в течение ряда лет надорвано. Уже в середине семидесятых годов врач запретил ему куренье. Маркс был страстным курильщиком, и ему казалось, что он принес необычайную жертву, прекратив куренье.

Когда я посетил его в первый раз после этого запрета, он с большой гордостью и удовольствием сообщил мне, что он не курил уже столько-то дней и что не будет курить, пока врач не даст ему опять на это разрешения. И всегда, когда после этого я приходил к нему, он объявлял мне каждый раз, сколько дней и недель он не курит и что за все время он не курил ни единого раза. Ему самому казалось совершенно невероятным, что он мог этого достигнуть. Тем сильней была его радость, когда через некоторое время врач разрешил ему опять одну сигару в день.

О том, что Карл Маркс, к сожалению, умер слишком рано, может быть только одно мнение. Все близко стоявшие к нему опасались уже давно за его здоровье, так как там, где дело шло о его научной работе, об интересах рабочего движения, Маркс не щадил себя никогда. Никто из его друзей и даже никто из членов семьи не мог оказать на него в этом отношении ни малейшего влияния. Сколько знаний сошло с ним в могилу, об этом свидетельствуют оставшиеся после него сочинения, хотя они не содержат в себе и десятой части того, что он намеревался написать. Но это наследство все же сохранилось у нас и будет нам доступно.

Не малым удовлетворением является для нас то, что самый старый и лучший друг Карла Маркса, Фридрих Энгельс, физически здоровый и умственно свежий, продолжает находиться среди нас. От него партия получит еще многое из оставленных Марксом работ.

В то время, как Маркс и после своей смерти дает нам все новые знания и новые точки зрения, учение его распро-

страняется все шире среди борющегося пролетариата; рабочее движение находится всюду под влиянием этого учения. Маркс не только бросил в массы могучие слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»—в своем учении он создал основу, на которой может происходить и происходит их объединение.

Интернационал, душой которого был Карл Маркс, воскрес опять, еще более могущественный и полный сил, чем старый, и знамя, вокруг которого группируются рабочие батальоны международного рабочего движения, есть знамя, которое поднял Маркс в 1848 г., чтобы передать его через поколение борющемуся пролетариату. Под этим знаменем шествует вперед рабочая армия, переходя от победы к победе.

МАРКС И ДЕТИ

Как все сильные и здоровые натуры, Маркс чрезвычайно любил детей. Он был не только самым нежным отцом, который целыми часами мог возиться со своими детьми, но и к чужим, особенно к беспомощным и несчастным детям, встречавшимся ему на пути, он чувствовал как бы магнетическое влечение. При обходе кварталов бедняков он сотни раз внезапно покидал нас, чтобы погладить волосы какому-нибудь ребенку в лохмотьях, сидевшему на пороге, и сунуть ему в ручку пенни или полпенни. Нищим, впрочем, он перестал доверять, потому что в Лондоне нищенство сделалось прямо ремеслом; еще и теперь ремесло это—золотое дно, несмотря на то, что платят здесь лишь медяками.

Вот почему он, никогда сначала не отказывавший нищим, когда только у него были деньги, скоро перестал играть роль простака.

Некоторыми нищими, искусно подделывавшими болезнь и бедность, он особенно возмущался: эксплоатацию человеческого сострадания он считал особенной низостью, кражей того, что надлежало получить истинным беднякам; но если нищий или нищая обращались к нему с плачущим ребенком на руках; Маркс совершенно терялся, если даже на лбу у просящего ясно было написано, что он обманывает: Маркс не мог устоять перед детскими глазками, полными слез.

Физическая слабость и беспомощность всегда вызывали в нем живое сочувствие и сострадание: мужа, который бил свою жену,—это было тогда в обычае в Лондоне,—он с особенным удовольствием избил бы до полусмерти; в таких случаях он, благодаря своему горячему темпераменту, нередко ставил себя и нас в неприятное и затруднительное положение.

Как-то вечером ехали мы вдвоем в омнибусе, сидя на козлах; около одной остановки, напротив трактира, произошло

какое-то волнение, и мы заметили толпу, из которой раздавался пронзительный женский крик: «Убийца! Помогите!» Быстро, как молния, спрыгнул Маркс с омнибуса, за ним и я.

Я хотел его удержать, но сделать это было не легче, чем удержать рукой пулю во время полета.

Через секунду мы были в середине толпы, которая сомкнулась вокруг нас: «Что случилось?»

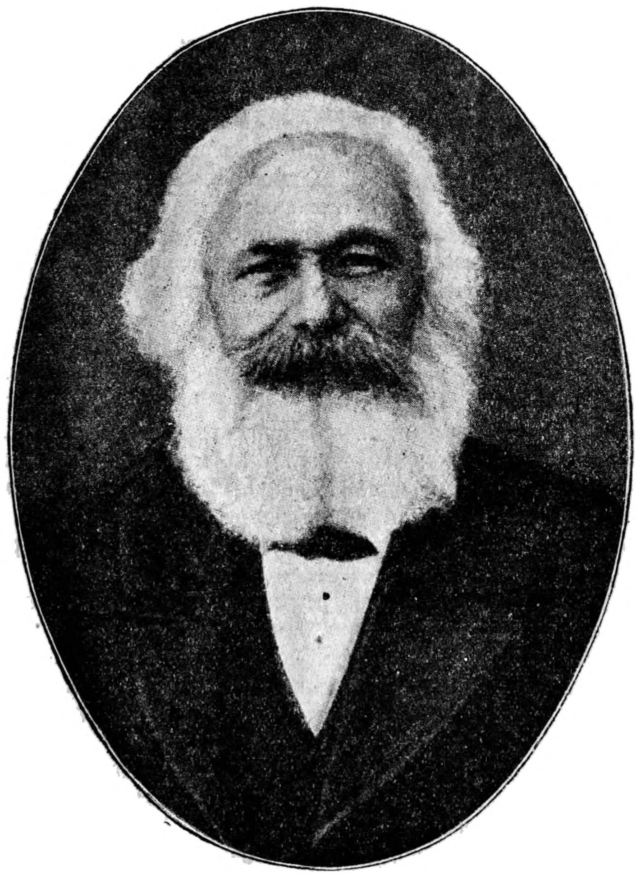
Мы скоро увидели, что случилось... Пьяная женщина поругалась со своим мужем; он хотел увести ее домой, она сопротивлялась и бешено вопила.

Обыкновенная история; не было никаких поводов для нашего вмешательства: мы это видели; это поняла и споривша парочка, которая тотчас же заключила мир и грозно направилась против нас; толпа в это время все теснее и теснее окружала нас; из нее начали раздаваться угрожающие крики по адресу «проклятых чужестранцев»; особенно свирепо наступала на Маркса женщина; она целилась в его великолепную бороду. Я пытался укротить бурю, но, увы, тщетно. И если бы на поле битвы своевременно не появились два солидных констэбля (полицейских), мы дорого поплатились бы за свою филантропическую попытку вмешаться. Мы были очень рады, когда по-добру, по-здорову выбрались из толпы и сели на омнибус, который повез нас домой. После этого события Маркс бывал уже осторожнее с подобными попытками вмешательства.

Нужно было видеть Маркса, окруженного детьми, чтобы получить полное представление о душевной глубине и детской простоте этого исполина науки. В свободные минуты, на прогулках, он брал их с собой и участвовал в самых веселых детских играх, одним словом, сам становился ребенком среди детей. На Гемпстедском лугу мы играли иногда в лошадки; я брал на спину одну дочурку Маркса, он сам— другую, и мы начинали прыгать и бегать вперегонку; иногда происходил маленький турнир верхом на лошадях. Надо сказать, что девочки вели себя так непринужденно, как будто они были мальчиками: когда их тузили кулаком, они даже не плакали.

Общество детей было для Маркса потребностью—оно возвращало ему силы, освежало его. Когда собственные дети выросли, а некоторые умерли, их место заступили внуки. Женни, которая в начале семидесятых годов вышла замуж за

эмигранта-коммунара Лонге, привела в дом Маркса несколько мальчуганов. Это были настоящие дикие зверки; особенной любовью дедушки пользовался Жан или Джонни, который



К. Маркс в 1882 г.

теперь как раз собирается в качестве рядового отслужить год военной службы во Франции. Он пользовался неограниченной властью над Марксом и знал об этом. Однажды, в один из моих приездов в Лондон, Джонни, которого родители

прислали сюда из Парижа — это случалось несколько раз в течение года, — пришла на ум счастливая мысль превратить «Мавра» в о м н и б у с; он взобрался на козлы, т.-е. на спину «Мавра», а Энгельс и я были превращены в лошадей. Нас взаправду запрягли, и началась дикая скачка или, если хотите, езда по маленькому палисаднику, находившемуся за коттеджем Маркса на улице Метленд-Парк. Впрочем, быть может, это происходило и у Энгельса в его доме на Риджент-Парке: по своему обычному типу лондонские дома так похожи друг на друга, что их нетрудно смешать; то же самое и палисадники. Два квадратных метра гравия и травы, покрытых таким густым слоем лондонского «черного снега», т.-е. хлопьев сажи, летящих по всем направлениям, что нельзя отличить, где именно начинается и кончается трава и гравий,—вот и все, что носит в Лондоне название «сад».

Во время езды раздавались крики: ги, гоп! и интернациональные немецко-французские и английские возгласы: шибче, вперед! И «Мавр» должен был бежать рысцой так, что пот катился у него со лба; если я и Энгельс пытались замедлить шаг, раздавалось хлопанье бича, и неумолимый возница понукал нас: «Ах ты, негодная лошадь! Вперед!» Так продолжалось до тех пор, пока Маркс не выбивался из сил; тогда вступали с Джонни в переговоры и заключали перемирие.

Трогательное и в то же время комическое впечатление производил Маркс, когда он в присутствии детей и женщин выражался с такой мягкостью, которой могла бы позавидовать любая английская гувернантка,—он, который в своих беседах по политическим и экономическим вопросам не стеснялся употреблять самые резкие выражения и обращения. Если заходил разговор на щекотливую тему, он приходил в нервное возбуждение, беспокойно ерзал на стуле и мог краснеть не хуже шестнадцатилетней девочки. Мы, молодые эмигранты, были народ недисциплинированный и любили, между прочим, во всю мочь распевать песни. Однажды кто-то из нас, обладавший очень красивым голосом,—о других этого нельзя сказать, потому что политики вообще не совсем в хороших отношениях с богиней песнопения,—затянул в гостиной у Маркса красивую, но не совсем приличную песенку о «молодом плотнике». Госпожи Маркс не было дома, иначе мы не решились бы на это, а Леночки и девочек не видать

было вблизи, так что мы думали, что находимся «в своем кругу». Но вдруг Маркс, который сначала поддерживал наш хор своим пением или, правильнее, криком, стал выказывать беспокойство; в то же время я услыхал в соседней комнате шум: очевидно, там были люди. Маркс, до которого, повидимому, тоже донеслись эти звуки, несколько мгновений беспокойно двигался на стуле в разные стороны с весьма растерянным видом, наконец, внезапно вскочил со своего места и с пунцово-красным лицом прошептал или, вернее, зашикал: «тише, тише: девочки!»

Разумеется, девочки были еще в то время так юны, что «молодой плотник» никоим образом не мог посягнуть на их нравственность; но с тех пор мы уже никогда не пели у Маркса ни «молодого плотника», ни каких-либо других песен в том же духе.

В подобных вещах г-жа Маркс еще меньше признавала шутку, чем он. Взгляд, который она посылала, когда замечала хотя бы легкий налет дерзости в наших словах, был таков, что от него слова застревали в горле.

Г-жа Маркс господствовала над нами, быть может, еще сильнее, чем сам Маркс. В ней жила гордость, в ней жило чувство собственного достоинства, убивавшее всякое поползновение на что-либо неприличное или неуместное; но в то же время это не убивало в нас доверчивого к ней чувства. Действовала она на нас, диких, а отчасти даже немного распущенных парней, с удивительной силой. Я еще помню, какой страх вселила она однажды в Красного Вольфа (не смешивать с «тюремным волком», Лупусом [1]). Он, приобревший «парижские» манеры, человек очень близорукий, заметил как-то на улице грациозную женскую фигуру, за которой и погнался. Хотя он довольно долго преследовал закутанную в вуаль женщину, последняя не обращала на него никакого внимания; наконец, набравшись храбрости, он так близко подошел к ней, что разглядел ее физиономию и... «Чорт меня побери—это была г-жа Маркс»,—рассказывал он мне на следующее утро, страшно расстроенный. «Но что же она тебе сказала?»—«Ничего. Это-то и есть самое скверное!»—«Ну, а что

---

[1]) Красный Вольф—Фердинанд Вольф, сотрудник «Новой Рейнской Газеты». Тюремный Вольф (волк)—Вильгельм Вольф, которому Маркс посвятил «Капитал».

сделал ты? Извинился?»—«Чорт меня возьми, я удрал».—«Но ведь ты должен извиниться. Дело не так страшно».

Но этого самого «чорт меня возьми» Красного Вольфа, пользовавшегося известной славой за свой непоколебимый цинизм, нельзя было в течение полугода затащить к Марксам, хотя я уже на следующий день мог рассказать ему, что г-жа Маркс, после того, как я обо всем расспросил ее, весело рассмеялась при воспоминании о необыкновенно смущенной и испуганной физиономии оскандалившегося в роли Дон-Жуана Красного Вольфа.

Г-жа Маркс была первая женщина, благодаря которой я познал воспитательное влияние и силу обаяния женщины; моя мать умерла так рано, что я имел о ней лишь слабое, как тень неясное, представление; и позже я все время—за исключением очень короткого срока, да и то в самой ранней юности—жил вне женского общества, которое могло бы подействовать на меня возвышающим, смягчающим и воспитывающим образом. До встречи с г-жей Маркс я не понимал истины, заключающейся в гётевских словах:

Коль хочешь знать, что подобает делать,
Спроси о том у благородных женщин.

Она была для меня то Ифигенией, укрощающей и смягчающей варваров; то Элеонорой, дающей покой человеку, раздираемому внутренней борьбой и сомнениями; она была для меня матерью, другом, поверенным моих тайн и дум, советницей. Она была для меня идеалом женщины и осталась им. И если,—я не могу об этом умолчать,—если я не погиб в Лондоне окончательно и духовно, и физически, то этим я в громадной степени обязан ей, которая в те минуты, когда я уже готов был погрузиться в бушующий океан печальной жизни изгнанника, являлась предо мной, как Левкотея перед потерпевшим кораблекрушение Одиссеем, и вливала в меня новое мужество для дальнейшего плавания.

В ПОЛЕ И НА ЛУГУ

О, наши поездки на Гемпстедский луг! Живи я тысячу лет, я все-таки не забыл бы их. Гемпстедский луг, степь по ту сторону Примрозского холма, так же, как последний, стала известной вне-лондонскому миру благодаря диккенсовским пиквикцам; еще и до сих пор она является в большей своей части незастроенной, поросшей колючим дреком и группами деревьев, холмистой местностью, с миниатюрными горами и домиками, где всякий может свободно бродить и возиться без опасения быть задержанным охранителями священной собственности и подвергнуться аресту за «trespassing», т.-е. незаконное вторжение в чужое владение. Еще и теперь Гемпстедский луг является любимым местом прогулок у лондонцев: в хорошие воскресенья он весь покрыт «черными» людьми мужского и «пестрыми» женского пола; последние с особенной любовью испытывают терпение верховых ослов и лошадей, вообще говоря, очень терпеливых. Сорок лет тому назад Гемпстедский луг был еще больше, чем теперь, да и выглядел он более первобытно и менее культурно. Провести воскресенье на Гемпстедском лугу было для нас высшим наслаждением; всю неделю дети говорили лишь об этом, да и мы, взрослые, старые и молодые, были в радостном настроении. Уже само путешествие туда было праздником.

Девочки превосходно шагали пешком, неутомимые и проворные, как кошки. От улицы Дин-стрит, где жили Марксы (улица эта находилась в нескольких шагах от Герг-стрит, где обитал я), было добрых час с четвертью ходьбы до Гемпстеда. И обыкновенно в 11 часов утра выступали уже в путь.

Часто, конечно, запаздывали, ибо в Лондоне не принято вставать рано; к тому же на приведение всего, начиная

с детей, в порядок и на исправную упаковку корзины всегда уходило некоторое время.

Ах, эта корзина. Она стоит или, вернее, висит перед моим «духовным оком» так живо, так трогательно, так аппетитно, как будто только вчера в последний раз видел я ее в руках Ленхен.

Корзина эта была продовольственным магазином; когда имеешь здоровый, крепкий желудок и не имеешь, что случается очень часто, необходимой мелочи в кошельке (о крупных деньгах тогда вообще не могло быть и речи), то продовольственный вопрос начинает играть очень важную роль. Это знала благородная Ленхен, которая питала сострадание к нам, часто изнуренным голодом, а потому и постоянно голодным гостям. Самой важной, освященной традицией частью провианта на воскресенье для путешествия в Гемпстед являлся громадный кусок телятины; для этого священнейшего нашего достояния появлялась ручная корзина невиданных в Лондоне размеров, которую Ленхен привезла с собой еще из Трира. Брали чай, сахар, иногда фрукты. Хлеб и сыр покупали на лугу, где можно так же, как в берлинских кафе-садах, получать посуду, кипяченую воду, молоко, а также хлеб, сыр, масло и пиво, туземных морских и речных рачков, съедобных улиток—все по мере надобности и сообразно размерам капитала. Пиво можно было получить всегда, исключая то короткое время, когда общество аристократов-ханжей, нагромоздивших в своих домах и клубах всевозможные спиритуозы, какие только существуют на свете, и сделавших себе из каждого дня праздник, пыталось путем запрещения продажи пива по воскресным дням направить «чернь» по пути добродетели и нравственности. Но лондонский народ не понимает шуток, когда покушаются на его ж е л у д о к. Сотнями тысяч направился он в первое воскресенье после внесения соответствующего билля в Гайд-Парк и посылал там по адресу благочестивых аристократов и аристократок, совершавших свои прогулки в экипажах и верхом, такое громовое насмешливое: «go to Church!» (идите в церкви!), что добродетельным господам и дамам сделалось совсем страшно. В следующее воскресенье четверть миллиона превратилась в полмиллиона, а «go to Church» зазвучало гораздо сильнее и серьезнее. На третье воскресенье распоряжение было отменено.

Этой «церковной революции» мы, изгнанники, помогли по

мере сил, а Маркс, который в таких случаях мог сильно увлекаться, чуть-чуть не попал в руки полисмена и не был отправлен в участок; на счастье, горячие речи о необходимости пива повлияли благодетельным образом и на храброго стража закона.

Итак, как я уже сказал, триумф лицемерия продолжался недолго, и, исключая это короткое междуцарствие, мы, шагая по почти совершенно лишенной тени дороге, ведущей в Гемпстед, могли утешать себя приятными мыслями о прохладительном напитке.

Само путешествие происходило в следующем порядке. В роли авангарда шествовал я с двумя девочками, то рассказывая им всякого рода истории, то совершая гимнастические упражнения, то собирая полевые цветы, которые тогда не были еще так редки, как теперь. За нами шло несколько друзей, затем следовало ядро армии: Маркс с женой и каким-нибудь воскресным гостем, требовавшим почему-либо специального внимания; арьергард составляла Ленхен с самым голодным гостем, помогавшим ей нести корзину. Когда народу было больше, общество наше делилось на две военные колонны; сообразно с настроением или необходимостью этот боевой или походный строй изменялся.

Явившись в Гемпстед, мы прежде всего выискивали место, где можно было бы разбить нашу палатку; при этом особенно принималось во внимание все, касающееся чая и пива.

Но, подкрепившись питьем и едою, друзья и приятельницы искали подходящее место, чтобы сесть или растянуться; когда такое место находили, каждый и каждая (в случае, если сну не отдавалось предпочтения) вытаскивали купленную на пути воскресную газету; начиналось чтение и разговоры на политические темы; дети же, нашедшие уже товарищей, играли в кустах дрока в прятки. Но и в самую блаженную жизнь должно вноситься разнообразие; чтение и разговоры наши сменялись бегом взапуски, борьбой, киданием камней и другими играми. В одно из воскресений мы открыли поблизости каштановое дерево со спелыми уже плодами: «Ну-те-ка, кто собьет больше каштанов?»—закричал один из нас; все с криком «ура» бросились за работу: «Мавр» был словно бешеный, но, увы, сбивание каштанов не особенно давалось ему; он был, однако, неутомим, как и все остальные. Только после того, как при диких торжествующих криках был сбит последний

капитан, бомбардировка прекратилась. В течение восьми дней Маркс не мог двигать правой рукой; я чувствовал себя не лучше.

Величайшим «treat» (удовольствием) была всеобщая поездка верхом на ослах: это было бешеное веселье и смех. Сколько забавных сценок! Как потешал и себя и нас Маркс! Нас он потешал вдвойне: и своим более чем примитивным умением ездить верхом, и тем фанатизмом, с которым он старался доказать свое искусство в верховой езде. Все искусство его заключалось в том, что он, будучи еще студентом, взял несколько уроков верховой езды (Энгельс утверждал, что дальше трех уроков он не пошел); кроме того, при всяком посещении Энгельса в Манчестере Маркс катался верхом на смиренном Россинанте, вероятно правнуке той стесненной кобылы, которую блаженной памяти Фриц подарил доброму Геллерту.

Возвращение из Гемпстеда всегда было очень веселым, несмотря на то, что ожидавшее нас впереди не было особенно радостным в сравнении с тем, что́ мы оставляли. От меланхолии, для которой у каждого из нас было более, чем достаточно, поводов, мы были застрахованы благодаря царившему среди нас юмору.

Печальная жизнь изгнанников более не существовала для нас; кто начинал петь, тому сейчас же самым решительным образом напоминали об обязанностях человека, находящегося в обществе.

Походный строй на обратном пути был иным, чем на пути в Гемпстед. Устало тащившиеся дети составляли арьергард; с ними шла Ленхен, не обремененная багажом, с пустой уже корзиной.

Обыкновенно затягивались песни; в большинстве случаев это были народные чувствительные песни (политические пелись редко); пели—и это не охотничья история—патриотические песни; особенной любовью пользовалась, например, песня: «О, Страсбург, Страсбург, чудный город!»

Иногда дети пели негритянские песни и при этом танцовали, если, конечно, их ноги уже успели отдохнуть от продолжительного путешествия. Во время ходьбы совершенно не позволялось говорить о политике; не говорили и о наших треволнениях. Зато много говорилось о художественной литературе и искусстве; здесь Маркс имел возможность по-

казать свою колоссальную память; он декламировал длинные выдержки из «Божественной комедии», которую почти всю знал наизусть; декламировал он и сцены из Шекспира, при чем здесь его часто сменяла жена, тоже хороший знаток Шекспира; если он был в особенно повышенном настроении, он изображал нам Зейдельмана в роли Мефистофеля. Перед этим артистом, которого он, будучи студентом, видел и слышал в Берлине, Маркс преклонялся; его любимым поэтическим произведением в немецкой литературе был «Фауст». Я не скажу, чтобы Маркс хорошо декламировал,—он, как говорится, слишком переигрывал,—но все-таки он всегда правильно делал логическое ударение, оттеняя смысл фразы; словом, он производил сильное впечатление; то комическое впечатление, которое появлялось при первых произнесенных им словах, слишком сильно, что ли, выброшенных, исчезало, как только замечали, что Маркс глубоко понял роль и овладел ею, вошел в нее.

Женичка, старшая из двух девочек (Тусси — Элеонора Маркс - Эвелинг — тогда только еще ожидалась), вылитый портрет отца,—те же черные глаза, тот же лоб,—иногда приходила в пророческий пафос; на нее, как на пифию, нисходил дух: глаза ее начинали блестеть и пылать, и начиналась декламация, часто самая удивительная и фантастическая. Както раз, на обратном пути из Гемпстеда, на нее нашло такое настроение: она начала декламировать о жизни на звездах; импровизация вылилась в стихи. Г-жа Маркс, уже потерявшая несколько детей, была очень встревожена и обеспокоена этим обстоятельством; ей казалось признаком нездоровья такое раннее развитие ребенка. «Мавр» успокоил ее, а я указал ей на пифию, которая, пробудившись от своего пророческого сна, с веселым смехом прыгала вокруг. Она была самим здоровьем. Женичка все-таки умерла рано; но мать ее была избавлена от скорби матери, пережившей свою дочь.

С подрастанием девочек изменился характер наших воскресных путешествий; но все-таки недостаток в юном элементе никогда не чувствовался, ибо не прекращались заботы о появлении нового молодого поколения.

Некоторые дети умирали; умерли и оба сына, которых имел Маркс; один, родившийся в Лондоне, умер очень рано, другой, родившийся в Париже,—после очень долгого хронического недомогания; смерть последнего страшно потрясла

Маркса. Я еще и теперь помню печальные недели болезни без надежды на выздоровление. Мальчик, прозванный «Мухой» (Эдгар было его настоящее имя, данное в память дяди), был очень одаренным, но, к сожалению, с самого рождения болезненным, ребенком; бедное дитя с великолепными глазами и многообещающей головой, которая казалась слишком тяжелой для слабого тела. Находись бедный «Муха» под неусыпным заботливым надзором где-нибудь на берегу моря или в лесу, он, быть может, и выжил бы; но скитальческая жизнь, вечная беготня с места на место, нищенское существование в Лондоне не могли помочь нежному растеньицу в его борьбе за жизнь; не помогли и нежная родительская любовь и материнские заботы. «Муха» умер... Никогда я не забуду этой сцены: мать, с немым рыданием склонившаяся над мертвым ребенком, стоящая тут же и всхлипывающая Ленхен, страшно возбужденный Маркс, резко, почти злобно отказывающийся от всякого утешения, обе девочки, тихо плачущие и прижимающиеся к матери... Мать, погруженная в скорбь, так судорожно обхватила своих девочек, как будто хотела слить их с собой, защитить их от смерти, отнявшей у нее сыновей.

Н. ЛЕНИН

ГАЙНДМАН О МАРКСЕ

Недавно вышли в свет объемистые мемуары одного из основателей и вождей английской «социал-демократической партии», Генри Майерса Гайндмана. Книга почти в пятьсот страниц называется: «Записки о полной приключений жизни» и представляет из себя живо написанные воспоминания о политической деятельности автора и о «знаменитых» людях, с которыми он был знаком. Книга Гайндмана дает много интересного материала для характеристики английского социализма и для оценки некоторых важнейших вопросов всего международного рабочего движения.

Мы думаем поэтому, что будет своевременно посвятить несколько статеек книге Гайндмана, особенно ввиду «выступления» право-кадетских «Русских Ведомостей» (от 14 окт.) со статьей либерала Дионео, дающей замечательный образчик либерального освещения или, вернее, затемнения этих вопросов.

Начнем с воспоминаний Гайндмана о Марксе. Г. Гайндман познакомился с ним только в 1880 г., будучи, видимо, очень мало осведомлен об его учении и о социализме вообще. Характерно для английских отношений, что Гайндман, родившийся в 1842 г., был до тех пор неопределенного цвета «демократом» со связями и симпатиями к консервативной партии (тори). К социализму Гайндман повернул после чтения «Капитала» (во французском переводе) во время одной из своих многочисленных поездок в Америку между 1874 и 1880 г. г.

Отправляясь в сопровождении Карла Гирша знакомиться с Марксом, Гайндман мысленно сравнивал его с... Мадзини!

В какой плоскости ставил это сравнение Гайндман, видно из того, что влияние Мадзини на окружающих он называет «личным и индивидуально-этическим», а влияние Маркса «по-

чти всецело интеллектуальным и научным». К Марксу Гайндман шел, как к «великому аналитическому гению», стремясь учиться у него; в Мадзини его привлекал характер, «возвышенный образ мыслей и поведение». Маркс был, «неоспоримо, более могучим умом». Гайндман, неоспоримо, весьма плохо понимал в 1880 г. (да не совсем понял и теперь— об этом ниже) различие между буржуазным демократом и социалистом.

«Когда я увидел Маркса,—пишет Гайндман,—мое первое впечатление было: сильный, лохматый, неукротимый старик, который готов—чтобы не сказать: стремится—вступить в конфликт и настроен с некоторой подозрительностью, как будто бы ему предстояло сейчас же выдержать нападение. Но он поздоровался со мной любезно, и столь же любезны были его первые слова. Я сказал, что мне доставляет большое удовольствие и честь пожать руку автора «Капитала», он ответил, что с удовольствием читал мои статьи об Индии [1]) и лестно отзывался о них в своих корреспонденциях в газете.

«Когда Маркс говорил с бешеным негодованием о политике либеральной партии, в особенности по отношению к Ирландии,—маленькие, глубоко-сидящие глаза старого борца загорались, тяжелые брови хмурились, широкий нос и лицо приходили в движение, и с уст лились рекой горячие, бурные обвинения, которые показали мне и всю страстность его темперамента, и превосходное знание английского языка. Контраст был поразительный между его манерой говорить, когда его так глубоко волновал гнев, и всем его обличьем, когда он излагал свои взгляды на экономические события известного периода. Без всякого заметного усилия он переходил от роли пророка и могучего трибуна к роли спокойного философа, и я сразу почувствовал, что пройдет много долгих лет, пока я перестану чувствовать себя перед ним в области этих последних вопросов, как ученик перед учителем.

«Меня поразило, когда я читал «Капитал» и в особенности

---

[1]) Гайндман до своего недавнего поворота к шовинизму был решительным врагом английского империализма и вел с 1878 г. благородную кампанию разоблачений против тех позорных насилий, бесчинств, грабежей, надругательств (вплоть до сечения политических «преступников»), которыми прославили себя издавна англичане всех партий в Индии—вплоть до «образованного» и «радикального» писателя Джона Морлея.

мелкие сочинения его, о парижской Коммуне и «18 брюмера», как он сумел соединять самое точное и холодное исследование экономических причин и социальных последствий с самой горячей ненавистью к классам и даже к отдельным лицам, вроде Наполеона III или Тьера, которые по его же собственной теории были не более как мухами на колесах Джагернаутовой колесницы капиталистического развития. Не надо забывать, что Маркс был еврей, и мне казалось, что он соединял в себе, в своем характере, в своей фигуре—с его внушительным лбом, большими навислыми бровями, пылкими, сверкающими глазами, широкими чувственным носом и подвижным ртом, с лицом, обросшим со всех сторон лохматыми волосами,—праведный гнев великих пророков его расы и холодный аналитический ум Спинозы и еврейских ученых. Это было необыкновенное сочетание различных способностей, подобного которому я не встречал ни в одном человеке.

«Когда мы с Гиршем вышли от Маркса и я находился под глубоким впечатлением личности этого великого человека, Гирш спросил меня, что я думаю о Марксе. «Я думаю,—отвечал я,—что это Аристотель XIX века». И однако, сказав это, я сейчас же заметил, что такое определение не охватывает всего «предмета». Взять прежде всего то, что невозможно себе представить Маркса соединяющим функции царедворца по отношению к Александру Македонскому с глубокими научными работами, так могущественно повлиявшими на ряд поколений. А кроме того, Маркс никогда не отделял себя так полно—вопреки тому, что много раз о нем говорили,—от непосредственных человеческих интересов, чтобы рассматривать факты и их обстановку в том холодном, сухом освещении, которое характерно для величайшего философа древности. Не может быть никакого сомнения, что у Маркса ненависть к окружавшей его системе эксплоатации и наемного рабства была не только интеллектуальная и философская, но и страстно-личная.

«Помню, однажды я сказал Марксу, что, становясь старше, я становлюсь, мне кажется, более терпимым. «Более терпимым?—отвечал Маркс, — б о л е е терпимым?»... Было ясно, что он более терпимым не становится. Я думаю, что именно эта глубокая ненависть Маркса к существующему порядку вещей и его уничтожающая критика своих противников помешали многим из числа образованных людей зажиточного

класса оценить все значение его великих произведений и сделали такими героями в их глазах третьестепенных полузнаек и логомахов вроде Бем-Баверка только из-за того, что они извращали Маркса и пытались «опровергнуть» его. Мы привыкли теперь, особенно в Англии, бороться всегда с большими мягкими шарами на концах рапир. Яростные нападения Маркса с обнаженной шпагой на его противников кажутся неприличными нашим джентльменски-лицемерным ученым дуэлянтам, и они не в состоянии поверить, что такой беспощадный полемист и неистовый враг капиталистов был на самом деле глубоким мыслителем нашей эпохи».

В 1880 г. Маркс был почти незнаком английской публике. Здоровье его в то время уже заметно слабело, усиленные занятия (до шестнадцати часов в сутки и больше умственного труда) подорвали его организм, доктора запретили ему заниматься по вечерам, «и я пользовался,—рассказывает Гайндман,—его часами досуга для бесед с ним с конца 1880 г. до начала 1881 г.

«Наша манера беседовать была довольно оригинальная. Маркс имел привычку ходить быстро взад и вперед по комнате, когда он оживлялся спором,—как будто бы он гулял по палубе морского судна. Я приобрел за время своих долгих путешествий (в Америку, Австралию и т. д.) такую же привычку шагать взад и вперед, когда голова чем-нибудь особенно занята. И вот, можно было наблюдать такую сцену, что учитель и ученик шагают по два и по три часа вдоль и поперек комнаты вокруг стола, обсуждая вопросы современной эпохи и дела минувших дней».

Какова была позиция Маркса по различным вопросам, которые он обсуждал с Гайндманом,—этого последний не передает сколько-нибудь обстоятельно ни по одному вопросу. Из изложенного выше видно, что Гайндман сосредоточивается больше всего и почти исключительно на анекдотической стороне дела: это соответствует всему остальному содержанию его книги. Автобиография Гайндмана есть биография английского буржуазного филистера, который, будучи лучшим из лучших в своем классе, пробивает себе, в конце концов, дорогу к социализму, никогда не отделываясь полностью от буржуазных взглядов и предрассудков.

Повторяя филистерские попреки Марксу и Энгельсу, что они будто бы были «самодержцами» в «якобы демократиче-

ском» Интернационале, что они не понимали практики, не знали людей и т. д., Гайндман ни разу ни одного из этих попреков не пробует оценить на основании точного, конкретного изложения обстановки соответственных моментов.

Получается анекдот, а не исторический анализ марксиста. Маркс и Энгельс боролись с делом германского с.-д. объединения (с лассальянцами), а объединение было нужно! Это все, что говорит Гайндман. О том, что Маркс и Энгельс были тысячу раз принципиально правы против Лассаля и лассальянцев, у Гайндмана ни слова. Гайндман этого вопроса даже не ставит. О том, не был ли «демократизм» (организационный), в эпоху Интернационала, прикрытием буржуазных сект, разлагавших строительство пролетарской социал-демократии,—Гайндман себя даже не спрашивает.

От этого и история разрыва Гайндмана с Марксом рассказана так, что кроме сплетни (в духе господ Дионео) ровно ничего не выходит. Энгельс, видите ли, был человек «придирчивый, подозрительный, ревнивый», жена Маркса будто бы говорила жене Гайндмана, что Энгельс был «злым гением» (!!) Маркса; Энгельс, которого Гайндман никогда даже не встречал (вопреки тому, что написал г. Дионео в «Русских Ведомостях»), был склонен «в отношениях с теми людьми, кому он помогал (деньгами; Энгельс был очень богат, Маркс—очень беден), извлекать полную меновую стоимость из своих денежек»; Энгельс будто бы и поссорил Маркса с Гайндманом, боясь, что Гайндман, бывший тогда богатым человеком, займет место Энгельса, как богатого друга, при Марксе!!

Господам либералам, конечно, доставляет удовольствие переписывать именно подобные невыразимые пошлости. Познакомиться хотя бы с теми письмами к Зорге (Маркса и Энгельса), которые указывает сам Гайндман, и р а з о б р а т ь с я в том, где нужно, это, разумеется, совсем не в интересах либеральных писак. Об этом они не заботятся. А между тем справка с этими письмами, сличение их с «мемуарами» Гайндмана сразу решает дело.

В 1881 г. Гайндман выпустил брошюру «Англия для всех», где он переходит к социализму, оставаясь очень и очень путаным буржуазным демократом. Брошюра написана для возникшей тогда «демократической федерации» (несоциалистической), в которой была масса антисоциалистических эле-

ментов. И вот Гайндман пересказывал и переписывал «Капитал» в двух главах своей брошюры, не называя Маркса, говоря в предисловии глухо о некоем «великом мыслителе и оригинальном писателе», которому он многим обязан, и т. д. Из-за этого же «поссорил» меня с Марксом Энгельс,—рассказывает Гайндман,—приводящий в то же время одно письмо Маркса к нему (от 8 декабря 1880 г.), где Маркс пишет, что, по словам Гайндмана, он, Гайндман, «не разделяет взглядов моей (Маркса) партии, что касается Англии».

Ясно, в чем было разногласие, непонятое, незамеченное, неоцененное Гайндманом: в том, что Гайндман был тогда (как прямо и пишет Маркс к Зорге от 15 декабря 1881 г.) «прекраснодушным мелко-буржуазным писателем», «наполовину буржуа, наполовину пролетарий». Ясно, что если человек знакомится с Марксом, сближается с ним, называет себя учеником его, основывает потом «демократическую» федерацию и пишет для нее брошюру с искажением марксизма и с умолчанием о Марксе, то Маркс не мог этого оставить без «бешеного» протеста. И, очевидно, протест был, ибо Маркс в том же письме к Зорге приводит выдержки из извинительных писем Гайндмана, оправдывающегося тем, что «англичане» не любят учиться у «инородцев», что «имя Маркса так ненавистно» (!!) и т. п. (Сам Гайндман сообщает, что он уничтожил почти все письма Маркса к нему, так что с этой стороны ждать раскрытия истины нечего.)

Неправда ли, хороши извинения! И вот, когда вопрос о тогдашних разногласиях Гайндмана с Марксом выясняется с полной определенностью, когда все, даже теперешняя книжка Гайндмана, доказывает, что в его взглядах много филистерского и буржуазного (например, какими доводами защищает Гайндман смертную казнь для уголовных!), тогда преподносят в объяснение разрыва с Марксом «интриги» Энгельса, сорок лет ведшего одну с Марксом принципиальную линию... Да, если бы вся остальная книга Гайндмана была даже сплошной бочкой меда, этой одной ложки дегтя было бы достаточно...

Прехарактерно вскрываются тогдашние разногласия Маркса с Гайндманом из того, что последний передает об оценке Марксом Генри Джорджа. Оценка эта известна из письма Маркса к Зорге от 30 июня 1880 г. Гайндман защищал Генри Джорджа перед Марксом такими доводами, что «Джордж

научит большему своим вдалбливанием ошибки, чем другие люди научат полным изложением истины».

«Маркс,—пишет Гайндман,—и слышать не хотел о допустимости подобных доводов. Распространение ошибки никогда не могло быть полезно народу, таково было его мнение. Оставлять ошибку неопровергнутой—значит поощрять интеллектуальную нечестность. На десятерых, которые пойдут дальше Джорджа, придется, может быть, сотня таких, которые останутся со взглядами Джорджа, а эта опасность слишком велика, чтобы рисковать ею». Так говорил Маркс!!

А Гайндман сообщает нам, что с одной стороны, он и посейчас отстаивает свое прежнее мнение о Джордже, а, с другой стороны, Джордж-де был мальчуган с копеечной свечкой, который дурачился рядом с человеком, имевшим электрический прожектор.

Сравнение прекрасное, только... только рискованно было со стороны Гайндмана приводить это прекрасное сравнение рядом со своей мизерной сплетней насчет Энгельса.

Д. РЯЗАНОВ

«ИСПОВЕДЬ» КАРЛА МАРКСА

I

«Чудовище обло, озорно, стозевно и лаяй». Таким был Маркс, если верить его принципиальным противникам. Мрачный и угрюмый революционер, черная душа которого знала только ненависть и презрение, изливала только злобу и сарказм, которому чуждо было все «высокое и прекрасное». Не признавая ничего святого, он с каким-то дьявольским наслаждением копался во всех дурных сторонах человеческой души. Зомбарт уверяет даже, что Маркс органически не в состоянии был замечать добро в человеческой душе. Маркс страдал, мол, переразвитием рассудочной способности, и это объясняет нам его «бездушие».

Наши экс-марксисты идут еще дальше. Они когда-то так усердно щеголяли, в своей борьбе с «субъективистами» и сантиментальными народниками, объективизмом и анти-этичностью марксизма, что теперь и сами на разные лады повторяют: у Маркса не было ни сердца, ни «грана этики».

Булгаков, у которого институтское обожание капитализма сменилось семинарским обожествлением иного «земного града», готов даже усомниться, играли ли вообще такие чувства, как любовь, непосредственное сострадание вообще, теплая симпатия к человеческим страданиям, серьезную роль в психике Маркса. Туган-Барановский утверждает, что Маркс по отношению к благородным движениям человеческой души страдал какой-то умственной слепотой. Марксу «было знакомо негодование против зла, но в этом негодовании чувству симпатии к угнетенным почти не было места... Чувство любви к людям было ему мало доступно. Но зато он был чрезвычайно способен к вражде—и вражда «к угнетателям» заменяла в его душе любовь «к угнетенным».

Удивительно ли, что при виде такой нравственной аномалии готово затрепетать от ужаса всякое чувствительное сердце?

Мы нисколько не сомневаемся в искренности тех теплых симпатий к человеческим страданиям, которые всегда отличали наших бывших марксистов. Наоборот, мы убеждены, что любовь к угнетенным давно уже успела вытеснить в их душе всякие следы вражды к угнетателям. И все же нам сдается, что образ Маркса, который они рисуют своим читателям, написан по рецепту суздальских богомазов.

Во всяком случае этот образ не свидетельствует об избытке рассудочной деятельности у его творцов. И если они, по всей вероятности, как и Зомбарт, дошли до него «своим умом», то и тут они оказались не более оригинальными, чем в других областях. Что природа отняла у Маркса сердце и оставила ему взамен только ум—об этом оповестил весь мир еще шестьдесят лет тому назад бравый офицер Техов. В каких-нибудь полтора часа—он виделся с Марксом в Лондоне—он изучил Маркса «наскрозь» и пришел к тому же выводу, что́ и наши серьезные ученые. «Если бы Маркс имел столько же сердца, сколько ума, столько же любви, сколько ненависти!»—писал тогда своим друзьям в Швейцарию добрый Техов, у которого несомненно было много сердца, но мало ума.

Когда «благородный» Фогт напечатал это письмо, чтобы окончательно убить в мнении всех добрых людей такого «изверга рода человеческого», как Маркс, последний со свойственным ему цинизмом заметил: «Техов много хлопочет по поводу моего «сердца». Я великодушно отказываюсь следовать за ним в эту область. «Ne parlons pas morale», как выражается парижская гризетка, когда друг ее начинает говорить о политике».

Мы тоже не имеем никакого желания спасать репутацию Маркса по части «сердца». Нет никакого сомнения,—да и Маркс сам не отрицал этого,—что не все стороны человеческого сердца были ему одинаково открыты. Il y a fagots et fagots. И всякие бывают люди. А «человеческое сердце и совсем удивительная вещь, особенно когда человек носит его в кошельке». Только тонко чувствующий психолог, прошедший основательный курс австрийской школы в политической экономии, может, выражаясь модным теперь термином, «вчув-

ствоваться» в капиталистическую душу и не проглядеть ни одной из ее хороших сторон. Без психического сродства не обойдешься и в этой области.

Правда и то, что Маркс никогда не апеллирует к «сердцу». Но нужно быть очень добрым человеком, чтобы сделать из этого вывод, что Маркс не питал чувства симпатии к угнетенным. Напротив, он сам где-то говорит, что любовь к людям является одним из источников коммунистического мировоззрения. Но этого мало. Кроме «сердца», которое «сострадает», необходимо еще теоретическое понимание исторического процесса. Маркс поэтому был жестоким противником всякого «прекраснодушия», бараньего социализма, который с такой охотой проповедует мораль волкам.

Правда и то, что Маркс самым бессердечным образом разоблачал всяких акробатов христианской и свободомыслящей любви, которые в ученых и неученых трактатах, проникнутых «жалостью» к угнетенным, но не ведающих гнева на обидчиков, рекомендовали пролетариату умеренность и упование на «распределительную справедливость» капиталистов.

Трудно отрицать также, что, в своей страстной борьбе за интересы рабочего класса, Маркс нередко наносил «свирепые» удары не только своим прямым противникам, но и половинчатым союзникам. Но таким он был и в то время, когда был еще буржуазным демократом и ужасал своих товарищей в Берлине своим неистовым задором. Таким описывает его, между прочим, и автор сатирической поэмы, посвященной Бруно Бауеру и другим членам берлинского кружка «свободных».

Кто мчится вслед за ним[1]), как ураган степной?
То Трира черный сын с неистовой душой.
Он не идет, бежит, нет, — катится лавиной,
Отвагой дерзостной сверкает взор орлиный;
А руки он простер взволнованно вперед,
Как бы желая вниз обрушить неба свод.
Сжимая кулаки, силач неутомимый
Все время мечется, как бесом одержимый![2])

При таком темпераменте трудно было всегда и во всем

---

[1]) За Бауэром.

[2]) «Die frech bedräute, jedoch wunderbar befreite Bibel...» Zürich 1842. (Русский перевод см. Сочин. К. Маркса и Фр. Энгельса, т. II, стр. 505—537.)

соблюдать меру и заботиться о том, чтобы удар, направленный в противника, не был слишком силен. И таким «неистовым Карлом»—вспомним нашего «неистового Виссариона»—Маркс оставался до конца дней своих.

Правда и то, что Маркс не всякому открывал свое сердце. Но если старый Сирах не совсем прав, когда утверждает, что только глупцы держат свое сердце нараспашку, то нужно быть опять-таки очень добрым человеком, чтобы говорить об отсутствии сердца там, где нет «излияний» сердца.

Госпожа Роллан рассказывает в своих мемуарах, что учитель пения часто говорил ей, что она слишком мало души вкладывает в свое пение.—«Этот добрый человек,—замечает она,—не понимал, что у меня слишком много души, чтобы вкладывать ее в пение».

Маркс не любил сердечных излияний даже в письмах к своим близким и друзьям. Трудно было любить так горячо и беззаветно, как он любил жену и детей. Он едва перенес смерть своей жены, и преждевременная смерть его старшей дочери, Женни Лонге, нанесла ему удар, от которого он уже не в силах был оправиться. И вот, даже в письмах к этой дочери, которая одна из всех его дочерей, уже как товарищ и помощник в работе, перенесла с ним и матерью самую тяжелую пору его лондонской жизни, Маркс остается сдержанным. Все его письма дышат любовью и нежной заботливостью, мы видим, как Маркс—в особенности в письмах последних лет—употребляет все усилия, чтобы поддержать хорошее настроение своей дочери и развеселить ее, но мы очень редко встречаем в них какую-нибудь «сантиментальную» фразу. То же самое приходится сказать и об его письмах к Энгельсу, от которого он ничего не скрывал. Он пишет о «деле», о теории, и до чрезвычайности скуп на излияния. Но сколько сердечной муки слышится в следующих строках, написанных Энгельсу из Алжира (1 марта 1882 г.), куда его послали после смерти жены, чтобы оторвать от угнетавшей его лондонской обстановки.

«Ты знаешь, что мало кто с бо́льшим трудом выносит всякий показной пафос. Но я солгал бы тебе, если бы хотел отрицать, что мысли мои почти целиком поглощены воспоминаниями о жене. Ведь с ней я провел лучшую часть своей жизни».

Именно эта нелюбовь к показному пафосу и всяким «сан-

тиментам» затрудняет изображение внутреннего мира Маркса, его личных симпатий и антипатий. Мы вообще очень мало узнаем о нем от него самого. Если он даже позволяет себе иногда автобиографические отступления, как, например, в предисловии к «Критике политической экономии» или в памфлете «Господин Фогт», то лишь постольку, поскольку это требуется интересами «дела» или может служить для выяснения его теоретических взглядов. Точно он и о себе хочет сказать: судите меня по делам моим, а не по тому, что я сам о себе могу рассказать вам.

Вот почему всякая попытка характеризовать Маркса, как человека, на основании его собственных «высказываний», встречается с почти непреодолимыми затруднениями. Внутренний мир его спрятан от посторонних людей. Нежность сердца, чуткость, которая притягивала к нему одинаково сильно и субъективнейшего из лирических поэтов, Гейне, и патетического певца свободы, Фрейлиграта, безграничная готовность делиться с друзьями своими духовными богатствами, отсутствие всякого ригоризма по отношению к людским «слабостям» у других в соединении с беспощадной самокритикой по отношению к самому себе—все это было скрыто «на миру» под крепкой и непроницаемой броней.

Только в воспоминаниях Лафарга и Либкнехта сделана попытка дать нам портрет Маркса как человека. Оба они не раз имели случай испытать на себе удары «неистового» учителя. И в личных беседах, и в письмах он их часто очень жестоко «пушил» как политиков, не считаясь с их самолюбием. Им часто казалось, что он неправ, иногда он под свежим впечатлением какого-нибудь события сам «перебарщивал», но эти неровности быстро сглаживались. И Лафарг, и Либкнехт были слишком крупные люди, чтобы не понимать, что эти недостатки у Маркса,—которые, правда, в значительной степени были присущи и им самим,—были только «оборотной стороной медали», и не ставили Марксу каждое лыко в строку. И если в оппозицию к суздальским портретам, нарисованным противниками Маркса, Либкнехт и Лафарг в своих воспоминаниях иногда, быть может, перегибают палку в другую сторону, то ошибка их заключается большей частью в оценке Маркса не как человека, а как общественного деятеля и мыслителя. Особенно грешат в этом отношении воспоминания Либкнехта. Но тем драгоценнее они

в тех частях, где он рисует Маркса как отца, друга, товарища. Чем больше теперь раскрывается личная жизнь Маркса,—из писем его друзей, из новых воспоминаний, из различных, до сих пор малоизвестных, фактов,—тем больше находит себе подтверждение рассказ Либкнехта.

Яркий свет на личную психологию Маркса бросает, между прочим, и следующий «человеческий документ», который сохранила для нас счастливая случайность.

II

Летом 1910 г. я работал в течение нескольких недель в Дравейле у покойных Лафаргов, с величайшей готовностью предоставивших в мое распоряжение оставшиеся после Маркса бумаги и письма. Лаура Лафарг любезно отвела мне для работы свой рабочий кабинет, одним из лучших украшений которого служил портрет Маркса, теперь плохо воспроизведенный в совсем никчемной биографии его, состряпанной американским социалистом Спарго. Со стены глядел на вас, добродушно улыбаясь и слегка прищурившись, седой, как лунь, старик. Никаких следов олимпийства, ничего внушительного, импонирующего. Это был какой-то новый Маркс, не тот глубокий мыслитель, лицо которого сохранила нам известная—одна из лучших и по словам Лауры Лафарг—фотография. Можно было подумать, что этот добродушный старик основательно усвоил себе только «искусство быть дедушкой». И как живая вставала в памяти картина, которую так художественно нарисовал нам Либкнехт: творец «Капитала», которого бесцеремонно гоняет по всему дому взгромоздившийся к нему на плечи любимый внук его, Джонни.

Не помню уже, по какому именно поводу, но во время одной из наших бесед о Марксе,—вероятно, я выразил сожаление, что отец ее оставил так мало «субъективных», чисто личных высказываний,—Лаура вдруг вспомнила, что она и ее старшая сестра предложили однажды, забавы ради, отцу целый ряд вопросов, ответы на которые должны были составить нечто вроде «исповеди». Ей удалось найти эти «Confessions», как они были названы и в оригинале. Так вот именно эту «Исповедь» Маркса в вопросах и ответах я и хочу предложить теперь вниманию русских читателей. Перевод

сделан мною с копии, подаренной мне Лаурой Лафарг [1]). Ответы, как и вопросы, сделаны были на английском языке.

ИСПОВЕДЬ

Достоинство, которое вы больше всего цените:

в людях	Простота.
» мужчине	Сила.
» женщине	Слабость.
Ваша отличительная черта	Единство цели.
Ваше представление о счастье	Борьба.
» » о несчасть	Подчинение.
Недостаток, который Вы скорее всего склонны извинить	Легковерие (по отношению к людям).
Недостаток, который внушает Вам наибольшее отвращение	Угодничество.
Ваша антипатия	Мартин Тёппер.
Ваше любимое занятие	Рыться в книгах.
Ваши любимые поэты	Шекспир, Эсхил. Гёте.
Ваш любимый прозаик	Дидро.
Ваш любимый герой	Спартак, Кеплер.
Ваша героиня	Гретхен.
Ваш любимый цветок	Лавр.
» » цвет	Красный.
Ваше любимое имя	Лаура, Женни.
Ваше любимое блюдо	Рыба.
Ваше любимое изречение	Ничто человеческое мне не чуждо.
Ваш любимый лозунг	Подвергай все сомнению.

Карл Маркс.

В этой «Исповеди» нельзя, конечно, все принимать à la lettre. Мы все же имеем дело с шутливыми признаниями. Но они сделаны были самым близким людям, и мы сейчас увидим, что в этой шутке было много правды.

---

[1]) К сожалению, во время моей последней поездки в Драв'йль, уже после самоубийства Лафаргов—в декабре 1912 г.,—когда я принимал от наследников бумаги Маркса, теперь перешедшие в собственность немецкой социал-демократии, мне не удалось найти ни оригинала этой «Исповеди», ни других бумаг Маркса: в них уже успели рыться посторонние люди.

Сначала несколько слов о том времени, к которому относятся признания Маркса. Лаура не могла дать мне на этот счет никакого точного указания. Но уже ответ Маркса на вопрос, какое имя ему больше всего нравится, показывает, что исповедь относится к первой половине шестидесятых годов, когда третья дочь его, Элеонора, была еще ребенком и не могла принимать участия в допросе, который чинили отцу ее старшие сестры—Женни (так звали и жену Маркса) и Лаура.

Мы не будем останавливаться на ответах, которые вряд ли представляют что-нибудь большее, чем шутливый каламбур, да и вообще имеют второстепенное значение. Так, когда Маркс на вопрос о любимом блюде — по-английски d i s h—отвечает f i s h, т.-е. рыба. Правда, Лафарг—доктор медицины и знаток кулинарного искусства—считает нужным отметить, что Маркс был плохой «едок» и даже страдал отсутствием аппетита. Он видит в этом следствие чересчур напряженной мозговой деятельности, убивавшей у Маркса аппетит и заставлявшей его поэтому прибегать к различным острым блюдам, в том числе к рыбным консервам и пикулям. Конечно, заядлый материалист — der Mensch ist, was er isst—мог бы сделать более серьезные выводы из пристрастия Маркса к рыбе, а какой-нибудь психолог—увидеть в этом такую же расовую особенность, как и колоссальная способность Маркса к абстракции.

Можно было бы «психологически» объяснить и любовь Маркса к л а в р у, если бы и тут не сквозила шутка (по-английски Daphne, т.-е. опять-таки Лаура). Ясно также, что такой «красный» человек, как Маркс,—«красный доктор», как его называли англичане, — мог любить только к р а с н ы й цвет.

Добродушная насмешка звучит и в ответе на третий вопрос, который может шокировать всякого сторонника женского равноправия. Мужскую с и л у Маркс противопоставляет женской с л а б о с т и. Было бы несправедливо обвинять жену и дочерей Маркса в слабости. В той борьбе, которую Марксу пришлось вести в течение всей его жизни, он имел и в жене, и в дочерях верных товарищей. Тяжелые удары судьбы, смерть четырех детей, жертв той ужасной нищеты, в которой семья Маркса жила в начале пятидесятых годов,—все это жена Маркса перенесла с истинно «муж-

ской» непоколебимостью. Либкнехт,—а этого «солдата революции» трудно упрекнуть в слабости,—говорит, что если он в течение лондонского изгнания не «пошел ко дну», то только благодаря тому примеру, который всем им подавала жена Маркса. Но и у ней, конечно, бывали минуты «слабости». Намеки на это мы встречаем и в личных письмах Маркса, который всегда избегал говорить о своих «муках» и горестях. Он просил в этих случаях не забывать, что она женщина и мать. А положение бывало иногда до чрезвычайности тяжелое, и нужна была стойкость и сила Маркса, чтобы не изливаться в жалобах, как это делала жена Маркса в письмах к близким друзьям.

Еще сильнее отражалась на жене Маркса междоусобная борьба в эмиграции. Хотя Маркс употреблял все усилия, чтобы скрыть от нее худшее, она всегда узнавала более чем достаточно. Особенно сильно подействовала на нее кампания Фогта, которому действительно удалось перещеголять всех противников Маркса по части личных клевет. Жена Маркса оказалась слишком «слаба», чтобы выдержать эти новые треволнения, и, опасно заболев, едва успела оправиться к тому времени, к которому, вероятно, относится «исповедь» Маркса.

Простота, которую Маркс выше всего ценил в людях, была основным свойством всего его характера. Ничто не презирал он так сильно, как позу, ходульность, театральность. «Маркс,—говорит Либкнехт, — один из немногих известных мне крупных, маленьких и средних людей, который не был тщеславен. Он был для этого слишком велик и могуч,—да и слишком горд. Он никогда не позировал и всегда был самим собою».

Мы имеем и другое свидетельство—не друга Маркса, но и не недруга, а именно нашего уважаемого социолога, М. М. Ковалевского [1]). «По словам Реклю, Маркс, принимая членов Международного Товарищества Рабочих, в том числе и самого Реклю, не выходил из задней части своей гостиной и держался по близости к бюсту Зевса Олимпийского, которым эта го-

---

[1]) «Мое научное и литературное скитальчество». «Русская мысль», 1895 г., январь, и «Две жизни». «Вестник Европы», 1909 г., июль. В этих воспоминаниях много фактических ошибок, поскольку речь идет о разных событиях, достаточно засвидетельствованных историей. Но главный интерес их заключается именно в описании того впечатления, которое производил Маркс на людей, знавших его лично.

стиная была украшена, как бы подчеркивая тем свою принадлежность к числу великих типов человечества. Такая ходульность совершенно несогласна с представлением о человеке, который настолько знал себе цену, что не видел надобности подчеркивать свое значение внешними приемами». В памяти Ковалевского Маркс сохранился «простым и даже благодушным собеседником, неистощимым в рассказах, полным юмора, готовым подшутить над собою».

Вспомним, что наш маститый социолог был тогда в сравнении с Марксом совсем зеленым юнцом; их отделяла разница больше, чем в тридцать лет. Тем интереснее следующее признание М. Ковалевского: «За два года моего довольно близкого общения с автором «Капитала» я не припомню ничего, хотя бы издали напоминающего то третирование старшим младшего, какое я в равной степени испытал в моих случайных встречах и с Чичериным, и с Львом Толстым. Карл Маркс в бо́льшей степени был европейцем и, хотя, может быть, невысоко ценил своих друзей по науке (scientific friends), предпочитая им товарищей по классовой борьбе пролетариата, но в то же время был настолько благовоспитан, чтобы не проявлять этих личных пристрастий в своем поведении».

В тесной связи с этой простотой и правдивостью Маркса находилось и полное неумение носить какую-либо «маску», которое отмечает в нем не только Либкнехт, но и Борн, писавший свои воспоминания уже после того, как он разошелся с Марксом. Своеобразное соединение колоссального умственного превосходства с ребячливостью и простодушием, которое мы встречаем и у другого гениального экономиста, у Рикардо, поражало всех знакомых Маркса. «Большим ребенком» называла его всегда жена его, и охотнее всего отдыхал он в обществе детей. Всякое притворство и «дипломатничанье» были ему ненавистны. Вот почему он так неохотно посещал «общество», в котором ему волей-неволей приходилось считаться с тем, что «принято». Комические жалобы на свою неумелость в этом отношении встречаются и в его письмах, хотя и не так часто, как у Чернышевского, который в этом отношении поразительно напоминает Маркса.

Та же простота отличала и жену Маркса. Ковалевский рассказывает, что ему редко приходилось встречать жен-

щину, которая так радушно принимала бы гостей в своей скромной обстановке и сохраняла при всей своей простоте то, что французы называют «une grande dame».

Две недели спустя после смерти жены Маркс пишет своей старшей дочери:

«Письма с выражением соболезнования, которые я получаю с разных сторон и от людей различных национальностей и профессий и т. д., все восхваляют мамочку (Möhmchen) и проникнуты такой глубокой искренностью, такой глубокой симпатией, какие редко встречаются в этих обыкновенно условных писаниях. Я объясняю это тем, что все в ней было естественно и правдиво, просто, что в ней не было ничего деланного. Поэтому и впечатление, которое она производила на людей, было чрезвычайно светлое».

Мы понимаем теперь, почему своей любимой героиней Маркс называет Гретхен. Если это и была шутка, то в ней была значительная доля правды. Немецкая литература не знает более художественного воплощения естественности, правдивости и простоты.

III

«Единство цели» не совсем точно передает ответ Маркса на вопрос, что его сильнее всего характеризует. В этом переводе подчеркнут больше объективный оттенок. Singleness of purpose скорее означает сосредоточение всех помыслов и устремлений на одной цели.

В устах Маркса эти слова не были фразой. Трудно найти жизнь, в которой так классически проведено было бы это единство устремления, как в жизни Маркса. Он действительно знал «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть». И он сам определяет в одном письме цель, которой он посвятил все свои помыслы, это—«дело». Годами работал он, денно и нощно, не отклоняясь от этой цели ни на иоту, чтобы создать прочную основу делу освобождения пролетариата, камень за камнем созидая свое великое творение, этот неисчерпаемый арсенал против буржуазного общества. Никаких следов душевного разлада, хождения на две стези в этой скованной из железной последовательности и неумолимой логики, единством проникнутой жизни! Единство цели

в теории и в практике, человек и его творение одинаково из одного куска!

Глубокая правда звучит в его ответе дочерям, когда он замечает, что счастье он видит в борьбе, а несчастье— в подчинении. Маркс был борцом и в практике, и в теории. Свою правду-истину, как и правду-справедливость, он добывал путем борьбы с установленным, с традицией. И воплощал он ее в жизнь опять-таки путем борьбы, практики. К борьбе против подчинения и порабощения во всех его формах—общественной нищеты, духовного вырождения, политической зависимости—звал он неустанно пролетариев всех стран—в Союзе Коммунистов, в Интернационале. И как ни чужд был ему всякий показной пафос, он всегда находил поразительные по своей силе слова, чтобы сплести для жертв этой борьбы лавровый венок или чтобы пригвоздить к позорному столбу истории их временных победителей.

Ничто не было ему так отвратительно, как угодничество, хамство, подхалимство в частной жизни и в политике. Он органически не выносил того культа, который сознательно поддерживали в среде своих почитателей даже такие крупные люди, как Мадзини или Лассаль. Всякая лесть, даже в осторожной и приличной форме, заставляла его сейчас же настораживаться и будила в нем недоверие. Теперь еще не настало время опубликовать письма к Марксу некоторых, достигших крупной известности лиц— и достигших ее отчасти полемикой против Маркса,—но при чтении этих писем становится понятным, почему Маркс так презрительно отнесся к их угодливой лести.

Особенно беспощадно относился он ко всякой угодливости по адресу властей предержащих. Эту угодливость он бичевал в своей резкой критике известной защитительной речи Кинкеля, ее же он резко осуждал в заигрывании Швейцера с Бисмарком. Вот почему он хвалит простой нравственный такт, который удерживал Руссо от компромиссов с предержащими властями. Вот почему он так неумолимо преследовал и ту форму угодничества, раболепства, которая проявляется в уступках так называемому общественному мнению или в еще более низкой форме прислужничества, сикофантства по отношению к господствующим классам. И чем талантливее был такой сикофант, тем беспощаднее был Маркс.

А к аплодисментам, одобрению «публики», к популярности Маркс относился всегда с суверенным презрением.

Мартин Тёппер был для Маркса нарицательным именем той обыденнейшей пошлости, которая нередко пользуется колоссальным успехом и пожинает обильно лавры, чтобы после исчезнуть в Лете забвения. Мартин Тёппер, теперь совершенно забытый поэт, был самым популярным поэтом Англии в пятидесятых и начале шестидесятых годов. Сочинения его распространялись в миллионах экземпляров. Этот невероятный успех и теперь еще является загадкой для историков английской литературы. «Полное отсутствие какого-либо таланта, абсолютная противоположность и отрицание какого-либо поэтического гения, связанные с трогательной наивностью... Тёппер был слеп к поэзии и глух к рифмам; без искры вдохновения, без мыслей, без критики». Философия его стоит на одном уровне с философией купчихи у Островского, которую занимал вопрос, что лучше: ждать и не дождаться, или иметь и потерять? Мартин Тёппер отвечал на этот вопрос в звучных стихах: «Жало скорби и острота наслаждения одинаково смягчаются долгим ожиданием, подобно тому, как желчь и бальзам одинаково разжижаются в воде терпения» [1]). Как говорит Маркс в «Капитале», Мартин Тёппер, который, по его мнению, среди поэтов является тем же, что Бентам среди философов, мыслим был только в Англии. Но Маркс, конечно, ошибается. Подобных поэтов рождала и Германия, и... Россия. Но таким успехом он мог пользоваться только в Англии, где и теперь так сильно раболепство пред «общественным мнением».

Что любимыми поэтами Маркса были Эсхил, Шекспир и Гёте, видно из всех его произведений. Об этом же свидетельствует нам и Лафарг. «Эсхила и Шекспира,—рассказывает он,—Маркс ценил как двух величайших драматических гениев, которых произвело человечество. Его преклонение пред Шекспиром было безгранично. Он был предметом постоянного изучения Маркса, которому известны были все персонажи Шекспира, даже самые второстепенные. Вообще в семье Мар-

---

[1]) См. G. Kellner, Die englische Literatur im Zeitalter der Königin Victoria, Leipzig 1909, p. 370, или Oliphant, The Victorian age of english Literature, vol. I, p. 234. Главным творением Тёппера является его «Proverbial Philosophy», переведенная и на немецкий язык.

кса Шекспир был окружен настоящим культом. Все три дочери его знали Шекспира наизусть» [1]).

В Эсхиле Маркс преклонялся пред великим поэтом, который впервые из старого мифа о Прометее создал грандиозный образ непоколебимого борца за человечество, бросающего гордый вызов земным и небесным вседержителям. Уже в предисловии к своей докторской диссертации Маркс цитирует следующие слова этого, как он его называет, «благороднейшего святого и мученика в философском календаре», с которыми тот обращается к посланнику Зевса: «Никогда, поверь мне, не соглашусь я променять мой несчастный жребий на твое рабство. Лучше быть прикованным к этой скале, чем быть холопом на побегушках у Зевса».

Этот прометеевский мотив звучит и в юношеских стихотворениях Маркса. И в образе скованного Прометея является нам Маркс, как редактор «Рейнской Газеты», уже на одной иллюстрации сороковых годов.

Несколько неожиданным является ответ Маркса на вопрос, кто его любимый прозаик. Даже Лафарг не упоминает в своих воспоминаниях имени Дидро. Но свое преклонение перед великим французским энциклопедистом Маркс делил с крупнейшими немецкими поэтами: Лессингом, Шиллером, Гёте. Мнение это все более приобретает господство и среди современных историков французской литературы. Дидро выдержал критику времени в большей степени, чем кто-либо другой из просветителей XVIII века, не только как мыслитель, но и как писатель. Его «Племянник господина Рамо», которого несомненно имел в виду Маркс, и теперь еще является образцом французской прозы. Дидро более, чем кому-либо из французских просветителей, была чужда фраза [2]). Ясный, удивительно жизненный язык, которому Дидро учился в непосредственном общении с различными слоями

---

[1]) Это не преувеличение. Знаменитый английский шекспиролог, скончавшийся в 1911 г., Фёрнивалль, был приятелем семьи Маркса. Следы глубокого изучения Шекспира заметны и в английских статьях Маркса. Некоторые из них являются шедеврами по стилю и вызывали удивление у англичан.

[2]) «У человека была лишь одна идея; для ее выражения требовалась не более, как одна фраза; эта полная смысла и значения фраза была бы усвоена читателем с наслаждением, но, когда она залита целым потоком слов, она надоедает и внушает отвращение». Цитировано у Морлей, Дидро и энциклопедисты, стр. 162.

«простонародья», брызжущая остроумием диалектика, гениальная способность ярко и отчетливо выражать наиболее характерное в различных явлениях жизни, едкий сарказм, с которым Дидро бичует устами паразита французское общество,—все это в достаточной степени объясняет нам предпочтение, которое не только Маркс, но и Энгельс отдавали Дидро [1]).

Своими любимыми героями Маркс называет Спартака и Кеплера, первого, очевидно, как героя дела, второго—как героя мысли. Возможно, что эти имена пришли ему в голову под свежим впечатлением только что прочитанной биографии. По крайней мере, относительно Спартака мы находим следующее указание в одном письме к Энгельсу.

«Вечером (читал), отдыха ради, историю римских гражданских войн Аппиана, в греческом оригинале. Очень ценная книга. Автор по своему происхождению египтянин. Шлоссер говорит, что у него «нет души», вероятно потому, что он старается объяснить гражданские войны материальными условиями. Спартак является в его изображении самым славным парнем, какого только мы встречаем во всей древней истории. Крупный полководец (не Гарибальди), благородный характер, истинный представитель античного пролетариата» [2]).

Русские читатели вспомнят, что таким же героем изображает Спартака в когда-то очень популярном у нас романе итальянец· Джованиоли. Можно, разумеется, относиться к Спартаку иначе. Характерно только, что всего более ценил Маркс в этом «славном парне».

А что именно привлекало Маркса в Кеплере? Не научная ли честность, за которую он так высоко ценил и Рикардо? Или та «ясность духа», которая, по словам биографов Кеплера, позволяла ему так легко отвлекаться от земных забот и треволнений и «подниматься в чистый эфир научной спекуляции, преследующей благородные и возвышенные цели»?

Кеплер также бо́льшую часть своей жизни провел в борьбе с нуждой. В области принципов он не знал никаких ком-

---

[1]) В своем «Анти-Дюринге» Энгельс называет «Племянника господина Рамо» шедевром диалектики. Маркс цитирует Дидро в «Святой семье» и в «Капитале» когда характеризует роль сокровища в буржуазном обществе.

[2]) Из письма от 27 февраля 1861 г. Моммзен относится тоже очень благосклонно к противнику Рима.

промиссов. В отличие от Тихо де-Браге он отказывался делать какие-либо уступки «властям предержащим». Никакое давление, никакие соблазны не могли совлечь его с предначертанного им себе пути. Напряженно и без устали работал он годами, чтобы открыть законы, управляющие движением небесного мира, а умер бедняком, далеко не закончив всех своих работ.

Хоть выше Кеплера никто не воспарил,
Он кончил жизнь свою в нужде, как нищий;
За то, что лишь у м а м он радости дарил,
Т е л а оставили его без пищи.

Как часто должен был вспоминать это старинное четверостишие Маркс, особенно в начале шестидесятых годов, когда американская война лишила его главного источника средств существования—постоянной работы для «Нью-Йоркской Трибуны», и мучительная болезнь не раз угрожала смертью; как часто должна была терзать его мысль, что ему не удастся довести до конца труд, в котором он открыл законы развития капиталистического мира!

Только в кажущемся противоречии с ненасытной жаждой Маркса к знанию, с его постоянным стремлением к истине, стоят слова «п о д в е р г а й в с е с о м н е н и ю», которые он цитирует как свой лозунг. Это не сомнение в смысле плоского скептицизма, сомнение ради сомнения. Марксовское сомнение направлено против в и д и м о с т и (Schein), скрывающей от нас действительность. Исходным пунктом всякого критического исследования является у Маркса сомнение в в и д и м о с т и — в области природы, политики, экономики. Главной задачей науки является разоблачение этой в и д и м о с т и. Острым ножом своего анализа она разрезает внешнюю оболочку явлений, чтобы вскрыть их действительную сущность, чтобы извлечь из них их действительное содержание. Свобода, равенство, справедливость в капиталистическом обществе—одна только в и д и м о с т ь, которая может вводить в заблуждение лишь фетишистов буржуазного общества. Вооруженный своим сомнением, своей критикой, Маркс первый открыл великую тайну буржуазного общества, фетишизм товарного мира, превращающий человека, творца всего земного богатства, в раба своих собственных продуктов—в экономике, в политике, в идеологии.

Называя своим любимым занятием «копание в книгах», Маркс шутит над своей страстью, которая часто навлекала на него насмешки друзей. Даже Энгельс, который тоже был изрядным книгоедом, воевал с этим «пороком» Маркса. А с каждым новым языком, который он изучал, ему открывалась новая литература, с которой он знакомился так же основательно, как и с прежними. Марксу было уже больше пятидесяти лет, когда он взялся за изучение русского языка. Сохранились еще тетради с многочисленными упражнениями, которые он прилежно проделывал, чтобы усвоить себе тайны русских склонений и в особенности спряжений. Надо видеть, с какой основательностью он изучал русскую статистическую и экономическую литературу [1]).

Конечно, это «книгокопание» было только оборотной стороной той добросовестности, с которой он всегда старался изучить литературу своего предмета. Нельзя читать без улыбки письма, в котором он доказывает Энгельсу, что не может выпустить первый, почти уже набранный, том «Капитала» прежде, чем он не познакомится с новым трудом Роджерса. А как он читал книги, показывают многочисленные выписки, которые он делал почти из всех читанных им книг. Более важные он конспектировал, даже когда имел их в своей библиотеке. И если Марксу не удалось окончательно обработать «Капитал» для печати,—а из писем его видно, что он приступил к печатанию первого тома только тогда, когда закончил все четыре тома, — то это объясняется не только болезнью, но и тем, что он не мог устоять, как он сам выражается, против «соблазна потребить теоретически» новые материалы, бросавшие свет на развитие капиталистических отношений.

Добродушная насмешка над самим собой сквозит и в ответе на вопрос, какой недостаток он всего скорее склонен извинить: легковерие по отношению к людям (gullibility). Маркс далеко не был человеком не от мира сего. Он принимал для этого слишком большое участие в практической деятель-

---

1) «Николай — он и я, — рассказывает Ковалевский, — посылали ему, что могли, а его жена, очень озабоченная скорейшим окончанием всего сочинения, шутя грозила мне, что перестанет давать мне баранью котлету (chop), если я своими присылками буду мешать ее мужу поставить давно ожидаемую точку». О войне, которую вели с русскими книгами жена Маркса и Энгельс, рассказывали мне также Лафарги.

ности. Но интенсивная научная, чисто кабинетная работа, которая фатально порождает то, что называется рассеянностью,—а Маркс был очень рассеянным человеком,—невозможность, за отсутствием времени, встречаться слишком часто с людьми и приобрести таким образом «знание людей», природная доверчивость,—все это делало его не раз жертвою обыкновенных, а иногда и политических шарлатанов. Он очень скоро убеждался в своей ошибке и вместе с другими смеялся над своей беспомощностью во всякого рода «делах». Гораздо скорее ему удавалось сорвать маску с какого-нибудь политического шарлатана, а то и просто шпиона, пытавшегося вкрасться в его доверие, но и в этой области можно насчитать несколько случаев, когда Маркс делался жертвой своего «легковерия»,—Толстой, венгерский авантюрист Баниа и другие. Он мог, конечно, оправдывать себя тем, что этим шарлатанам удавалось еще в большей степени надувать других, но от этого недостатка, в особенности по отношению к «людям дела», Маркс никогда не мог освободиться.

Ничто человеческое не чуждо мне, скромно отвечает Маркс своим дочерям, которые, конечно, лучше всех могли знать его «слабости». И этот же ответ он мог бы дать всем своим недругам, которые с усердием, достойным лучшей участи, стараются выудить в его жизни, в его письмах тот или другой грех. Как бы высоко ни поднимался отдельный человек над окружающим его обществом, он остается связанным с ним многочисленными нитями. Трудно, почти невозможно, совлечь с себя в полной мере «ветхого человека». Маркса тоже не миновала эта участь.. Он тоже ошибался, тоже грешил—и как человек, и как политик.

Кто читал его письма к Энгельсу, Беккеру, Вейдемейеру, тот может лишь удивляться, каким образом мог еще Маркс при тех гнетущих условиях, в которых он жил годами,—только с 1869 г. Маркс не знал уже больше нужды,—сохранить свою жизнерадостность и ясность духа, которая поражала и его друзей, и его знакомых. Часто тяжелые удары судьбы вырывают у него жестокое и резкое слово, иногда он несправедлив даже по отношению к близким людям. Но каждый раз он сбрасывает с себя могучим толчком власть обыденщины и, «упорствуя, волнуясь и спеша», гордо продолжает свой путь, работает над делом всей своей жизни.

Когда Энгельс в одном письме—не в первый уже раз

убеждает снова своего друга отдать, наконец, в печать «Капитал», Маркс ему отвечает (31 июля 1865):

«Я не могу решиться отослать что-нибудь, пока весь труд не будет лежать предо мною готовым. Какие бы недостатки ни имели мои работы, их достоинство заключается в том, что они представляют художественное целое, и этого я достигаю тем, что никогда не печатаю их, пока они не лежат предо мной целиком».

То же самое можно сказать и о всей жизни Маркса. Каковы бы ни были его недостатки, она представляет редкое по своей красоте художественное целое, равное которому трудно найти в истории человечества.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие редактора	5
Фр. Энгельс. Карл Маркс	11
Фр. Энгельс. Письмо к Зорге о смерти Маркса	23
Фр. Энгельс. Речь над могилой Карла Маркса	27
Элеонора Маркс. Карл Маркс	30
Карл Маркс. Памяти июньских бойцов	39
Карл Маркс. Революции 1848 г. и пролетариат	44
Г. Плеханов. Карл Маркс	47
Франц Меринг. Маркс и революция	56
Роза Люксембург. Застой и прогресс в марксизме	62
Н. Ленин. Марксизм	69
К. Тимирязев. Ч. Дарвин и К. Маркс	95
П. Лафарг. Карл Маркс	104
Фр. Леснер. Воспоминания рабочего о Марксе	127
Вильгельм Либкнехт. Маркс и дети	137
Вильгельм Либкнехт. В поле и на лугу	143
Н. Ленин. Гайндман о Марксе	149
Д. Рязанов. «Исповедь» Карла Маркса	156

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФС

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

АРХИВ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Книга I. I. Статьи и исследования. II. Из неопубликован. рукописей Маркса и Энгельса. III. Из переписки Маркса и Энгельса. IV. Критика и рецензии. Стр. 497. Ц. 4 р.

Книга II. Фридрих Энгельс. Диалектика природы (немецкий и русский тексты). С предисловием Д. Рязанова.

Приложение: Библиография марксизма. Составлено Э. Цобелем и П. Гайду.

Книга III. I. Статьи и исследования. Из литературного наследства Маркса и Энгельса. Материалы, сообщения метки. Письма и документы. Крити и рецензии. Некрологи. (Печ.).

Маркс и Энгельс в 1848 — 50 Очерки и статьи, собранные Ф. М рингом. С пред. Д. Рязанова.

Гегель. Избранные сочине под ред. А. Деборина и Д. Рязано Философия права. (Печат.). Философия истории. (Гот. к печ.) Энциклопедия философских наук. Ч Логика. (Гот. к печ.)

БИБЛИОТЕКА МАТЕРИАЛИЗМА

под общей редакцией **А. Деборина и Д. Рязанова.**

Л. Фейербах. Сочинения. Т. I. Избранные философские произведения. Вступительный очерк А. Деборина. Стр. 336. Ц. 90 к.

Л. Фейербах. Сочинения. Т. II. Сущность христианства.—Сущность религии.— Ответ Штирнеру. Со вступ. статьей А. Деборина.

Л. Фейербах. Сочинения. Т. III. Лекции о сущности религии. Со вступ. статьей А. Деборина. Стр. 400. Це 2 р. 75 к.

П. Гольбах. Система природы. пред. А. Деборина. Стр. XXXV+5 Ц. 4 р.

Ламеттри. Избранные сочин ния. Вступительн. статья А. Дебори Прим., библиогр. и указ. имен (со И. Луппол). С портр. Ламетт Стр. LI+871. Ц. 4 р.

БИБЛИОТЕКА МАРКСИСТА

под редакцией **Д. Рязанова.**

ПЕЧАТАЮТСЯ:

П. Лафарг. Томас Кампанелла. С предисл. Д. Рязанова и примеч. Г. Зайделя и И. Луппола. С 4 рис.

Его же. Право на лень.

К. Маркс. Заработная плата, цена и прибыль.

Его же. 18 брюмера Луи Бонапарта.

Его же. Классовая борьба во Франц.

Его же. Наемный труд и капитал.

Его же. Революция и контр-революция в Германии.

Его же. Речь о свободе торговли.

Маркс—мыслитель, человек, революционер. Сборник статей. С предисл. Д. Рязанова. С 10 рис.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Комм нистический Манифест. С пред. прим. Д. Рязанова. С 21 рис.

Г. Плеханов. Русский рабочий в волюционном движении.

Его же. Основные вопр. марксиз

Ф. Энгельс. Жилищный вопрос.

Его же. Крестьянская война в Г мании. С предисл. Д. Рязанова и п меч. Ц. Фридлянда. С 7 рис.

Его же. Развитие социализма утопии к науке. С предисл. Д. Рязан и примеч. Г. Зайделя и И. Луппола

Его же. Людвиг Фейербах.

80 коп.